

ISSN 2073-8315

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А.А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філасофія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

1 (39)
2012

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (галоўны рэдактар);
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А);
канд. фіз.-мат. навук дацэнт Б.Д. Чабатарэўскі (нам. галоўнага рэдактара);
Л.І. Будкова (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Магілёў)
канд. гіст. навук дацэнт К.М. Бандарэнка (Магілёў)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (Магілёў)
д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук прафесар В.І. Рагаўцоў (Магілёў)
д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт В.В. Люкевіч (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лаўшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт С.А. Наскоў (Магілёў)

ЗМЕСТ

ЛАВРИНОВИЧ Д.С. Либеральные организации России и белорусский национальный вопрос в 1917 г.	4
ТАБУНОВ В.В. Регламентация законодательством Российской империи деятельности православной церкви и римско-католического костела в Беларуси конца XIX – начала XX в.	10
СУГАКО Л.А. Эвакуация промышленного потенциала БССР летом 1941 года	13
ИГНАТОВЕЦ Л.М. Русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях (1830 – 1850 гг.)	21
РАДЮК А.В. Органы советской власти в партизанских зонах Беларуси в годы Великой Отечественной войны	27
ВОРОН В.П. Этнический фактор в развитии аграрного образования и распространении передовых сельскохозяйственных знаний на территории Надднесьяныны вo второй половине XIX – начале XX в.	34
ГАРМАТНЫ В.П. Аграрнае пытанне ў праграме Беларускай сялянска-работніцкай грамады (1925 – 1927 гг.)	41
ЧЕСНОКОВ Н.Г. Оправдание добродетельности (по произведению Т. Мора “Утопия”)	47
КУТУЗОВА Н.А. Православный фундаментализм первой половины XVII века: формирование идеологии	54
РАГАЎЦОЎ В.І. Вербальныя сродкі камічнага ў “Камеды” Каятана Марашэўскага	60
ГРУШЕЦКАЯ Е.Н. О настоящем времени субъекта речи	65
НАДУМОВИЧ Л.М. Образования с начальным <i>велик(о)</i> - в истории русского и белорусского языков	69
КОРСАК О.Н. Некоторые морфологические особенности северного периферийного польского диалекта XVIII в. (на материале польскоязычных завещаний, составленных на белорусских землях)	73
КОЗЫЛЕВА М.В. Да праблемы перадачы антрапонімаў у іншамоўным тэксце	79
ГРЕЧАНИКОВА Е.Л. Статус-кво “советской литературы” в материалах Первого съезда советских писателей	84

ЮБЛЕЙНЫЯ ДАТЫ

Вучоны, педагог, паэт: да 60-годдзя В.І. Рагаўцова	91

РЭЦЭНЗІІ

РИЕР Я.Г. Реплика по поводу статьи: Шнирельман В.А. Слово о “голом (или не вполне голом) короле” // Историческая психология и социология истории. – М., 2009. – Т. 2. – № 2.	94

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ	97

SUMMARIES	99

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94 (476) (075.8)

Д.С. ЛАВРИНОВИЧ

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ И БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В 1917 г.

Статья посвящена проблемам формирования национальной, социокультурной и конфессиональной идентичности белорусской нации в идеологии либеральных политических партий и общественных организаций, исследованию генезиса идеи белорусской государственности в общественно-политических движениях России периода Первой мировой войны. Освещаются позиции по белорусскому национальному вопросу как общероссийских либеральных партий и организаций (Конституционно-демократической партии, Российской радикально-демократической партии, Всероссийского союза земельных собственников), так и региональных (Белорусского народного союза Витебской губернии, Союза белорусской демократии и др.). Прослеживается эволюция воззрений по проблемам самоопределения белорусского народа: от признания белорусского этноса, определения территории его расселения, констатации необходимости изучения его культурных особенностей до постановки проблем государственного строительства к концу Великой войны.

Введение

Проблемы формирования национальной, социокультурной и конфессиональной идентичности белорусской нации в идеологии либеральных политических партий и общественных организаций России начала XX в. в историографии изучены недостаточно хорошо, т.к. большинство историков в основном анализировало варианты создания белорусской государственности, предлагавшиеся национально-демократическими силами либо советской стороной. В данной статье поставлена цель осветить позиции по белорусскому национальному вопросу как общероссийских либеральных партий и организаций (Конституционно-демократической партии, Российской радикально-демократической партии, Всероссийского союза земельных собственников), так и региональных (Белорусского народного союза Витебской губернии, Союза белорусской демократии и др.) на заключительном этапе Великой войны в 1917 – 1918 гг.

Основная часть

Из общероссийских либеральных партий в указанное время наиболее влиятельной была Конституционно-демократическая партия (КДП). После свержения самодержавия она по сути выполняла роль правительственной. Весной – летом 1917 г. отделы КДП были созданы: в Витебской губернии – в Витебске и Витебском уезде, Городке, Двинске и Двинском уезде, Люцине, Невеле, Полоцке и Режице; в Минской губернии – в Минске, Бобруйске, Мозыре, Речице, Слуцке и Новогрудском уезде; в Могилевской губернии – в Могилеве, Быхове и Быховском уезде, Гомеле и Гомельском уезде, Горках, Климовичах, Орше, Рогаचेво, Сенно, Чаусах и Чауском уезде [1, с. 233-236]. Социальную основу КДП в Белоруссии составляли представители состоятельных городских слоев: гласные земств и городских дум, служащие Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, чиновники, юристы, врачи и другие представители “цензо-

вой” общественности. В Гомеле среди конституционных демократов было много старообрядцев. В сельской местности опорой кадетской партии были помещики. Пытались кадеты привлечь в свои ряды и крестьянство. Крестьянской была организация КДП в Голеневской волости Чаусского уезда. В Невельском уезде кадетские кружки имелись в 7 волостях. Из национальных меньшинств сильные прокадетские настроения были у евреев, особенно в Витебске, Городке. Питали конституционные демократы надежду и на латышское население Витебской губернии. Поскольку по территории Беларуси проходил Западный фронт, то ряды кадетов пополняли также офицеры. Военные фракции были созданы при Минском и Могилевском отделах КДП [1, с. 236-237].

Как правило, количество членов в организациях кадетской партии на территории белорусских губерний было небольшим и исчислялось несколькими десятками человек. Хотя некоторые отделы КДП были значительным: Горецкий – 150, Городокский – около 200, в Невельском уезде – 600 человек (из них 300 проживали в сельской местности) [1, с. 237].

Действуя бок о бок с польскими, еврейскими, украинскими и другими национальными партиями, кадеты не могли игнорировать и белорусский вопрос. Выступая за равные права всех национальностей при сохранении единства российского государства, кадеты не рассматривали белорусов как особый народ, отличный от собственно русских, правда, некоторые особенности первых они не могли не замечать. Не допуская мысли о национальной автономии Белоруссии, конституционные демократы готовы были признать особенности в областном устройстве края. Так, по мысли уполномоченного ЦК КДП В.И. Самойло, местная организация конституционных демократов в Минской губернии должна была выступать с крайних позиций, т. е. быть тесно связанной с жизнью города, уезда, губернии и вообще Беларуси [2]. Выступая на восьмом кадетском съезде 9 – 12 мая по поводу доклада Ф.Ф. Кокоскина “Автономия и национальный вопрос”, В.И. Самойло предложил дополнить тезисы докладчика, предполагавшего ввести обязательное начальное обучение на родном языке, пунктом о получении на родном языке среднего образования. Минский делегат не исключал возможности открытия в будущем и белорусского университета. Также, по его мнению, следовало уделить большое внимание развитию литературы на национальных языках [3, с. 596, 601]. В перспективе Самойло видел Россию разделенную на области-края, образованные на национальной основе. “Может быть, действительно, в национальном духе найдутся те новые родники эмоциональной энергии, которые создадут великую Россию”, – полагал он [3, с. 597].

С другой стороны кадеты резко критиковали белорусские национальные организации за их стремление к автономии Беларуси в составе России. Так, председатель Горецкого отдела КДП С.Г. Цитович считал, что белорусское движение – это явление временное, вызванное революционными событиями 1917 г. О белорусских деятелях он, в частности, писал: “Белорусы же они только потому, что теперь это модно” [4]. По его мнению, у большинства населения Беларуси не было желания обособиться от России [5]. Также Цитович отрицал наличие самого белорусского языка и литературы [6].

С иных позиций выступала Российская радикально-демократическая партия (РРДП), созданная 11 марта 1917 г. в Петрограде. В белорусских губерниях инициаторами создания отделов РРДП были представители либеральной интеллигенции, служащих, офицерских и торгово-промышленных кругов, деятели земств и городских дум. Многие из них в прошлом были членами Конституци-

онно-демократической партии, порвавшие с ней по разным причинам. В течение лета 1917 г. организации РРДП сформировались в Минске, Слуцке, Игумне, Бобруйске, Могилеве, Рогачеве, Витебске [7, с. 516; 8]. В области национальных отношений радикалы-демократы обещали бороться за права национальных меньшинств Российской империи, в т.ч. они признавали право на самоопределение белорусской народности [9, л. 2].

Однако из-за своей малочисленности РРДП в Беларуси действовала весьма пассивно. Только партийные организации Минской губернии смогли выставить собственный избирательный список на выборах в Учредительное собрание. Но выборы РРДП проиграла. К концу 1917 г. отделы радикально-демократической партии в белорусских губерниях прекратили свое существование.

Помимо общероссийских партий с либеральных позиций пытались решить белорусский вопрос и местные политические организации, идеологической платформой которых была доктрина западноруссизма, рассматривавшая белорусов в качестве части единого большого русского народа и тесно увязывавшая судьбу Белоруссии с будущим всей России.

Одна из самых больших белорусских либеральных организаций сформировалась в Гомеле. В конце апреля 1917 г. в помещении Управления Полесских железных дорог состоялось первое собрание местных белорусов. Присутствовало около 200 человек [10, с. 1]. Председателем собрания был избран Д.Г. Гулевич, бывший учитель, секретарем – И.М. Лихуто, железнодорожный чиновник. На собрании были заслушаны сообщения о мартовском белорусском съезде в Минске и создании Белорусского национального комитета (БНК), о делегации комитета в Петроград с целью переговоров с Временным правительством и Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, о митинге белорусов в Петрограде. Собрание постановило отправить телеграмму с выражением поддержки новому правительству и образовать временный Белорусский демократический комитет из 45 членов. 26 апреля председателем комитета был избран известный общественный деятель, руководивший в прошлом “Белорусским обществом” в Вильно, П.В. Коронкевич [10, с. 4].

В конце мая 1917 г. состоялось второе собрание белорусов в Гомеле. Председательствовал на нем учитель К. Боровский, секретарем был агент Управления Полесских железных дорог В.С. Василенко. Собрание заслушало доклады о белорусском движении в Минске, о Белорусской социалистической Громаде и др. Присутствовавший на собрании представитель Белорусского национального комитета прапорщик Станкевич агитировал за автономию Беларуси в составе России. Большинство выступило против. Зато по предложению П.В. Коронкевича было постановлено возбудить перед Временным правительством ходатайство о белорусском представительстве в комиссии по выборам Учредительного собрания [10, с. 4-5].

18 июня 1917 г. на третьем собрании белорусов в Гомеле под председательством Д.Г. Гулевича принимается решение о создании Союза белорусской демократии (СБД) и активном участии в выборах Учредительного собрания. Председателем комитета союза был избран П.В. Коронкевич, его заместителями стали Д.Г. Гулевич и бывший учитель Ф.В. Шишко [10, с. 5, 7].

Программа Союза белорусской демократии основывалась на утверждении о том, что, кроме интересов общих со всем русским народом, у белорусов имелись еще и свои особые интересы. Их наличие обуславливалось особенностями географического положения Белоруссии, культурным влиянием соседних народов,

своеобразием этнографического состава населения, социальных и религиозных отношений, особым законодательным статусом края. Положительно характеризовалось Великое Княжество Литовское, в рамках которого оформилась белорусская народность, и, наоборот, крайне негативная оценка давалась Речи Посполитой, с которой связывались полонизация элиты, религиозный и национальный гнет. «Продолжительный период застоя культуры белорусской сделал то, что белорусы в конце концов утратили свое национальное самосознание и начали определять себя термином “тутэйшый”», – утверждал П.В. Коронкевич [10, с. 5]. По его мнению, к началу XIX в. белорусский язык представлял собой наречие с бесчисленными вариациями в зависимости от местности. Возрождение белорусов по-прежнему связывалось с русской культурой и языком. “Те белорусы, которые ставят своей целью отделение Белоруссии от России, указывая на самостоятельность своей культуры и языка, образчиком которого служат такие произведения, как “Тарас на Парнасе” и “Панское игрище”, не могут быть серьезными тормозами в единении свободной Белоруссии с свободной Великой Россией”, – писал П.В. Коронкевич, указывая на белорусские организации, консолидировавшиеся вокруг БНК. Задача белорусской интеллигенции, считал он, заключается в работе по объединению белорусов, великорусов и малорусов в одну “несокрушимую народность русскую”. А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев и другие русские писатели рассматривались как культурные деятели, общие для всех восточных славян [10, с. 7].

В сфере государственного управления Союз белорусской демократии отстаивал целостность территории Белоруссии с Вильно как главным ее культурным центром, добивался самоуправления края в рамках России. В области народного просвещения предполагалось расширить сеть начальных и средних школ, открыть университет, ввести бесплатное обучение, но только на русском языке. Для решения аграрного вопроса предусматривалось без выкупа передать крестьянам все государственные, церковные, удельные и помещичьи земли по правилам, которые должно было выработать общероссийское Учредительное собрание. Поскольку белорусские губернии серьезно пострадали в ходе военных действий, восстановление их хозяйства возлагалась на общегосударственную казну. Кроме того, союз обещал оказывать содействие развитию промышленности, путей сообщения, кооперации и сельскохозяйственной культуры в крае [10, с. 10-11].

Для поднятия авторитета Союза белорусской демократии его лидеры сумели заручиться поддержкой академика Е.Ф. Карского. Видный ученый одобрил программу союза, указав лишь на необходимость применения белорусского языка в начальной школе, изучение его в средних и высших учебных заведениях Белоруссии. Положительно оценивал Карский и развитие литературы на народном языке. П.В. Коронкевич прислушался к советам академика, отредактировал программу, указав, что союз “не препятствует допущению в начальной школе обращения к народному языку и не возбраняет литературы на этом языке” [10, с. 11-12].

Летом 1917 г. СБД активно участвовал в общественно-политической жизни. За это время состоялось около 20 заседаний его комитета. 25 июня Д.Г. Гулевич и Ф.В. Шишко участвовали в совещании белорусских организаций в Витебске, а 4 – 6 июля П.В. Коронкевич и Ф.В. Шишко присутствовали на белорусской конференции в Петрограде. Гласному городской думы В.А. Михаленку удалось открыть отдел союза в Молодечно [10, с. 8-9].

Консолидация белорусской интеллигенции и служилого элемента происходила и в Могилеве. В середине марта 1917 г. на квартире присяжного поверен-

ного И.О. Реута состоялось организационное собрание местной белорусской интеллигенции. Прежде чем создать собственную организацию, было решено ознакомиться с решениями белорусского съезда в Минске, намеченного на конец марта. На него были делегированы от православных преподаватель реального училища М.С. Кахонович, от католиков – ксендз Д. Лапошко. На съезде наиболее заметной фигурой был М.С. Кахонович, возглавивший этнографическую комиссию, занимавшуюся определением границ Беларуси. Он также был включен в состав Белорусского национального комитета и делегации для переговоров с Временным правительством [11, с. 203]. По возвращении в Могилев 31 марта М.С. Кахонович выступил с отчетом на собрании белорусов (собралось около 40 человек), которое приняло информацию о решениях белорусского съезда в Минске к сведению [11, с. 203]. 15 апреля 1917 г. завершилось оформление Могилевского белорусского комитета. В его управу вошли И.О. Реут, исполняющий обязанности директора народных училищ Д.И. Довгяло, студент М.К. Кожемяко, член окружного суда И.И. Романович, инспектор высших начальных училищ И.А. Сербов, ксендз Д. Лапошко, М.С. Кахонович и др. По преимуществу это были люди либерального и народнического мировоззрения. Председателем организации был избран И.О. Реут, но и М.С. Кахонович играл весьма заметную роль. Общая численность членов комитета составила несколько сот человек [11, с. 204].

Могилевский белорусский комитет поставил себе задачей объединить все белорусское население Могилевской губернии в целях оказания поддержки Временному правительству в борьбе с Германией и ее союзниками, преобразования России в демократическую республику, организации выборов в Учредительное собрание и разработки вопросов, подлежащих разрешению Учредительного собрания в согласии с национальными стремлениями белорусского народа, а также содействия экономическому и культурному развитию Белоруссии [12, с. 7]. В воззвании, написанном Д.И. Довгяло, отмечалось: “Такая громадная страна, как Белоруссия, с таким огромным населением, имеет свои особые, местные, национальные нужды. О них, в видах общегосударственных и местных интересов, уже пришла пора заявлять громко, во всеуслышание. Правительство самое благожелательное не в состоянии будет принести нам пользу, если не будет слышать нашего голоса” [13].

Белорусский комитет действовал, однако в довольно сложных условиях. Будучи преимущественно либеральной по своей сути организацией, он не нашел взаимопонимания с местными кадетами, которые считали белорусское движение искусственным. Правда, М.С. Кахонович вступил в Российскую радикально-демократическую партию, признававшую право белорусов на самоопределение [14]. Слева Белорусскому комитету приходилось выдерживать натиск со стороны социалистических партий, особенно эсеров. На выборах в городскую думу 13 августа 1917 г. представители белорусского комитета завоевали всего шесть мест из 64-х, уступив и кадетам, и блоку социалистов [11, с. 206-207]. Являясь интеллигентской организацией, белорусский комитет активнее действовал в учительской среде. 19 сентября 1917 г. в Могилеве состоялось совещание преподавателей средних учебных заведений западных губерний Российской империи. Под влиянием комитета, и особенно М.С. Кахоновича, совещание постановило допустить белорусский язык в преподавание в начальной школе и ввести его в качестве необязательного предмета, наряду с историей, этнографией и географией Белоруссии, в учебный план средней школы [15, с. 166].

По своей платформе и тактике к могилевской организации белорусов был близок Белорусский народный комитет в Орше, созданный в июле 1917 г. военным

чиновником Н.Ю. Левковичем, преподавательницей женской учительской семинарии М.А. Васильевой, военным контролером В.М. Романовичем и др. Филиалы организации возникли в Копыле, Горках, Толочине. Комитет поставил своей целью добиваться участия белорусов в органах местного самоуправления, в выборах и работе Учредительного собрания. Предполагалось преобразование России в федеративное государство, в котором Белоруссия получила бы автономию и собственный представительный орган – Белорусский народный совет, избранный путем всеобщего голосования. Социально-экономическая часть программы оршанского комитета была близка российским социалистическим партиям: национализация земли, 8-часовой рабочий день, бесплатное образование и медицинская помощь и т. п. Отношение к белорусскому языку было вполне в духе западноруссизма: он признавался весьма архаичным и только после научной обработки, по желанию населения, допускалось его внедрение в школу [16, с. 104-105].

Наибольшее значение белорусские организации придавали выборам в Учредительное собрание. Сознывая малочисленность Союза белорусской демократии, его лидеры решили блокироваться с другими организациями: оршанским Белорусским народным комитетом, моголевским Белорусским национальным комитетом, московской Белоруской народной громадой. В избирательный список белорусских организаций Моголевской губернии вошло 15 кандидатов, 4 из них представляли СБД (П.В. Коронкевич, Д.Г. Гулевич, В.А. Михаленок, К.М. Загоровский), 5 – моголевский комитет (М.С. Кахонович, Д.И. Довгяло, П.А. Сченновский, Е.С. Олехнович, А.К. Ляхтанович), 3 – оршанский комитет (Н.Ю. Левкович, В.М. Романович, Г.А. Ермашкевич), 2 – Москву (А.И. Цвикевич, Ф.Ф. Турук) [17]. Результаты выборов оказались неудачными для белорусских организаций, победу одержали общероссийские партии: эсеры, большевики и др.

После установления советской власти в конце 1917 г. деятельность Союза белорусской демократии прекращается. Моголевский и оршанский комитеты эволюционируют влево, в сторону сближения с БСГ. В конечном счете М.С. Кахонович и его сторонники в 1918 г. поддержали идею создания Белорусской народной республики, с которой была связана их последующая деятельность [11, с. 208].

Продолжение следует

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Лавринович, Д.С.** Деятельность Конституционно-демократической партии и “Союза 17 октября” в Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д.С. Лавринович. – Моголев : УО “МГУ им. А.А. Кулешова”, 2009. – 336 с. : ил.
2. Провинциальный отдел. Минск // Вестник Партии народной свободы. – 1917. – 11 мая. – С. 30.
3. Съезды и конференции конституционно-демократической партии : в 3 т. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т. 3. Кн. 1 : Съезды и конференции конституционно-демократической партии в 1915 – 1917 гг. – 832 с.
4. **Цитович, С.** Выступление белорусов / С. Цитович // Горецкий вестник. – 1917. – 29 сентября. – С. 1.
5. **Ц. [Цитович С.Г.]** На учительском делегатском съезде 22 октября / Ц. [С.Г. Цитович] // Горецкий вестник. – 1917. – 24 октября. – С. 2.
6. Моголевская жизнь. – 1917. – 1 ноября. – С. 1–2.
7. **Васильева, Т.** Российская радикально-демократическая партия / Т. Васильева, В. Кривенький, О. Шашкова // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века : энциклопедия / ред. коллегия: В.В. Шелохаев (отв. ред.) и др. – М. : РОССПЭН, 1996. – С. 515–516.

8. Собрание русской демократической партии // Вестник Минского губернского комиссариата. – 1917. – 15 июля. – С. 3.
9. Российская радикально-демократическая партия. Резолюция об организации партии и проект программы (1915 – 1916 гг.) // ДП РНБ. – Фонд 657. – Оп. 1. – Д. 392.
10. **Коронкевич, П.В.** Белорусы (Исторический очерк с обзором деятельности “Союза Белорусской Демократии”, этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза) / П.В. Коронкевич. – Гомель : Тип. Захарина и Марголина, 1917. – 20 с.
11. **Рудовіч, С.** У пошуках нацыянальнай ідэнтычнасці: беларуская патрыятычная арганізацыя ў Магілёве ў 1917 – 1918 гг. / С. Рудовіч // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва : зборнік навуковых прац / уклад. І.А. Пушкін. – Магілёў, 2001. – С. 203–209.
12. Воззвание и устав могилевского Белорусского организационного комитета. – Могилев, 1917. – С. 7.
13. **Д. [Довгяло, Д.И.]** К моменту. Белорусы! Объединяйтесь! / Д. [Д.И. Довгяло] // Могилевский вестник. – 1917. – 14 апреля. – С. 3.
14. Местная жизнь // Могилевская жизнь. – 1917. – 6 августа. – С. 3.
15. **Пушкін, І.А.** Сход магілёўцаў вітаў незалежнасць Беларусі (Жыццёвы лёс Міхаіла Кахановіча) / І.А. Пушкін // Гістарычнае і сацыякультурнае развіццё Магілёва : зборнік навук. прац / уклад.: І.А. Пушкін, В.В. Юдзін. – Магілёў, 2007. – С. 163–171.
16. **Рудовіч, С.** Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001. – 201 с.
17. Белорусский список (№ 8) // Горьковский вестник. – 1917. – 3 ноября. – С. 2.

Поступила в редакцию 25.11.2011 г.

УДК [281.9+282] “476” “091”

В.В. ТАБУНОВ

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РИМСКО– КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА В БЕЛАРУСИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В статье анализируется положение православной церкви и римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начале XX вв. в соответствии с законодательством Российской империи. Православная церковь в рассматриваемый период обладала привилегированным положением. Это проявлялось, прежде всего, в свободе проповеди своего вероучения. Римско-католический костел, отнесенный к покровительствуемым религиям, несмотря на некоторые ограничения в своей деятельности, находился в условиях, позволявших ему функционировать в достаточно полной степени.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена тем, что белорусские земли, как в конце XIX – начале XX в., так и на современном этапе развития, отличались и отличаются поликонфессиональностью. При этом ведущие роли в конфессиональной жизни Беларуси продолжают играть две основные христианские конфессии – православие и католицизм. Изучение же законодательного положения православной церкви и римско-католического костела на белорусских землях в конце XIX – начала XX ст. позволяет систематизировать и расширить знания об

истории христианских конфессий в нашей стране, а также правильно осмыслить сущность религиозных процессов современности.

Основная часть

На рубеже XIX – XX вв. население белорусских земель являлось поликонфессиональным [1, с. 252-253]. Доминирующим вероисповеданием в данный период было православие. По данным переписи 1897 г., на территории Беларуси проживало 5120667 православных [1, с. 252], что составляло около 60% от общей численности населения.

В конце XIX – начале XX в. на белорусских землях существовало пять епархий: Полоцкая, Минская, Могилевская, Виленская и Гродненская [2, с. 484].

Отличительной чертой законодательства Российской империи являлось то, что оно обеспечивало не свободу веры, а только веротерпимость [3, с. 51]. Закон разрешал исповедовать все религии, кроме “изуверческих” (скопцы, хлысты, духоборы, молокане и др.), но при условии, что они “благословляют царствование Российских монархов” [4, с. 9-10]. В соответствии с законодательством Российской империи на все “места и лиц, имеющих начальство по части гражданской или военной”, возлагалась обязанность предупреждать и пресекать всеми “зависящими от них средствами” различные действия, “клонящиеся к нарушению должного уважения к вере”. Администрации на местах также вменялось в обязанность оказывать “нужную защиту и пособие” всем “свободно исповедуемым в империи религиям”, а полиции – охранять “свободы иноверных, признанных правительством исповеданий” [5, с. 50].

Официально провозглашённое равенство всех религий в империи на деле существовало лишь формально. Все религии, действующие в стране, делились на три группы: 1) государственная религия (православие); 2) покровительствуемые религии (католицизм, ислам, иудаизм); 3) нетерпимые религиозные организации (духоборы, скопцы, хлысты, молокане и другие секты) [6, с. 135].

Правовое пространство в области религиозного законодательства определялось особым положением православной церкви [7, с. 98]. Статья 40-я Основных законов гласила, что “первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть христианская православная кафолическая восточного исповедания” [4, с. 9]. Первенство православной церкви выражалось в том, что российский император не мог “исповедовать никакой иной веры, кроме православной”. Закон возлагал на него обязанность “быть верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия и всякого в Церкви святой благочиния” [4, с. 10]. В управлении православной церковью верховная власть действовала через Святейший Синод. Особенность положения православной церкви в значительной степени определялась тем, что обер-прокурор при Синоде с 1835 г. получил права министра, благодаря чему он стал посредником между церковью и верховной властью. Все дела, касающиеся православного духовного ведомства, представлялись в высшие государственные учреждения и императору непосредственно через обер-прокурора [7, с. 98], который таким образом стал фактически правителем церкви, осуществляя наблюдение за ней при помощи централизованного бюрократического аппарата.

Привилегированность православной церкви выражалась в принадлежавшем ей исключительном праве проповедования своего вероучения [8, с. 14].

Господствующее положение православной церкви выражалось также и в том, что неправославному духовенству запрещалось “прикасаться к убеждению

совести не принадлежащих к их религии”, допускать “заведомо православных” к таинствам своей церкви [9, с. 42]. Рожденным в православной вере и тем, кто в нее перешел, не разрешалось принимать другую веру. Зато поощрялся переход из любого другого вероисповедания в православие. Для разрешения же перехода из одного в другое “инославное христианское исповедание” требовалось разрешение министра внутренних дел [8, с. 8, 15-16].

Следует заметить, что такая позиция православной церкви не была исключительной. В соответствии с нормами канонического права всякая церковь не допускает для лиц, к ней принадлежащих, свободы выхода и перехода в другое вероисповедание, не считая такой выход правомерным актом [7, с. 99].

Согласно данным переписи 1897 г., на белорусских землях проживало 1947795 католиков [1, с. 252-253], что составляло около 23% от общего количества населения.

В конце XIX – начале XX ст. белорусские земли входили в состав Могилевской римско-католической архиепископии. Костелы, располагавшиеся в губерниях Могилевской, Минской и Витебской, принадлежали непосредственно ведомству Могилевской архиепархии, а костелы Виленской и Гродненской губерний – Виленского епископата [10, с. 3].

Управление официально признанными неправославными христианскими конфессиями, в том числе и римо-католицизмом, находилось в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ведении Департамента находились римско-католическая Духовная коллегия, состоявшая из председателя-митрополита, членов постоянных заседателей от епархий, прокурора и канцелярских чинов. Коллегии подчинялись римско-католические епархиальные управления и учебные заведения [10, с. 4-5].

Правительственный контроль предполагал ограничение ряда прав для римско-католической церкви, представители которой сообщались с Римом “не иначе, как через министра внутренних дел”. В соответствии с установленным порядком “никакие акты, буллы, послания, наставления и всякого рода постановления и распоряжения Папы Римского и его правительства” не имели в России “законной силы” без разрешения правительства [10, с. 2-3].

Вместе с тем римско-католическая церковь обладала правом публичного отправления богослужения. Она наделялась статусом юридического лица и имела право на владение собственностью. Ограничения были установлены относительно приобретения недвижимости. Имущество римско-католических церквей и монастырей охранялось законом. Духовенство освобождалось от воинской повинности и телесных наказаний, получало содержание от казны и процентов особого капитала, находившегося в ведении министра внутренних дел. За усердное служение оно награждалось орденами и наперсными крестами. Римско-католическое духовенство могло вести акты гражданского состояния, имело дисциплинарную власть, юрисдикцию по брачным делам, духовную цензуру [10, с. 7, 12-15].

Заключение

Таким образом, в конце XIX – начале XX в. православная церковь на белорусских землях, входивших в то время в состав Российской империи, находилась в привилегированном положении (запрещались переходы из православия в другие христианские исповедания, только православное духовенство имело право проповедовать свое вероучение. – В.Т.). Римско-католический костел был отнесён к разряду покровительствуемых религий. Несмотря на некоторые ограничения в своей деятельности (например, сообщение с Римом посредством

Министерства иностранных дел России. – В.Т.), костел обладал рядом прав, позволявших ему осуществлять свою духовную деятельность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Общий свод по империи результатов данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Троицкого. – СПб. : Паровая Тип.-Лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – Т. 1. – 268 с.
2. Беларусь / Ф. Кривонос [и др.] // Православная энциклопедия : в 12 т. / под общ. ред. патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М. : Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”, 2002. – Т. 4. – С. 467–497.
3. **Волхонский, М.А.** Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции / М.А. Волхонский // Отечественная история. – 2005. – № 5. – С. 48–63.
4. Свод Законов Российской империи: в 13 т. – СПб. : Издание Кодификационного отдела при Государственном Совете, 1892 г. – Т. 1. – Ч. 1 : Основные государственные законы. – С. 1–73.
5. **Клочков, В.В.** Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР / В.В. Клочков. – М. : Политиздат, 1982. – 160 с.
6. **Табунов, В.В.** Политика царского правительства в национально-религиозном аспекте на белорусских землях во второй половине XIX – начале XX вв. / В.В. Табунов // Куляшоўскія чытанні – 2003 : матэрыялы Міжнароднай навук. канф. 11–12 снеж. 2003 г.: тэзісы дакладаў : у 2 ч. / адказ. рэд. М.І. Вішнеўскі. – Магілёў : МДУ імя А.А. Куляшова, 2004. – Ч. 2. – С. 134–136.
7. **Бендин, А.** Религиозная толерантность в Российской империи как этнообразующий и консолидирующий фактор (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. Бендин // Кафоликия : сб. науч. ст. / под ред. А.В. Данилова. – Минск : Тесей, 2003. – С. 96–108.
8. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб. : Издание кодификационного отдела при Государственном Совете, 1890. – Т. XIV. – 96 с.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Свод Законов Уголовных. – СПб. : Государственная тип., 1885. – Ч. 1. – 413 с.
10. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. – Изд. 1896 г. // Свод Законов Российской империи: полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. осн. и позднейшими узаконениями: в 5 кн. – СПб.: Русское книжное товарищество “Деятель”, б. г. – Кн. 3. Т. VIII. Ч. II – Т. XI. Ч. I / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского ; сост.: Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – С. 1–157.

Поступила в редакцию 07.02.2011 г.

УДК 94(476) “1941/1945”

Л.А. СУГАКО

ЭВАКУАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА БССР ЛЕТОМ 1941 ГОДА

В статье освещается одна из самых сложных проблем, вставших перед партийными и советскими органами БССР в начале Великой Отечественной войны, – перебазирование в тыловые районы Советского Союза промышленных предприятий республики, которые нужно было спасти от угрозы захвата, эксплуатации и разграбления германскими нацистами. На основании архивных источников в научный оборот введены новые факты, характеризующие ход и итоги эвакуации промышленности Беларуси, которые в дискус-

сионном ключе сопоставлены с ранее известными данными. Подчеркиваются многочисленные трудности, сопровождавшие транспортировку грузов в тыл страны, в связи с чем часть предприятий республики не прибыла к новым местам назначения.

Введение

В последние годы внимание исследователей концентрируется на тех проблемах истории Великой Отечественной войны в Беларуси, которые ранее не получили достаточного освещения в историографии. К таковым относятся некоторые аспекты функционирования гитлеровского оккупационного режима, коллаборация, взаимоотношения партизан и местного населения, роль религиозных конфессий в жизни народа в военные годы, трагедия еврейского населения, участие уроженцев Беларуси в движении Сопротивления в разных европейских странах, деятельность польской Армии Крайовой на территории республики, судьба советских и немецких военнопленных, вывоз населения на принудительные работы в Германию и оккупированные нацистами страны и т.д. [1, с. 117].

На наш взгляд, перспективным полем научного поиска следует считать и разные аспекты масштабных эвакуационных мероприятий, осуществлявшихся в БССР летом 1941 г., в частности перебазирование в глубь страны весомой части промышленности республики. Во Второй мировой войне, когда требовалось обеспечить многомиллионные армии разнообразной техникой, вооружением, боеприпасами, топливом и т.д., индустриальные возможности основных воевавших стран превратились в один из решающих факторов вооруженной борьбы. Поэтому в случае возникновения угрозы вражеской оккупации территории, на которой находились важные промышленные предприятия, их эвакуация становилась первоочередной задачей. Отметим, что те или иные стороны процесса перебазирования белорусской промышленности в тыловые районы СССР исследовались в работах Г.И. Олехнович [2], П.П. Липило [3], В.Д. Березанского [4], Ю.Б. Туронка [5], Г.Д. Княтько [6] и др., нашли определенное отражение в коллективных фундаментальных трудах по истории войны, мемуарной литературе, историко-документальных хрониках “Памяць” городов и районов Беларуси и т.д. Вместе с тем рассматриваемая проблема продолжает сохранять значительный исследовательский потенциал.

В предлагаемой статье автор считает необходимым сфокусировать внимание на некоторых проблемных аспектах избранной темы и внести в историю эвакуации белорусской индустрии ряд существенных уточнений и дополнений. При решении этой задачи использовались и данные, полученные в ходе архивного поиска и впервые вводимые в научный оборот.

Основная часть

Уже в первые дни Великой Отечественной войны широко развернувшееся наступление германских войск поставило задачу организации эвакуации из прифронтовых районов СССР, в том числе и Беларуси, в разряд самых неотложных. Угроза захвата обширных советских территорий диктовала необходимость в кратчайшие сроки приступить к перебазированию на восток населения, промышленных предприятий и материальных ресурсов. Требовалось спасти данный потенциал от захвата и эксплуатации противником и использовать его в интересах советских оборонных усилий.

Вопрос о точном количестве полностью либо частично перебазированных в 1941 г. из БССР промышленных предприятий в нашей историографии окончательно не решен. В монографии Г.И. Олехнович, одна из глав которой освещает

процесс перемещения на восток производительных сил республики, эвакуированный промышленный потенциал Беларуси определяется 109 крупными предприятиями и 14 мелкими промартелями [2, с. 35]. На страницах 1-го тома фундаментального исследования “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны” дается расшифровка структуры эвакуированных хозяйственных объектов: 99 фабрик и заводов, 7 электростанций и подстанций, 4 предприятия связи, 2 строительные организации, 1 дорожный участок, 1 типография, 6 производственных мастерских учебных заведений, 10 предприятий промкооперации [7, с. 60]. Другие коллективные обобщающие труды лаконичны и разноречивы в количественных оценках перемещенного в тыл страны промышленного потенциала республики: “свыше 100 крупных предприятий” [8, с. 138]; “124 крупных предприятия союзного и республиканского подчинения и 14 промышленных артелей” [9, с. 646]; “124 промышленных предприятия” [10, с. 398]; “свыше 120 предприятий и 14 промартелей” [11, с. 482].

Представляется, что есть объяснение разнобою в цифровых показателях. Во-первых, упомянутые труды созданы в разные годы и в результате продолжавшегося научного поиска число эвакуированных предприятий корректировалось от работы к работе. Во-вторых, сам процесс исследования “эвакуационной” проблематики сопряжен с известными трудностями. В условиях трагически начавшейся войны и отсутствия необходимого опыта вряд ли могла быть сразу создана стройная и эффективная система, обеспечивавшая проведение соответствующих мероприятий. На центральном уровне руководства вопросы эвакуации решались в ГКО, ЦК ВКП(б), СНК СССР и его наркоматах, Госплане СССР, Совете по эвакуации. За практическое осуществление перебазирования производительных сил стали отвечать ЦК компартий и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации. Кроме того, вывоз промышленного оборудования и других материальных ценностей стал одной из обязанностей начальников тыла фронтов и армий [12, с. 10]. Таким образом, эвакуацию обеспечивала сложная система, наладить надежное взаимодействие и обмен информацией между элементами которой являлось трудной задачей. “Отсутствие увязки в вопросах эвакуации предприятий...” – констатировал в июле 1941 г. председатель Совета по эвакуации Н.М. Шверник в письме В.М. Молотову и Н.А. Вознесенскому [13, л. 2]. В итоге на первом этапе эвакуации не был обеспечен, в том числе и в Беларуси, единый учет перемещавшихся предприятий и сведения о них оказались распыленными по многочисленным документам разного административного уровня. Составлявшиеся в таких условиях в БССР информационные справки носили неполный характер и, более того, способствовали возникновению путаницы при определении количества эвакуированных промышленных предприятий, поскольку в соответствующие перечни авторами данных документов включались такие объекты, как, например, витебские (швейно-трикотажный техникум, ФЗУ обувщиков, ателье мод, мастерские политехникума), могилевские (школа ФЗО № 4, кожсырьевая база, склад запчастей “Тракторосбыт”), гомельские (горводоканал и областное управление связи) и т.д. [2, с. 76, 78; 14, л. 3-11, 14-15; 15, с. 235].

Полагаем, что в целях корректного решения обозначенной проблемы к категории “промышленное предприятие” следует относить хозяйственную структуру, главной функцией которой является основанный на индустриальных техно-

логиях серийный выпуск средств производства либо предметов потребления [16, с. 1079]. Исходя из этого критерия, вряд ли правильно в данную категорию включать эвакуированные оптовые базы или, к примеру, электроподстанции (в отличие от электростанций). Необходимо также продолжить выявление документов, освещающих процесс эвакуации белорусской промышленности. Автору, в частности, архивные поиски позволили обнаружить материалы, свидетельствующие о перебазировании в советский тыл промышленных предприятий, ранее не упоминавшихся в соответствующих исследованиях. К таковым относятся Пинский судоремонтный завод [17, л. 11], Красногорский лесопильный завод (Пинская область) [14, л. 19-20], судоверфь “Давид-Городок” [18, л. 92], Дедловский, Очесо-Руднянский, Регинский спиртзаводы (Гомельская область) [14, л. 16-17], Витебская махорочная фабрика [14, л. 6-7], Климовичский ректификационный завод. Оборудование последнего на автомобилях было отправлено на восток, но в Людиновском районе Орловской области его захватили немцы [19, с. 188]. Однако неудачная эвакуация завода не отрицает ее факт как таковой.

Проанализировав и обобщив имеющуюся в различных источниках информацию, с учетом приведенных выше новых данных и оговорок, представляется возможным констатировать установленный на данный момент факт эвакуации из БССР летом 1941 г. 125 промышленных предприятий, сведения о которых представлены в таблице 1 (составлена автором по материалам: 2, с. 76-93; 13, л. 92; 14, л. 2-16, 19-20; 15, с. 235-237, 239-240, 243, 246; 17, л. 11; 20, л. 318; 21, с. 98).

Таблица 1

**Эвакуация промышленных предприятий БССР
в начале Великой Отечественной войны (июль – август 1941 г.)**

Отрасли промышленности	Количество эвакуированных промышленных предприятий						
	Витебская область	Гомельская область	Могилевская область	Минская область	Пинская область	Полеская область	Итого по БССР
Электроэнергетика	1	2	-	-	-	2	5
Черная металлургия	-	-	1	-	-	-	1
Машиностроение и металлообработка	7	10	3	1	2	-	23
Химическая	-	4	2	-	-	-	6
Торфодобывающая	1	1	-	-	-	-	2
Стройматериалов	1	3	2	-	-	-	6
Стекольная	-	1	-	-	-	-	1
Лесная и деревообрабатывающая	3	6	-	-	2	7	18
Целлюлозно-бумажная	-	1	1	-	-	-	2
Полиграфическая	-	1	1	-	-	-	2
Кожевенная	1	-	2	-	-	-	3
Обувная	2	1	-	-	-	-	3
Легкая	12	6	2	-	-	1	21
Пищевая	3	15	5	-	-	8	31
Табачная	1	-	-	-	-	-	1
Итого по областям	32	51	19	1	4	18	125

Таким образом, эвакуация промышленных предприятий проводилась в 6 из 10 областей БССР: Брестская, Белостокская, Барановичская и Вилейская области были оккупированы врагом уже на четвертые сутки войны, поэтому ни одного предприятия отсюда вывезти не успели. Из Минска 24–26 июня 1941 г., в перерывах между бомбардировками, удалось отправить в тыл более 10 эшелонов с населением и материальными ценностями, в том числе оборудованием строившегося в столице республики авиазавода [9, с. 345]. В предвоенные месяцы сооружение авиазавода, предназначавшегося для выпуска штурмовиков Ил-2, велось в высоких темпах. Но часть оборудования еще не была установлена и находилась в упакованном виде на складах. Это и облегчило его оперативную погрузку на платформы и отправку в Куйбышев [21, с. 98].

На западе Беларуси только в Пинской области возникли возможности для эвакуации промышленности, поскольку ударные танковые группировки противника действовали севернее труднопроходимого Полесья. Его захват должны были обеспечить немецкие пехотные части. Поэтому темпы продвижения германских войск в бассейне Припяти были существенно ниже. Пинск был оккупирован 5 июля, Давыд-Городок – 7 июля, Лунинец – 10 июля [9, с. 184, 307, 495]. Определенный запас времени позволил местным властям приступить к эвакуации уже упоминавшихся Пинского судоремонтного и Красногорского лесопильного заводов, судовой верфи “Давыд-Городок”, а также ценного Микашевичского фанерного завода, производившего применявшуюся в авиастроении дельта-древесину [22, с. 16].

Летом 1941 г. в БССР осуществлялся вывоз в тыл и таких хозяйственных структур, как артели промышленной кооперации. Поскольку ранее общие сведения об их эвакуации не публиковались, считаем уместным представить соответствующие данные в таблице 2 (составлена автором по материалам: 14, л. 17-18).

Таблица 2

Эвакуация артелей промкооперации БССР летом 1941 г.

№ п/п	Артель промкооперации	Профиль деятельности	Местонахождение на 22.06.1941 г.	Пункт эвакуации	Эвакуированные кадры и материальные ценности
1	“Единение”	Швейное производство	г. Гомель	г. Курск	40 человек, 25 швейных машин, 50 т ткани
2	“Молот”	Металлообработка	г. Гомель	г. Ярославль	20 человек, станки, оборудование, материалы, металлы (118 т)
3	“Металлобыт-ремонт”	Металлообработка	г. Гомель	г. Ярославль	7 человек, оборудование и материалы, металлы (20 т)
4-5	2 артели Облкожпромсоюза	Кожевенное производство	г. Гомель	г. Курск	14 человек, 25 обувных машин, 37 швейных машин, 35 электромоторов, сырье (73,2 т), готовая продукция (2 т)
6	“Труд”	Текстильное производство	г. Гомель	г. Ташкент	3 человека, сырье (49 т)

Окончание табл. 2

№ п/п	Артель промкооперации	Профиль деятельности	Местонахождение на 22.06.1941 г.	Пункт эвакуации	Эвакуированные кадры и материальные ценности
7	“Гомтекстиль”	Текстильное производство	г. Гомель	г. Рязань	6 человек, 27 электромоторов, станки, сырье и материалы (45,2 т)
8	“Гомтрикотаж”	Трикотажное производство	г. Гомель	г. Саратов	4 человека, 8 электромоторов, 137 трикотажных машин, сырье и материалы (6,5 т), металлы (7 т)
9	“Стройбытремонт”	Строительство и ремонт	г. Гомель	г. Курск	2 человека, 4 станка, электромоторы, сырье и материалы, инструмент
10	“Коммунар”	Металлообработка	г. Гомель	г. Курск	Электромоторы, сырье и материалы, инструмент
11	“Победа”	Металлообработка	г. Гомель	г. Курск	Электромоторы, сырье и материалы, инструмент

Таким образом, в 1941 г. из республики было вывезено 11 артелей промкооперации, причем все из Гомеля, где имелось больше времени для эвакуации. Встречающаяся в ряде работ цифра “14”, на наш взгляд, неточна, так как в число эвакуированных артелей включались в некоторых документах такие организации, как гомельские Облшвейпромсоюз, Облметаллопромсоюз, Облжжпромсоюз, являвшиеся управленческими, а не производственными структурами.

Кроме промышленных предприятий и артелей промкооперации, летом 1941 г. из Беларуси были эвакуированы и такие хозяйственные структуры (без учета транспортных и сельскохозяйственных организаций), как 3 электроподстанции, 4 предприятия связи, 3 строительные организации, 6 производственных мастерских учебных заведений, 1 ателье, 9 крупных торговых баз, оборудование и имущество Гомельского горводоканала [2, с. 76, 78, 80; 7, с. 60; 14, л. 3-4, 6-7, 10-11, 14-15].

Чрезвычайные условия эвакуации привели к тому, что эвакуогрузы нередко отправлялись в тыл безо всякой описи, без закрепления за материально ответственными лицами. На железнодорожных станциях возникали пробки. Бывали случаи, когда работники железных дорог изменяли маршруты по своему усмотрению, перемешивали составы, отцепляя одни вагоны и прицепляя другие. Технически неисправные вагоны загонялись в тупики и их грузы терялись в огромном потоке эвакуируемого оборудования и материалов, тогда как остальной состав двигался дальше [2, с. 38-39; 23, с. 44].

Государственный комитет обороны только 25 декабря 1941 г. образовал Комитет по разгрузке, в обязанность которому вменялся розыск пропавших грузов и отправка их по месту первоначального назначения. Логично предположить, что не все потерянные грузы были найдены. Следует также учитывать, что часть грузов могла погибнуть при бомбардировке железнодорожных узлов и магистралей авиацией противника или быть захваченной его наступающими войсками. В свете сказанного легче объяснить то обстоятельство, что на данный момент нам не извест-

но о прибытии на место назначения оборудования и материалов 26 белорусских промышленных предприятий (из 125, факт эвакуации которых установлен). Кроме того, потеряли в дороге часть грузов некоторые из 99 предприятий, добравшихся до новых пунктов базирования. Например, из 148 вагонов с оборудованием и материалами Гомельского станкостроительного завода им. Кирова в пункт эвакуации (г. Свердловск) прибыло 146, 88 вагонов Гомельского спичечного комбината “Везувий” – 63 (г. Томск), 54 вагона Витебской обувной фабрики “Красный Октябрь” – 52 (г. Кунгур Пермской области) [14, л. 3,11,13].

Районами размещения перебазированной из БССР промышленности стали Поволжье (37 предприятий), Урал (21), средняя полоса РСФСР (21), Западная Сибирь (10), север РСФСР (3), Средняя Азия (3). Дислокация 4 белорусских предприятий не поддается однозначной географической локализации, так как оборудование каждого из них было распределено сразу по нескольким заводам и фабрикам, располагавшимся в разных регионах СССР. В частности, машины, технологическая оснастка, сырье и материалы Добрушской бумажной фабрики “Герой труда” разошлись по 4 родственным предприятиям (Красноярский, Мариинский, Краснокамский бумажные комбинаты, Пензенская бумажная фабрика “Маяк революции”), без учета металлолома, отправленного на Сталинградский литейный завод. 16 белорусских промышленных предприятий сохранили на новом месте свою хозяйственную самостоятельность, 66 слились с местными родственными производствами, 4 объединились с заводами и фабриками, эвакуированными из других республик, по 13 предприятиям сведения о способе размещения отсутствуют [2, с. 76-93; 14, л. 3-17; 18, л. 92; 24, л. 1-7, 31-33].

Заключение

Захват германскими войсками в конце августа 1941 г. юго-восточного региона БССР остановил продолжавшееся около двух месяцев перебазирование промышленного потенциала республики в тыловые районы СССР. Анализ рассматриваемых в статье аспектов эвакуации белорусской индустрии позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Масштабная эвакуация промышленности, требующая времени, значительных ресурсов и усилий, была возможна только в восточной части БССР, так как ее западные и центральные области, за исключением Пинской, были захвачены врагом уже в течение первой недели военных действий.

2. В тяжелых условиях начавшейся войны в БССР не был обеспечен единый систематизированный учет эвакуируемых хозяйственных объектов. В результате составлявшиеся в разных звеньях партийно-государственного аппарата республики информационные справки грешили неполным и путаным содержанием. Данное обстоятельство диктует необходимость переосмысления, уточнения и дополнения количественных показателей, характеризующих процесс эвакуации белорусской промышленности.

3. Сохраняют актуальность задачи дальнейшего выявления эвакуированных на восток белорусских промышленных предприятий и других хозяйственных объектов, выяснения судьбы эшелонов с оборудованием и материалами некоторых из них, уточнения способов размещения ряда заводов и фабрик на новых местах базирования.

Проводившиеся летом 1941 г. эвакуационные мероприятия спасли весомую часть промышленного потенциала БССР от угрозы эксплуатации, разграбления и уничтожения захватчиками. Размещенные на новых местах белорусские заво-

ды и фабрики сыграли существенную роль в укреплении мощи Красной Армии, выпуская весьма нужную для нее продукцию: реактивные установки залпового огня “Катюша” и боеприпасы к ним, минометы, огнеметы, авиамоторы, артиллерийские снаряды, воинские обмундирование и обувь, санитарные повозки и носилки, саперный инструмент и т.д. [2, с. 119; 25, с. 7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Сташкевич, Н.С.** Беларусь в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии / Н.С. Сташкевич // Романовские чтения : сб. трудов Междунар. науч. конф., Могилев, 21 окт. 2004 г. / Могилевский гос. ун-т; редкол.: М.И. Вишневецкий [и др.]. – Могилев, 2005. – С. 109–122.
2. **Олехнович, Г.И.** Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
3. **Липило, П.П.** КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / П.П. Липило. – Минск : Госиздат БССР, 1959. – 259 с.
4. **Березанский, В.Д.** Железные дороги Белоруссии во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / В.Д. Березанский. – Минск : Беларусь, 1984. – 217 с.
5. **Туронок, Ю.Б.** Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю.Б. Туронок. – Минск : Беларусь, 1993. – 236 с.
6. **Кнацько, Г.Дз.** Праца насельніцтва Беларусі ў савецкім тыле і пасля выгнання захопнікаў / Г.Дз. Кнацько // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны. Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства: зб. артыкулаў: Нац. Акад. навук Беларусі / Беларуская навука; рэдкал.: Я.С. Паўлаў [і інш.]. – Минск, 1999. – 253 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. / редкол.: А.Т.Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983 – 1985 – Т. 1: 1941 – 1942 / Л.В. Аржаева [и др.]. – 1983. – 591 с.
8. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972 – 1975. – Т. 4 : Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938 – 1945 гг.) / І.С. Краўчанка [і інш.]. – 1975. – 640 с.
9. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне 1941 – 1945 : энцыклапедыя ; рэдкал.: І.П.Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцыкл., 1990. – 680 с.
10. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 / А.А. Коваленя [и др.]; под ред. А.А. Ковалени. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
11. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Эксперспектыва, 2000 – 2007. – Т. 5 : Беларусь у 1917 – 1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. – 2007. – 616 с.
12. **Куманев, Г.А.** Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 годы / Г.А. Куманев // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.
13. Совет по эвакуации при СНК СССР. Разная переписка группы по эвакуации оборонной промышленности // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 187.
14. Справка об эвакуации промышленных предприятий и товаров, сельскохозяйственных машин, скота и прочих материалов и ценностей из Белорусской ССР // Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 102. – Оп. 3. – Д. 2.
15. Беларусь в первые месяцы Великой Отечественной войны (22 июня – август 1941 г.) : док. и материалы / Нац. архив Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 458 с.
16. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет; редкол.: А.М. Прохоров (гл. ред.) [и др.]. – 4-е изд. – М. : Сов. Энциклопедия, 1990. – 1632 с.
17. Докладные записки и информационные письма ЦК КП(б)Б и СНК БССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 33а. – Д. 6.
18. Совет по эвакуации при СНК СССР. Разная переписка об эвакуации предприятий оборонной промышленности // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 190.

19. **Сугако, Л.А.** Эвакуация 1941 г. в Могилевской области: дискуссионные аспекты / Л.А.Сугако // Романовские чтения – 5: сб. трудов Междунар. науч. конф., Могилев, 22-23 ноября 2008 г. / Могилев. гос. ун-т ; редкол.: Н.М. Пурышева [и др.]. – Могилев, 2009. – С. 187–188.
20. Протоколы заседаний бюро Могилевского обкома КП(б)Б // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Фонд 9. – Оп. 1. – Д. 6.
21. **Шапиро, В.Л.** Завод, который умеет делать все / В.Л. Шапиро. – Минск : Интер-Дайджест, 1997. – 384 с.
22. **Сугако, Л.А.** Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны / Л.А. Сугако // Веснік Брэсцкага універсітэта. – 2008. – № 2. – С. 10–21.
23. **Куманев, Г.А.** Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941 – 1945 / Г.А. Куманев. – 2-е изд. – М. : Наука, 1988. – 367 с.
24. Ведомость оборудования и материалов, эвакуированных с Добрушской бумажной фабрики “Герой труда” // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 113. – Оп. 3. – Д. 73.
25. **Олехнович, Г.И.** Экономика Белоруссии в условиях Великой Отечественной войны / Г.И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1982. – 174 с.

Поступила в редакцию 26.04.2010 г.

УДК 37(476)(091)

Л.М. ИГНАТОВЕЦ

РУСИФИКАЦИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКОЙ И МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИЯХ (1830 – 1850 гг.)

В статье дается анализ образовательной политики, проводимой правительством Российской империи в Витебской и Могилевской губерниях. В эпоху Николая I этим губерниям был снова придан статус “возвращенных от Польши”, что давало российскому правительству право проводить в них деполонизацию системы образования. Проведение деполонизации было возложено на попечителя Белорусского учебного округа, который (округ) был специально создан для этой цели. Определенные успехи в деполонизации системы образования в Витебской и Могилевской губерниях сделали возможным переход к ее русификации, что в последующем обеспечило ее полное слияние с общероссийской системой образования.

Введение

Политика российского правительства в области образования (просвещения) в Витебской и Могилевской губерниях во второй четверти XIX в. до настоящего времени мало изучена. Одной из наименее известных страниц отечественной историографии по этой теме является русификация системы образования в двух белорусских губерниях, хотя эта проблема и входила в предмет исследования А.Ф. Самусика [1]. Но автор не в полной мере смог оценить значение деятельности администрации Белорусского учебного округа в достижении поставленной российским правительством цели – унифицировать систему образования этих губерний с общероссийской и, таким образом, “сблизить тамошних жителей с природными россиянами”. Данная статья устраняет этот пробел в историографии проблемы функционирования системы образования на белорусских землях в обозначенный период.

При написании статьи были использованы материалы Российского государственного исторического архива, Государственного исторического архива Литвы и Национального исторического архива Беларуси, впервые введенные автором в научный оборот, а также опубликованные документы Министерства народного просвещения Российской империи.

Основная часть

Со времени первого раздела Речи Посполитой, когда восточнобелорусские земли вошли в состав Российской империи, и до начала 30-х гг. XIX в. образовательная политика российского правительства в отношении населения этих земель менялась трижды, что было обусловлено изменениями статуса этих земель.

Во времена Екатерины II за восточнобелорусскими землями был закреплен статус “возвращенных от Польши”, т.е. они считались исконно русскими (старорусскими) землями, население которых в течение двух веков подвергалось колонизации. Соответственно определенному статусу этих территорий строилась и образовательная политика в отношении местного населения, которая заключалась во введении на этих землях элементов российской системы народного образования (просвещения).

В периоды правления Павла I и, особенно, Александра I Витебская и Могилевская губернии рассматривались как “присоединенные от Польши” наряду с другими территориями, вошедшими в состав Российской империи в результате второго и третьего разделов Речи Посполитой. Изменение статуса двух белорусских губерний повлекло за собой кардинальные изменения в образовательной политике. Эти губернии, как и иные “присоединенные от Польши” территории, в 1803 г. были объединены в Виленский учебный округ, администрация которого, используя либеральные взгляды Александра I, вплоть до 1824 г. проводила последовательную колонизацию населения этих территорий.

В 1824 г. (после раскрытия деятельности тайных обществ и обнаружения истинных целей образовательной политики попечителя Виленского учебного округа А. Чарторыйского) вопрос о статусе Витебской и Могилевской губерний и целесообразности их пребывания в составе Виленского учебного округа актуализировал князь Н.Н. Хованский, генерал-губернатор Витебский, Могилевский, Смоленский и Калужский, который считал эти губернии исконно русскими и поэтому неправомерно подвергающимися колонизации [2, с. 194-197]. Александр I, отказавшийся к тому времени от идеи восстановления независимого польского государства, принял во внимание озабоченность князя Н.Н. Хованского и перевел Витебскую и Могилевскую губернии из польскоориентированного Виленского учебного округа в Санкт-Петербургский учебный округ [3, с. 1788]. Целью изменения административной подчиненности учебных заведений двух белорусских губерний была русификация системы образования, что со временем должно было сблизить во всех отношениях местное население с русским народом. Следует отметить, что с этого времени Витебской и Могилевской губерниям снова был придан статус “возвращенных от Польши”.

Но, как показала ревизия белорусских учебных заведений 1826 г., одномоментная русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях и тем более ее полное слияние с общероссийской образовательной системой в пределах Санкт-Петербургского учебного округа не возымели бы должного эффекта. Дело в том, что традиции польскоориентированного образования на-

столько глубоко укоренились на этих землях, что русификация системы образования привела бы к бойкоту государственных учебных заведений в пользу частных учебных заведений или домашнего образования. Местное население, претендовавшее на образование, было почти полностью представлено шляхтой, идентифицировавшей себя с польской народностью (и все еще грезившей о восстановлении Речи Посполитой) и стремившейся привить своим детям патриотические чувства посредством польскоориентированного воспитания. По этой причине насильственная русификация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях была обречена на провал. Кроме того, как отмечал визитатор белорусских учебных заведений от Санкт-Петербургского университета профессор О.И. Сенковский, местное население отличалось от населения русских губерний языком, обычаями, нравами и, что самое главное, сословной структурой, и было бы концептуально неправильно насаждать в белорусских губерниях русскую систему образования без учета этих особенностей [4, л. 228-231 об.]. К тому же значительная территориальная удаленность этих губерний от управляющего центра (Санкт-Петербургского университета) снижала эффективность управления, а следовательно, и проведения русификации учебного процесса в них. Итоги визитации профессором О.И. Сенковским учебных заведений двух белорусских губерний поставили под вопрос целесообразность пребывания их в составе Санкт-Петербургского учебного округа.

В 1827 – 1828 гг. дискутировалось два варианта административной подчиненности учебных заведений Витебской и Могилевской губерний.

Первый вариант – вернуть две белорусские губернии в состав Виленского учебного округа. Этот вариант был предложен новым попечителем Виленского учебного округа графом Н.Н. Новосильцевым, который в 1825 г. провел реформу системы образования в округе. Целью этой реформы было создание такой системы образования, которая исключала бы возможность антиправительственных настроений среди учащихся, но позволяла им сохранять свою польскую национально-культурную идентификацию [5, л. 60]. Н.Н. Новосильцева поддерживал ректор Виленского университета В. Пеликан, который считал, что «юношество белорусских губерний по происхождению своему, нравам, обычаю и языку гораздо ближе к здешнему, нежели к коренному российскому, посему и воспитание онаго должно быть устроено тем же порядком, что и здешнего». Он подчеркивал: «Не должно полагать, что белорусские жители гораздо менее сохранили духа польского национализма», и называл белорусские земли «приобретенными от Польши провинциями» [5, л. 39 об.].

Второй вариант – оставить две белорусские губернии в составе Санкт-Петербургского учебного округа, предоставив им определенную автономию и назначив для них особого попечителя, который проводил бы в них политику последовательной русификации системы образования. Этот вариант был предложен О.И. Сенковским, которому Совет Санкт-Петербургского университета поручил разработать проект устройства системы просвещения в Витебской и Могилевской губерниях. Генерал-губернатор Н.Н. Хованский нашел проект О.И. Сенковского «совершенно удовлетворяющим главной цели предполагаемого преобразования и основанным на точном соображении положения края и потребностей жителей» [4, л. 9], хотя сам О.И. Сенковский склонялся больше к первому варианту, так как считал, что существовавшее на тот момент распределение губерний по учебным округам не соответствовало их географическому положению и местным обстоятельствам.

Первый вариант был отклонен императором Николаем I как не соответствовавший статусу двух белорусских губерний и цели образовательной политики в них [5, л. 59]. Второй вариант вызвал сомнения у Совета Санкт-Петербургского университета как не обеспечивавший эффективного управления системой образования в Витебской и Могилевской губерниях (из-за их удаленности от университета) и, вследствие этого, также не гарантировавший достижение поставленной правительством цели – “теснейшего соединения жителей Белоруссии с господствующим народом” [6, л. 122 об.].

Решением вопроса об устройстве системы образования в Витебской и Могилевской губерниях занялся Комитет устройства учебных заведений при Министерстве народного просвещения, который предложил третий вариант решения проблемы: изъять учебные заведения Витебской и Могилевской губерний из ведения Санкт-Петербургского учебного округа и назначить для управления ими особого попечителя, непосредственно зависящего от министра народного просвещения [6, л. 308]. Это вариант и был закреплен в указе от 17 января 1829 г. “О дополнительных правилах к устройству Белорусских учебных заведений”, согласно которому из Витебской и Могилевской губерний был фактически учрежден отдельный учебный округ – Белорусский [7, с. 271-272]. Такое решение было принято ввиду того, что правительство не желало признавать их польскими губерниями (“присоединенными от Польши”), и в тоже время осознавало, что они были не вполне идентичны русским, поэтому было бы концептуально неправильно оставлять их в составе Санкт-Петербургского учебного округа и вводить в них русскую систему образования.

Таким образом, целью создания Белорусского учебного округа была деполонизация системы образования в Витебской и Могилевской губерниях и ее *сближение* с общероссийской образовательной системой. Для достижения этой цели Комитет устройства учебных заведений поставил перед попечителем, которым был назначен Г.И. Карташевский, следующие задачи: 1) реорганизовать с учетом местных обстоятельств систему образования в Витебской и Могилевской губерниях в соответствии с новым Уставом учебных заведений, утвержденным 8 декабря 1828 г. для четырех русских учебных округов; 2) обеспечить учебные заведения “русскими” учителями (учителями из внутренних российских губерний); 3) ввести преподавание предметов на русском языке, оставив возможность изучения польского языка; 4) заменить постепенно учебные заведения, действовавшие при католических и униатских монастырях, учебными заведениями, сохранившимися от правительства [6, л. 332 об.].

Приняв во внимание местные особенности, на которые указывал О.И. Сенковский, и в первую очередь отличие процентного соотношения сословий белорусских губерний от русских (значительный процент несостоятельного дворянства в белорусских губерниях), Г.И. Карташевский расширил применительно к Белорусскому учебному округу предложенную в Уставе 1828 г. типологию учебных заведений. Помимо 1-классных приходских училищ для людей “из самых низших состояний”, 3-классных уездных училищ для мещан и 7-классных гимназий для детей дворян и чиновников Г.И. Карташевский ввел в Белорусском учебном округе 4-классные уездные училища как отделения гимназии для детей несостоятельных дворян, которые не имели финансовых возможностей обеспечить обучение своих детей в гимназии в течение 7 лет. Таким образом, согласно плану Г.И. Карташевского, в Белорусском учебном округе в начале 1830-х гг. были преобразованы или вновь учреждены: 3 гимназии – в Витебске, Могилеве

и Динабурге, 8 уездных училищ для дворян – в Полоцке, Лепеле, Невеле, Орше, Мстиславле, Рогачеве, Гомеле и Креславле, 4 уездных училища для мещан – в Могилеве, Велиже, Костюковичах и Черикове (городах и местечках наиболее массового проживания мещан христианских вероисповеданий). Приходские училища, как предписывал то Устав 1828 г., учреждались повсеместно, где представлялась для этого возможность. Такой план учреждения и размещения учебных заведений в Белорусском учебном округе, хотя и не в полном объеме, соответствовал требованиям Устава 1828 г., но вполне решал проблему получения местным населением начального и среднего образования [8, л. 120].

Вопрос о получении юношеством белорусских губерний высшего образования Г.И. Карташевский предполагал решить путем учреждения лицея – высшего учебного заведения, альтернативного польскоориентированному Виленскому университету [9, л. 18]. Открытие лицея позволило бы решить и ряд других проблем, одной из которых был дефицит учителей, но планам по учреждению лицея, к сожалению, не суждено было сбыться.

Пока же проблему обеспечения учреждаемых учебных заведений русскими учителями Г.И. Карташевский предполагал решить следующим образом: предоставить учителям уездных училищ для дворян права и преимущества младших учителей гимназий – 10-классный чин и жалование в 1200 рублей в год (устав 1828 г. устанавливал для учителей уездных училищ 12-классный чин и жалование в размере 700 рублей в год). Только так, по мнению попечителя, можно было привлечь преподавательские кадры из русских губерний в учреждаемые в Белорусском учебном округе учебные заведения и заполнить открывавшиеся в них 46 вакансий (55% от общего числа учителей) [9, л. 8].

С 1830/1831 учебного года во всех преобразованных и вновь учрежденных учебных заведениях Белорусского учебного округа преподавание велось на русском языке, при этом сохранялась возможность изучения польского языка [8, л. 69, 72]. Учебные планы и программы белорусских учебных заведений были практически полностью идентичны тем, которые действовали в русских учебных заведениях, за исключением наличия в них Закона Божия согласно католическому вероучению и польского языка, на изучение которого выделялись часы за счет сокращения объема преподавания других предметов (латинского и греческого языков, чистописания, рисования и черчения) (см. таблицы 1 и 2).

Таблица 1

Сравнение учебных планов уездных училищ по Уставу 1828 г. и Белорусского учебного округа 1830 г.

Учебный план 3-классного училища по Уставу 1828 г. [6, с. 8 (прил.)]	Недельных часов	Учебный план 3-классного училища Белорусского учебного округа 1830 г. [7, л. 53]	Недельных часов
Закон Божий	9	Закон Божий	9
Российский язык	18	Российский язык	13,5
Чистописание	13,5	Чистописание	13,5
Арифметика	13,5	Арифметика	10,5
Геометрия	7,5	Геометрия	6
География	9	География	6
История	9	История	9
Черчение и рисование	10,5	Черчение и рисование	9
		Польско-латинский язык	13,5
Итого	90	Итого	90

**Сравнение учебных планов гимназий
по Уставу 1828 г. и Белорусского учебного округа 1830 г.**

Учебный план 7-классной гимназии по Уставу 1828 г. [6, с. 9 (прил.)]	Недельных часов	Учебный план 7-классной гимназии Белорусского учебного округа 1830 г. [7, л. 51]	Недельных часов
Закон Божий	16,5	Закон Божий	16,5
Российская словесность и логика	34,5	Российская словесность и логика	34,5
Чистописание	15	Чистописание	9
Латинский язык	39	Латинский язык	34,5
Греческий язык	30	Греческий язык	15
Немецкий язык	9	Немецкий язык	16,5
Французский язык	18	Французский язык	16,5
Математика	22,5	Математика	22,5
Физика	6	Физика	6
География и статистика	15	География и статистика	15
История	19,5	История	19,5
Черчение и рисование	15	Черчение и рисование	13,5
		Польский язык	21
Итого	240	Итого	240

Преобразование существовавших и учреждение новых учебных заведений происходило одновременно с закрытием учебных заведений, действовавших при монастырях. В 1830 г. было закрыто шесть таких учебных заведений: бернардинские училища в Орше и Мстиславле, доминиканское училище в Ушаче, миссионерское училище в Креславле, высшее пиарское училище в Полоцке [8, л. 45] и базилианское училище в Толочине (Копысский уезд) [6, с. 357]. Вторая волна закрытия последовала после польского восстания 1830 – 1831 гг. по причине участия в нем некоторых католических и униатских монашеских орденов: в 1832 г. были закрыты базилианская гимназия в Витебске и базилианское училище в Вербилове Витебской губернии [7, с. 496]. Последнее такое учебное заведение на территории двух белорусских губерний (доминиканская гимназия в Забялах) было закрыто в 1837 г. [10, с. 238].

Заключение

Таким образом, к концу 1837 г. система образования в Витебской и Могилевской губерниях была формально и содержательно деполонизирована. Более того, можно утверждать, что с 1836 г. был взят курс на ее русификацию, так как 2 ноября 1835 г. был принят указ “О непреподавании польского языка в учебных заведениях Витебской и Могилевской губерний...” [7, с. 1012]. Результаты русификации системы образования в Витебской и Могилевской губерниях стали очевидны уже спустя 15 лет: при ликвидации Белорусского учебного округа в 1850 г. эти губернии снова вошли в состав Санкт-Петербургского учебного округа [11, с. 988-989] и влились в общероссийскую образовательную систему без затруднений, которыми в первой трети XIX в. являлись “местные особенности”.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Самусік, Андрэй.** Русіфікацыя сістэмы асветы на беларускіх землях у апошній трэці 18 – другой палове 19 ст. / Андрэй Самусік // Гістарычны альманах. – 1998. – Т. 14. – С. 48–93.

2. Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения. – 1803 – 1864. – СПб., 1867.
3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 1. – 1802 – 1825. – СПб., 1875.
4. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). – Фонд 567. – Оп. 2. – Д. 2255.
5. ГИАЛ. – Фонд 567. – Оп. 2. – Д. 2082.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 733. – Оп. 2. – Д. 6.
7. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 2. – 1825 – 1839. – СПб., 1875.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 13.
9. НИАБ. – Фонд 3157. – Оп. 1. – Д. 9.
10. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. – Т. 2. – 1835 – 1849. – СПб., 1866.
11. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. – Т. 2. – 1840 – 1855. – СПб., 1864.

Поступила в редакцию 28.11.2011 г.

УДК 94(476)“1941/1945”

А.В. РАДЮК

ОРГАНЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПАРТИЗАНСКИХ ЗОНАХ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье прослеживаются и анализируются причины создания партизанских зон. Автор показывает историю образования партизанских краев, возникновения в них органов советской власти. Отмечается большое значение партизанских зон в развитии партизанской борьбы. В статье показано взаимодействие органов советской власти с органами Коммунистической партии в осуществлении руководства на территории партизанских зон. Описывая явления, процессы, факты, автор связывает их с областями и районами в соответствии с тем административным делением, которое существовало в БССР накануне Великой Отечественной войны.

Введение

Республикой-партизанкой называли в годы войны Беларусь. О массовости партизанского движения на ее территории свидетельствует и наличие партизанских зон – территорий, освобожденных партизанами от немецких оккупантов. Партизанские зоны существовали в 9 из 10 областей республики. К началу 1944 г. под контролем партизан находилось 108 тыс. кв. км из 184,7 тыс. кв. км территории, еще находившейся под оккупацией гитлеровцев (58,4% оккупированной территории). Свыше 38 тыс. кв. км составляли партизанские зоны, куда врагу лишь временно удавалось прорваться, и то с помощью крупных воинских сил. Фактически под контролем противника находились только те места, где располагались его воинские охранные части, имелись крупные гарнизоны [1, с. 101]. Всего на оккупированной территории Беларуси в разное время существовало 25 партизанских зон [2, с. 38]. В них дислоцировались не только партизанские формирования, но и находили убежище жители сел и городов.

Глубокое исследование и теоретическое обобщение вопросов подпольной и партизанской борьбы в зонах, их общие закономерности и специфические осо-

бенности имеют исключительную актуальность для отечественной исторической науки. Большое значение имеет изучение повседневной деятельности органов управления на территории партизанских зон. Наиболее полными и значимыми трудами по данной проблематике являются первые 2 тома коллективного 3-томного труда “Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков” и работы А.И. Залесского [3, 4, 5]. Особо хочется отметить статьи Л.В. Павловой [6, 7], диссертации А.А. Ковалени “Идейно-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах” и И.И. Савченко “Роль партизанских зон в развитии вооруженной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии (июнь 1941 – июль 1944)” [8, 9]. В диссертации А.А. Ковалени показан процесс формирования основных партизанских зон. В своей диссертации он раскрывает организационную и политико-воспитательную работу партийных органов в партизанских зонах. Большую ценность представляет 4-й раздел диссертации, где показано партийное руководство военно-хозяйственной и политической жизнью в партизанских зонах. И.И. Савченко в своей работе впервые дает точную цифру партизанских зон – 25. В его работе даны карты-схемы расположения партизанских зон. Благодаря его научному труду мы можем увидеть перечень партизанских зон Беларуси на карте (см. ниже). Однако в современной историографии по-прежнему фигурирует приблизительная цифра – более 20 партизанских зон.

Основная часть

После освобождения районов от вражеских гарнизонов на территории партизанских зон формировались органы советской власти, восстанавливались районные исполнительные комитеты и сельские советы. В сельских населенных пунктах действовали партизанские комендатуры.

Следует разграничить деятельность подпольных партийных органов и органов советской власти. К органам советской власти следует отнести райисполкомы, сельские советы, комендатуры сельских населенных пунктов, командование партизанских формирований и отрядов самообороны, а к партийным органам – подпольные обкомы, межрайкомы и райкомы Коммунистической партии.

Безусловно, партийные органы тесно взаимодействовали с органами советской власти, а также выполняли их функции. Очень часто партийные руководители являлись одновременно и руководителями партизанских формирований. Например, партизанское соединение Минской области возглавлял секретарь подпольного обкома партии В.И. Козлов.

Важной особенностью функционирования советской власти на территории партизанских зон было то, что их роль выполняли партизанские формирования. В Указе Президиума Верховного Совета СССР “О военном положении” говорилось: “В местностях, объявленных на военном положении, все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежат военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где нет военных советов, – высшему командованию войсковых соединений” [10, с. 1], а партизанские формирования, по своей сути, являлись военными соединениями. Следовательно, командование партизанских формирований следует рассматривать в качестве представителей органов советской власти.

Карта и таблица партизанских зон Беларуси [3, с. 138; 9, л. 223-224]

№	Название зоны	Время создания
1	Октябрьская (Северная Полесская)	осень 1941
2	Любанская (Южная Минская)	осень 1941
3	Кличевская	конец 1941 – начало 1942
4	Чечерская	весна – лето 1942
5	Минско-Червенская (Минская)	лето – осень 1942
6	Слуцко-Копыльская (Слуцкая)	лето – осень 1942
7	Борисовско-Бегомльская	лето – осень 1942
8	Суражская	весна – лето 1942
9	Россонско-Освейская	лето 1942
10	Полоцко-Лепельская (Ушачская)	лето 1942
11	Полоцко-Сиротинская	лето 1942
12	Сенненско-Оршанская	конец 1942 – начало 1943
13	Ленинская	конец 1942
14	Мядельская (Нарочанская)	конец 1942 – начало 1943
15	Наровлянская (Речицко-Хойникская)	лето 1943
16	Южно-Полесская	весна – лето 1943
17	Западная зона Гомельской области (Речицко-Жлобинская)	весна – лето 1943
18	Северная зона Вилейской области	лето – осень 1943
19	Восточная зона Вилейской области	лето – осень 1943
20	Чаусско-Чериковская	лето 1943
21	Западная зона Пинской области (Лунинецко-Берёзовская)	лето – осень 1943
22	Щучинская	лето – осень 1943
23	Ивенецко-Налибокская (Лидская)	лето – осень 1943
24	Южная зона Брестской области	лето – осень 1943
25	Гуто-Михалинская	лето – осень 1943

В ряде партизанских зон были созданы довоенные органы советской власти – райисполкомы и сельские советы. Так, после освобождения партизанами районного центра Кличева, которое произошло 20 марта 1942 г., было принято Постановление Кличевского подпольного райкома КП(б)Б и исполкома районного Совета депутатов трудящихся “О восстановлении советской власти в Кличевском районе Могилевской области” от 3 апреля 1942 г. Оно предусматривало восстановление “в своих полномочиях всех выборных и административных советских, хозяйственных и общественных органов” и определяло конкретные сферы их деятельности: “а) сбор оружия и боепитания на территории района; б) содействие партизанским отрядам во всех их действиях; в) создание необходимой базы для питания партизанских отрядов; г) оказание материальной помощи семьям пострадавших красноармейцев, красных партизан и лицам, пострадавшим от террора немецких фашистов и их пособников; д) удовлетворение всех трудовых, культурных и бытовых нужд трудящихся района” [11, с. 158].

В Кличевскую партизанскую зону входила территория общей площадью до 1900 кв. км. В партизанской зоне действовали два райисполкома – Кличевский и Березинский. Кличевский начал работу с апреля 1942 г., его возглавил П.М. Викторчик. Березинский – с июля 1942 г., его председателем был назначен К.А. Баранов. Также в Кличевской зоне возобновили работу 19 сельских советов [12, с. 12-13] Кличевский райисполком весной 1942 г. размещался в д. Бацевичи. Председатель этого райисполкома П.М. Викторчик вспоминал: “В райисполком каждый день приходили люди. Один просил хлеба, другой интересовался, где отремонтировать плуг, третий решил перебраться из землянки в новый дом и спрашивал, где можно заготовить лес... Мне приходилось принимать посетителей не только днем, но и по ночам” [13, с. 60].

В некоторых районах проводились сессии районного и сельских Советов. В апреле 1942 г. в д. Зеленковичи состоялась сессия Козловичского сельского Совета Октябрьского района. На ней был рассмотрен вопрос подготовки и проведения весеннего сева в населенных пунктах сельсовета, определены задания партизанским отрядам по ремонту плугов и борон, выделению людей и лошадей на период полевых работ. Депутаты сельского Совета также обсуждали вопрос об открытии и подготовке школ к новому учебному году. Председателем сельского Совета избрали А.Н. Толстика. До войны он работал председателем колхоза “Красный путиловец” [2, с. 49-50].

Летом 1943 г. состоялась сессия Любанского районного Совета. В работе сессии приняло участие 18 депутатов и активистов района. На повестке дня стоял вопрос “О задачах борьбы населения с врагом”. Сессия приняла решение, в котором предусматривались меры расширения и активизации борьбы против захватчиков [2, с. 50].

Большое значение придавалось подготовке работников органов советской власти. Так, при Руденском подпольном РК КП(б)Б с 20 по 30 января 1944 г. были проведены 10-дневные подготовительные курсы секретарей сельских советов. На этих курсах занималось 17 девушек с образованием от 7 до 10 классов. Они изучали следующие предметы:

Наименование предмета	Количество часов
Политзанятия	12
Военная подготовка	8
Роль и задачи сельсовета, массовая работа сельсовета	8
Делопроизводство	12

Окончание табл.

Наименование предмета	Количество часов
Учет и отчетность	8
Военный учет	2
Бюджет сельского совета, финансовый учет и отчетность	14
Революционная законность	2
О сохранении военной тайны	2
Итоги пройденных материалов	2

После окончания курсов четыре девушки стали председателями сельсоветов, а 13 – секретарями [14, лл. 12, 340].

К концу июня 1942 г. Чечерская партизанская зона охватывала более 100 населенных пунктов. В этой зоне был сформирован райисполком. Его председателем назначили бывшего директора Чечерской МТС Т.К. Короткого, а секретарем – комсомолку А.И. Самусеву. Здесь действовали 14 сельсоветов. Для обеспечения работы сельсоветов и райисполкома в ряде населенных пунктов были созданы хозяйственные комиссии, которые занимались главным образом вопросами распределения между крестьянами колхозной земли, лугов, тягловой силы и инвентаря [15, л. 91].

Роль органов советской власти во многих населенных пунктах исполняли партизанские комендатуры. Они поддерживали общественный порядок, решали хозяйственные вопросы, создавали группы самообороны, при появлении карателей уводили население в безопасные места. В партизанской бригаде имени М.В. Фрунзе, которая в сентябре 1943 г. контролировала и имела комендантов в 20 деревнях Ильяского района Вилейской области, была разработана инструкция для коменданта. В основу инструкции были положены следующие вопросы:

1. Изучение политического и экономического состояния деревни: наличие советских людей, бывших председателей сельсоветов и их членов, председателей и членов артелей, членов ВЛКСМ, советских беженцев, вдов, сирот, бедняков, семей партизан и красноармейцев, людей из молодежи, ушедших в полицию и на прочие службы к немцам, обманом и угрозами увезенных в рабство в Германию.

2. Хозяйства, пострадавшие от немцев (убитые, сгоревшие, расхищенное имущество) ; наличие земли у крестьян (до 1 га, до 3 га, до 5 га, до 10 га, до 15 га, до 20 га и выше); безземельные и безлошадные хозяйства; хозяйства, имеющие 1 лошадь, от 2 до 3 лошадей и выше, не имеющие телег; хозяйства, имеющие сельскохозяйственные орудия (жнейки, сеялки, веялки и пр.); хозяйства, имеющие коров; наличие в хозяйствах мелкого скота; наличие хлебных запасов; наличие кузниц, круподерок, водяных, ветряных и паровых мельниц.

3. Стратегическое изучение местности (мосты, реки, овраги, опушки леса, дороги).

4. Организация самообороны деревень.

Были выработаны обязательства, на основании которых молодежь, входившая в организацию самообороны, должна была охранять свою деревню. Руководство этой охраной осуществлялось комендантом и его помощником. Согласно инструкции самооборона деревень охраняла все население и имущество от посягательств немцев и полицейских.

Прибывшие в деревню на хозяйственные заготовки партизаны из других отрядов должны были осуществлять их только с разрешения коменданта. Неправильно произведенные хозяйственные операции в деревнях разбирались в

конфликтном порядке командованием бригады, которое выносило решение о возврате собственности владельцу.

По деревням проводились собрания по вопросу урожая 1943 г. Во время уборки урожая командование бригады принимало меры для охраны населения и убранный хлеб. Партизаны охраняли крестьянские поля.

Вследствие того что в деревнях имелись безлошадные хозяйства, коменданты деревень брали лошадей в других хозяйствах и передавали безлошадным на 4–5 дней безвозмездно с таким расчетом, чтобы не пострадал и хозяин лошади. Такая коллективная взаимопомощь существовала и по сельхозинвентарю и сбруе. Эти мероприятия крестьяне приветствовали. Население высоко ценило работу партизанской бригады. Оно без всяких просьб и требований приносило в отряды молоко и другие продукты, выражая этим чувство благодарности за заботу по охране их имущества и жизни [16, л. 67об.–70].

В Минско-Червенской партизанской зоне Червенский подпольный РК КП(б)Б в своем Постановлении “О подготовке и проведении весеннего сева” от 14 апреля 1944 г. категорически запретил владельцу лошади брать плату за лошадь, инвентарь и утварь [17, л. 156]. Это объяснялось тем, что многие крестьяне отдали своих лошадей партизанским формированиям либо они были ограблены оккупантами и их пособниками. Это же Постановление обязало командование партизанских бригад и отрядов распределять землю между крестьянами закрепленными за отрядами деревень, оказывать помощь тягловой силой, инвентарем и семенами, привлекать старост деревень к распределению тягловой силы [17, л. 156].

Партизаны стремились завоевать авторитет и доверие у населения. Для этого партизанское руководство предписывало правильное ведение политики во время заготовки продуктов и одежды. Командование партизанских формирований уделяло большое внимание борьбе с мародерством, самогонарением, пьянством и прочими негативными проявлениями среди партизан. К нарушителям применялись строгие меры вплоть до расстрела [18, л. 42].

Следует отметить то, что партизанские зоны не являлись сплошной территорией, контролируемой партизанами. Они периодически прочесывались карательными отрядами. Против партизан Октябрьско-Любанской партизанской зоны было проведено свыше 10 крупных карательных операций. Многие населенные пункты несколько раз переходили из рук в руки.

В Кличевской партизанской зоне 6 июня 1942 г. немецкий карательный отряд сжег все деревни, расположенные вдоль шоссе в районе Ясный Лес, и расстрелял 450 человек мирного населения. В д. Борки карательный отряд оккупантов собрал всех мужчин в школу и, несмотря на то, что среди них не было ни одного партизана, поджег школу и расстрелял из автоматов всех мужчин, в том числе и 40 полицейских. А в д. Лютино Кличевского района всех мужчин согнали в школу и сожгли. Некоторые мужчины выходили с иконами, но и это не помогло [19, л. 7]. Были случаи, когда немцы и полицаи делали налеты на населенные пункты, расположенные на окраинах партизанских зон, поджигали дома, угоняли скот и немедленно удалялись. Всего на белорусской земле оккупанты провели 140 крупных карательных операций против партизан, подпольщиков и мирного населения, во время которых были уничтожены 5295 населенных пунктов, из них 628 – сожжены вместе со всеми жителями [3, с. 150]. Поэтому, анализируя деятельность органов советской власти на территории партизанских зон, следует учитывать все те трудности, которые испытывало партизанское движение.

Заклучение

Главным фактором успеха партизанской борьбы является поддержка партизан местным населением. Население партизанских зон всячески поддерживало партизан: помогало им оружием, боеприпасами, жильем, продовольствием, одеждой, медикаментами, разведывательными данными. Жители деревень помогали партизанам строить укрепления, разрушать мосты и шоссеиные дороги. Во многих населенных пунктах были созданы мастерские по обработке кож и изготовлению для партизан седел, кожухов, лыж, саней, ремонту оружия. Партизаны, в свою очередь, помогали населению сеять и убирать урожай, оказывали медицинскую помощь, организовывали школы, размещали беженцев из городов.

В партизанские зоны убегало население из городов и сельских населенных пунктов, контролируемых немецко-полицейскими гарнизонами, спасаясь от уничтожения и угона в Германию. Жители партизанских зон были защищены от истребления и грабежа гитлеровскими захватчиками.

Деятельность органов власти и управления на территории партизанских зон, осуществлявшаяся в сложных условиях немецкой оккупации, имела свою специфику. Партийное и политическое руководство партизанским движением и населением на территории своей дислокации осуществляли соответствующие подпольные областные, межрайонные и районные комитеты коммунистической партии. Они сосредоточивали в своих руках функции органов государственной власти (формировали местные органы власти, определяли круг их задач). Формы и методы работы во многом отличались от мирного времени. Часто работники райисполкомов и сельских Советов не избирались, а назначались. В большинстве случаев все вопросы решались в рабочем порядке совместно с партийными органами и командованием партизанских отрядов. В системе органов власти, действовавших в партизанских зонах, определяющая роль принадлежала партизанским отрядам и бригадам. Командование партизанских формирований создавало низовые звенья местного аппарата (назначало на должности председателей сельсоветов, комендантов, старост, определяло их компетенцию), решало вопросы хозяйственного и оборонного значения. Формирование органов власти и управления осуществлялось подпольными партийными комитетами или штабами партизанских отрядов из числа партизан с привлечением местного населения.

Органы советской власти под руководством партийных комитетов проводили большую политическую работу в тылу врага. Они распространяли газеты и листовки, проводили беседы, собрания, митинги, организовывали торжественное проведение советских праздников в партизанских зонах.

Успехи партизан в борьбе с оккупантами, образование партизанских зон, деятельность советских органов в контролируемых партизанами районах – одно из свидетельств эффективности и организованности партизанского движения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. Т. 3 / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1985. – 531 с.
2. **Савченко, И.И.** На непокоренной земле Беларуси: к 65-летию Великой Победы / И.И. Савченко. – Минск : Эксперспектива, 2009. – 116 с.
3. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Т. 1 / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 591 с.

4. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Т. 2 / гл. редкол. А.Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1984. – 555 с.
5. **Залесский, А.И.** Советская власть в тылу немецко-фашистских оккупантов / А.И. Залесский // Советское государство и право. – 1975. – № 5. – С. 25–27.
6. **Павлова, Л.В.** Органы власти и управления БССР в период Великой Отечественной войны / Л.В. Павлова // Правоведение. – 1979. – № 1. – С. 26–32.
7. **Павлова, Л.В.** Органы власти и управления на территории партизанских зон в период немецко-фашистской оккупации Белоруссии / Л.В. Павлова // Веснік Беларускага універсітэта. – Серыя 3. – 1978. – № 1. – С. 66–70.
8. **Коваленя, А.А.** Идеино-политическая работа подпольных партийных организаций КП(б)Б в партизанских зонах : автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Минск : МППИ, 1983. – 22 с.
9. **Савченко, И.И.** Роль партизанских зон в развитии вооруженной борьбы против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Белоруссии (июнь 1941 – июнь 1944) : дис. ...канд. ист. наук. – Минск : АН БССР, 1988. – 248 л.
10. Комсомольская правда. – № 146 от 24.06.1941.
11. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944). Документы и материалы : в 3 т. – Т. 1. – Минск : Беларусь, 1967. – 744 с.
12. **Волчок, Г.И.** Партизанское движение Могилевской области в годы Великой Отечественной войны / Г.И. Волчок. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2004. – 40 с.
13. **Викторчик, П.М.** Над Ольсой-рекой / П.М. Викторчик. – Минск : Беларусь, 1966. – 144 с.
14. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 71.
15. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 9.
16. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 269.
17. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 508.
18. НАРБ. – Фонд 1405. – Оп. 1. – Д. 513.
19. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 10.

Поступила в редакцию 14.06.2011 г.

УДК 947.7

В.П. ВОРОН

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ АГРАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ПЕРЕДОВЫХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ЗНАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ НАДДНЕПРЯНЩИНЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Статья посвящена изучению влияния этнического фактора на развитие аграрного образования и распространение передовых сельскохозяйственных знаний на территории Надднепрянщины во второй половине XIX – начале XX в. Предметом непосредственного исследования является русское, еврейское, немецкое и польское население как наиболее влиятельное среди национальных групп, представленных в Украине во второй половине XIX – начале XX в.

Введение

Изучение образовательного аграрного потенциала неукраинского населения Надднепрянщины во второй половине XIX – начале XX ст. позволяет определить его роль в сельскохозяйственном развитии страны в указанное время, а также использовать позитивный и негативный исторический опыт для корректировки экономической и образовательной политики Республики Беларусь с учетом общемировой тенденции постепенной этнокультурной трансформации современной деревни.

Несмотря на актуальность темы, крайне важной для определения дальнейших путей развития села Украины, Беларуси и других стран СНГ, специальные исследования этнических проблем в аграрном образовании не проводились. Вместе с тем отдельные сюжеты затрагивались еще в дореволюционной историографии. В частности, В.Н. Никитиным в контексте изучения им общего положения еврейских колоний Надднепрянщины раскрывались некоторые факты, свидетельствующие о попытках правительства организовать аграрное обучение евреев в рамках политики интеграции традиционного экономического уклада еврейского населения с сельскохозяйственным [1]. А.А. Велицыным было исследовано земельное и административное законодательство немецких колоний Украины [2].

Современная историография уделяет большое внимание роли национально-го фактора в социально-экономической жизни региона в отмеченное время. Деятельность российских ученых-агрономов на территории Надднепрянщины изучает В.А. Вергунов [3]. М.З. Бердута и С.В. Бережная занимаются исследованием становления систем земледелия русского и украинского крестьянства Слобожанщины (Харьковская и восток Полтавской губернии) [4]. Проблемы развития сельского хозяйства еврейских переселенцев в Херсонской губернии являются объектом изучения В.В. Щукина [5]. Некоторые аспекты внедрения в учебную программу Одесского училища сельскохозяйственных дисциплин раскрыты Т.М. Моисеевой [6]. В рамках исследования экономического потенциала еврейской колонии в селе Новополтавка Херсонской губернии Я. Пасиком проанализировано состояние материальной базы Новополтавской сельскохозяйственной школы [7]. А.А. Буравский концентрирует внимание на вопросах развития польского землевладения в Волынской губернии и его влияния на хозяйственную жизнь данного региона [8]. Особенности функционирования Киевского общества сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности являются объектом исследования О. Николаенко [9]. Проблематикой агротехнической реорганизации польских хозяйств в Украине занимается Д. Бовуа [10]. В отношении немецкой тематики особую значимость приобретают работы И.П. Задерейчука, в которых раскрывается механизм создания аграрных школ для немецких переселенцев [11; 12]. Кроме того, Л. Мандрикиной и Л. Чулковой были проведены исследования процессов совершенствования немецкого профессионального образования в учебных заведениях колонистов Таврической губернии [13].

Основная часть

Таким образом, спектр региональных проблем хозяйственного и образовательного развития отдельных этнических групп, затронутых историками, широк, раскрыты некоторые вопросы культурной роли русских и польских переселенцев в аграрном секторе девяти украинских губерний. В то же время отсутствуют какие-либо комплексные исследования проблемы, позволяющие определить как воздействие мигрантов в целом, так и отдельных этнических групп на аграрное

образование и просвещение Надднепрянщины в исследуемый период времени. Следовательно, соответствие указанной темы современным реалиям развития сельского хозяйства, а также отсутствие специальных исследований по данной проблеме являются необходимым основанием для ее изучения.

Исторически сложившаяся тесная связь с регионами бывшей Речи Посполитой, а также нахождение Украины в составе Российской империи обусловили определенное этническое разнообразие Надднепрянщины. Так, в начале XX в. из населяющих ее 23 млн чел. было 4 млн русских, 1,6 млн евреев, 516 тыс. поляков, 560 тыс. немцев. В подобных обстоятельствах влияние многонационального фактора на процессы интенсификации сельского хозяйства Украины было неизбежно [14; 15; 16, с. 71; 17].

На протяжении второй половины XIX в. территория Надднепрянщины являлась местом переселения представителей титульной нации империи – русских. Вместе с тем миграция, поощряемая в целях русификации края царским правительством, была вызвана необходимостью удовлетворения запросов индустриального развития Украины и поэтому состояла большей частью из работников промышленности, административных служащих и интеллигенции при весьма ограниченном потоке крестьянских переселенцев. Уровень ведения сельского хозяйства русских и украинских крестьян был практически одинаков [14] и весьма далек от распространяемых русской интеллектуальной элитой передовых сельскохозяйственных технологий. В частности, именно трудами русского образованного слоя были разработаны научные основы украинского пчеловодства (П.И. Прокопович), кормопроизводства (П.В. Бурдин), сельскохозяйственного опытного дела (В.В. Докучаев), травосеяния (П.А. Костычев) и т.д. [3]. Однако в регионах наиболее плотных контактов русского и украинского крестьянства, таких как Слобожанщина, какого-либо сильного воздействия со стороны российских выходцев на технологии ведения хозяйства украинцев не прослеживалось. В отмеченное время произошло лишь заимствование последними российской сохи [4, с. 151].

Во второй половине XIX в. евреями Надднепрянщины были достигнуты некоторые успехи в распространении передовых агрономических знаний. Во многом это стало результатом политики самодержавия в 1808 – 1866 гг., направленной на создание колоний евреев-земледельцев в Херсонской и Екатеринославской губерниях. В рамках этих мероприятий с 1847 г. вводились дополнительные агрономические курсы при некоторых еврейских училищах 1-го разряда, а начиная с 1851 г. было организовано практическое обучение еврейской молодежи сельскому хозяйству в Екатеринославской губернии на Луганской ферме. Кроме того, с 1854 г. практиковалось переселение на особых льготных условиях немцев-колонистов в еврейские колонии для создания в них образцовых хозяйств [1, с. 441, 444-445; 18, с. 647].

Однако во второй половине 60-х гг. XIX в. среди администрации Херсонской и Екатеринославской губерний возобладала мысль о дальнейшей бесперспективности проводимых мероприятий по причине неспособности евреев к земледелию, поэтому проводимая политика была приостановлена. Следует отметить, что первое поколение евреев-переселенцев в действительности испытывало сложности, связанные с адаптацией к новому для них сельскохозяйственному укладу. Не оправдали себя и еврейские училища, поскольку сложившаяся в них система обучения находилась в противоречии с религиозными убеждениями и менталитетом колонистов и приводила к их бойкотированию. Вместе с тем, как показы-

вает история, агротехнический уровень второго, третьего и последующих поколений переселенцев оказался достаточным для успешной конкуренции с хозяйствами украинцев, русских, немцев и т.д. [1, с. 594; 5, с. 8]. Создаваемые же самими евреями учебные учреждения, независимые от административного давления, оказались в состоянии давать обучающимся достаточное аграрное образование. В частности, в Одесском училище, возникшем в 1881 г., благодаря материальной поддержке еврейской общественности наряду с изучением общеобразовательных предметов в 1890 г. была введена обязательная практика по садоводству, земледелию, огородничеству, виноделию, пчеловодству, цветоводству, шелководству и скотоводству. Для этих целей училище располагало учебным сельскохозяйственным комплексом общей площадью в 43 га [6]. В 1902 г. Еврейское Колонизационное Общество (ЕКО) совместно с филантропами Г. Гинцбургом и И. Бродским в селе Новополтавка Херсонской губернии открыли еврейскую сельскохозяйственную школу, для нужд которой правительством было выделено 327 га земли. Данное учебное заведение ежегодно до 1918 г. осуществляло выпуск 20 квалифицированных агрономов и обслуживало хозяйства еврейских колоний губернии [7]. Однако, за исключением этих двух учебных заведений, школ такого типа в Украине не было. Следовательно, в условиях, когда система начального аграрного образования Надднепрянщины находилась только в стадии формирования (последняя четверть XIX – начало XX вв.), а допуск в средние и высшие сельскохозяйственные учебные учреждения ограничивался для евреев процентной нормой, существовали серьезные препятствия на пути распространения передовых агрономических знаний и технологий в среде еврейских переселенцев [19].

Во второй половине XIX в. немаловажная роль в развитии сельскохозяйственного просвещения принадлежала полякам. Их влияние распространялось главным образом на Волынскую, Киевскую и Подольскую губернии с относительно большими польскими диаспорами и значительным размахом польского землевладения [8, с. 58; 9; 20, с. 10]. Результатом политики самодержавия после событий 1863 – 1864 гг., направленной на ослабление экономического, политического и культурного влияния поляков на население Украины, а также конкуренции русских, украинских, еврейских и других сельскохозяйственных производителей явилось естественное стремление польской диаспоры к экономическому сотрудничеству. При этом немаловажным фактором выступала этническая консолидация. Это выразилось в создании разнообразных сельскохозяйственных обществ, впоследствии сыгравших важную роль в популяризации и распространении агрономических знаний, таких, как основанное в 1874 г. Киевское Общество Сельского Хозяйства и Сельскохозяйственной Промышленности, Подольское общество сельского хозяйства (1896 г.), Ровенское Общество Сельского Хозяйства (1906 г. Волынская губ.) и др. [8, с. 77; 9; 21].

Основными направлениями их деятельности, во-первых, стала организация сельскохозяйственных выставок. Например, проведение Киевской выставки 1880 г. полностью легло на Киевское Общество Сельского Хозяйства. Позже, в рамках крупнейшей Всероссийской выставки 1913 г. в Киеве, тем же обществом был проведен сельскохозяйственный съезд с участием более тысячи делегатов – представителей Главного Управления Землеустройства и Земледелия, крупнейших в империи сельскохозяйственных обществ: Московского, Харьковского, Полтавского, а также всех киевских губернских земств и вузов [22; 23].

Во-вторых, сельскохозяйственные общества являлись основателями различных периодических изданий, посвященных вопросам агрономии. Так, Подольским Обществом Сельского Хозяйства была учреждена в 1906 г. специальная газета для крестьян на украинском языке “Світова Зірниця”, первым редактором которой стал основатель кооперативного движения в Подольской губернии, выходец из среды польского дворянства И. Волошиновский. На страницах газеты публиковались материалы по проблемам рациональной организации крестьянского хозяйства [21].

В-третьих, весьма перспективным направлением в деятельности обществ стало создание агрономических музеев. В частности, таковой был организован в 1906 г. в г. Ровно Ровенским Обществом Сельского Хозяйства. Основную часть экспонатов агрономического отдела музея составляла коллекция европейских хлебных злаков, что соответствовало запросам производителей зерновых культур Надднепрянщины [24; 25, с. 126].

Кроме того, представители сельскохозяйственных объединений оказывали помощь аграрным учебным заведениям и проводили исследовательскую работу. В частности, Леоном Липковским, членом Киевского общества, в 1902 г. были выделены средства на постройку дополнительных сооружений в Уманском училище земледелия и садоводства (Киевская губерния). Мечислав Джевецкий, неоднократно участвовавший в работе того же общества, в 1890-х гг. получил широкую известность благодаря опытам по механизации сельского хозяйства и разработке методов выращивания технических культур [10].

Во второй половине XIX в. немецкая колонизация являлась существенным фактором аграрного развития Надднепрянщины, что было обусловлено высокой степенью интенсификации немецких хозяйств. Так, благодаря применению фермерской формы организации производства, рационального севооборота, химических удобрений, разнообразной машинной техники, нередко изготовлявшейся в самих колониях, немецким переселенцам удалось добиться производительности труда более чем в два раза превосходившей средний уровень Украины того времени [26; 27; 28, с. 250].

В свою очередь, подобные экономические успехи были вызваны сравнительно высокой степенью распространения общего и сельскохозяйственного образования среди немецкого населения Надднепрянщины. Так, к концу XIX в. в местах компактного проживания переселенцев – в колониях Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний – обучение стало практически всеобщим [2, с. 139; 12, с. 10; 28, с. 296]. Это позволило с успехом внедрить элементы аграрного образования во многих образовательных учреждениях. Например, в 1897 – 1898 гг. в 64 немецких школах Бердянского уезда Таврической губернии было организовано преподавание рационального садоводства и виноградарства [13].

Кроме того, наличие высококлассной по тому времени общеобразовательной базы сделало возможным создание системы начальных аграрных учебных заведений, наиболее известные из которых находились в немецких колониях Таврической губернии: Ландау, Фриденале, Гнаденфельде, Гроссвейде, Вормсе, Шнефельде, а также в 1907 г. в селении Эйгенфельд, где было основано низшее, а с 1914 г. среднее земледельческое училище. Впоследствии среди учебных учреждений такого типа оно выделилось как основное место подготовки сельскохозяйственных специалистов для немецких хозяйств Таврической, Екатеринославской, Херсонской губерний и Области Войска Донского [11, с. 13, 23; 13].

В силу вышеперечисленных обстоятельств немецкая колонизация длительное время использовалась российским правительством в качестве достаточно

эфектыўнага метада рашэння праблем інтэнсіфікацыі аграрнага сектара Наддзясныччыны і ў тым ліку павышэння агульнай агранамічнай культуры мясцовага насялення. У частнасці, згодна “Уставу аб інастранных колоніях у імперыі” 1857 г. пошук і прымяненне найбольш сучасных і эфектыўных спосабаў хазяйсвавання, а таксама стварэнне на іх аснове абырачковых хазяйсваў уваходзілі ў прамыя абавязнасці перасяленцаў. Пры гэтым кіраванне па “усоўершенстваванню земледелія, садоводства і скотоводства” возлагалось на спецыяльна створанае для даных цэляў ведамства – “Попечітельскіі Комітэт аб Інастранных Поселенцах Южнага Края”, непасрэдна падчіненыі Міністэрству Государственных Имуществ (МГИ) [2, с. 153, 157, 158]. Кроме того, на протяжении 50 – 80-х гг. XIX в. администрацией Таврической, Херсонской и Екатеринославской губерний активно практиковались мероприятия по организации сельскохозяйственного обучения детей украинского, русского, еврейского населения на фермах немецких колонистов-менонитов [29, с. 5].

Главным итогом политики поощрения немецкого аграрного культуртрегерства стало более широкое применение в крестьянских хозяйствах Украины рациональных севооборотов, наемного труда, а также разведение новых пород крупного рогатого скота, выращивание новых сортов винограда и злаковых культур [30]. Вместе с тем эффективность использования немецких иммигрантов в качестве распространителей передовых сельскохозяйственных знаний могла быть значительно большей, если бы во внутренней политике самодержавия в отношении переселенцев не произошел консервативный поворот. В соответствии с новыми “Правилами об устройстве поселян-собственников” 1871 г. ликвидировался полуавтономный статус колоний [31]. С 1881 г. на их жителей распространялась воинская повинность, а в 1897 г. началась планомерная русификация всех существующих в колониях немецких учебных заведений [12, с. 11; 32]. Результатом реализации данных мероприятий с 1873 г. стала массовая, постоянно усиливающаяся на протяжении последней четверти XIX ст. эмиграция немецких колонистов в Америку [2, с. 162].

Заклучение

Таким образом, указанные этнические группы оказывали значительное и во многом специфическое влияние на развитие сельскохозяйственного образования и просвещения в Украине во второй половине XIX – начале XX в. Это было обусловлено их определенным экономическим и культурным потенциалом, а также политическим статусом в империи. Немаловажное значение имела и роль, которую придавало им самодержавие в реализации мероприятий, направленных на повышение уровня производительности в аграрном секторе Наддзясныччыны. Однако далеко не всегда экономический курс был должным образом откорректирован и согласован с национальной политикой правительства.

Содержащиеся данные и сделанные в статье выводы могут быть использованы соответствующими сельскохозяйственными и образовательными структурами Республики Беларусь для модернизации существующей системы подготовки специалистов-аграриев, а также для решения проблем интенсификации сельского хозяйства.

СПИСОК ІСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Никитин, В.Н.** Еврей-земледельцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней / В.Н. Никитин. – СПб., 1887. – 728 с.

2. **Велицын, А.А.** Немцы в России. Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на юге и востоке России / А.А. Велицын. – СПб., 1893. – 282 с.
3. **Вергунов, В.А.** Культурно-просветительская элита России XVIII – XIX вв. как двигатель прогресса агрономии вообще и опытничества в животноводстве / В.А. Вергунов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbuu.gov.ua/e-journals/INB/2008-4/index.html>. – Дата доступа: 15.03.2010.
4. **Бердута, М.З.** Агрικультура російського й українського населення північних районів Слобожанщини наприкінці XVIII – XIX ст. / М.З. Бердута, С.В. Бережна // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 594. – С. 146–153.
5. **Щукін, В.В.** Становище єврейського населення в Херсонській губернії в XIX – на початку XX століття; автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. / В.В. Щукін. – Запоріжжя, 2006. – 16 с.
6. **Моїсєєва, Т.М.** Одеський єврейський сирітський будинок (1868 – 1900 рр.) / Т.М. Моїсєєва [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : http://www.library.ospu.odessa.ua/on_line/periodic/IV-05/052-063.pdf. – Дата доступа : 26.03.2010.
7. **Пасик, Я.** Еврейская колония Новополтавка / Я. Пасик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.evkol.nm.ru/novopoltavka.htm>. – Дата доступа : 25.09.2010.
8. **Буравський, О.А.** Поляки Волині у другій половині XIX – початку XX ст. / О.А. Буравський. – Житомир : Вид-во ЖДУ, 2004. – 168 с.
9. **Ніколаєнко, О.** Діяльність поляків у кївському товаристві сільського господарства та сільськогосподарської промисловості у 70 – 80 роки XIX ст. / О. Ніколаєнко [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа : <http://hghltd.yandex.net/yandbtm?url=http%3A%2F%2Fwww.lnu.edu.ua>. – Дата доступа : 29.08.2010.
10. **Бовуа, Д.** Битва за землю в Україні 1863 – 1914 г. Поляки в соціо-етнічних конфліктах / Д. Бовуа [Электронный ресурс]. – 1998. – Режим доступа : <http://keenander.narod.ru/beauvois/bov.htm>. – Дата доступа : 27.09.2010.
11. **Задерейчук, И.А.** Подготовка квалифицированных кадров для сельскохозяйственной отрасли в немецких колониях юга Украины в начале XX века / И.А. Задерейчук // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2003. – Т. 16 (55). – С. 21–26.
12. **Задерейчук, І.П.** Розвиток системи освіти в німців на Півдні України 1789 – 1938 рр. : автореф. дис. канд. іст. наук : 07.00.01. / І.П. Задерейчук. – Харків, 2005. – 19 с.
13. **Мандрикіна, Т., Чулкова, Л.** Просвітницька діяльність приазовських німців: етнопедагогічні детермінанти (друга половина XIX – початок XX століття) / Т. Мандрикіна, Л. Чулкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.bdpu.org/scientific_published/Pedagogical_studios/15/. – Дата доступа : 10.10.2010.
14. **Синявська, Л.І.** Вплив русифікаторської політики на економічне, соціальне і культурне життя України у другій половині XIX – на початку XX століття / Л.І. Синявська [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа : http://www.ucrainica.com.ua/catalogue/subject_index/?order=3.down&cat_id=0&typep=&from=400. – Дата доступа : 20.12.2009.
15. **Найман, А.** Єврейські партії та об'єднання у політичних процесах в Україні (1917 – 1925) / А. Найман [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.jewish-heritage.org/prep22.htm>. – Дата доступа : 6.09.2010.
16. **Калакура, О.Я.** Поляки в етнополітичних процесах на землях України у XX столітті / О.Я. Калакура. – Київ : Знання України, 2007. – 508 с.
17. **Вознюк, Ю.** Україна в геостратегічних планах гітлеровського райху / Ю. Вознюк [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : http://warhistory.ukrlife.org/5_6_03_5.htm. – Дата доступа : 6.09.2010.
18. Школьное дело у евреев в России // Энциклопедический словарь. – СПб., 1908. – Т. 39а. – С. 646–650.
19. Законодательство Российской Империи о евреях по состоянию на 1912 г. // Еврейское законодательство России и Российской империи (до 1917 г.) [Электронный ресурс]. – 1912. – Режим доступа : <http://www.jewishagency.org/JewishAgency/Russian/Education/Jewish+History/Lexr>. – Дата доступа : 26.09.2010.

20. **Глушковецький, А.Л.** Вибори до Державних Дум і становлення парламентаризму в Російській імперії у 1906 – 1917 рр. (на матеріалах Подільської губернії) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. / А.Л. Глушковецький. – Чернівці, 2008. – 20 с.
21. **Кузіна, Б.С.** Розвиток споживчої кооперації Поділля в 1861 – 1914 рр. / Б.С. Кузіна [Електронний ресурс]. – 2008. – Режим доступу : http://www.ukraine.com.ua/catalogue/subject_index/?order=3.down&cat_id=0&typep=&from=200. – Дата доступу : 20.12.2009.
22. **Дружбинский, В.** Ура, Киев на полгода стал столицей Российской империи / В. Дружбинский [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <http://miresperanto.narod.ru/kiononi skribas/kiev-1913.htm>. – Дата доступу : 2.10.2010.
23. Прошения разных лиц о высылке программ вступительных экзаменов и правил приема в училище; о приеме в училище; о предоставлении учащимся казенных стипендий; о выдаче характеристик на учащихся; о высылке саженцев плодовых деревьев; программа и бюллетень всероссийского съезда в Киеве 1913 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 280. – Л. 375.
24. **Прищеп, О.П.** Періодичні видання початку ХХ ст. про діяльність Музею Рівненського сільськогосподарського товариства / О.П. Прищеп [Електронний ресурс]. – 2010. – Режим доступу : http://istvolyn.info/index.php?option=com_content&task=view&id=133_0&Itemid=2. – Дата доступу : 3.10.2010.
25. **Мирончук, В.Д.** Історія України : навч. посіб / В.Д. Мирончук, Г.С. Ігошкін. – Київ : МАУП, 2002. – 324 с.
26. **Хоменко, Т.В.** Сільськогосподарське машинобудування на теренах України / Т.В. Хоменко [Електронний ресурс]. – 2007. – Режим доступу : <http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/INB/2007-1/index.html>. – Дата доступу : 13.01.2010.
27. **Костюк, М.П.** Німецька колонізація на Волині (60-ті роки ХІХ ст. – 1914 р.) / М.П. Костюк [Електронний ресурс]. – 1998. – Режим доступу : <http://www.lib.ua-ru.net/inode/28617.html>. – Дата доступу : 8.10.2010.
28. Німецькі поселенці в Україні: історія та сьогодення / ред.колл.: А.І. Кіссе [та інші]. – Київ-Миколаїв : НАН України, 2006. – 415 с.
29. **Белікова, М.В.** Менонітські колонії півдня України (1789 – 1917 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01. / М.В. Белікова. – Запоріжжя, 2005. – 10 с.
30. **Хрящевська, Л.М.** Господарства німецьких колоністів Півдня України (кінець ХVІІІ – початок ХХ ст.) / Л.М. Хрящевська [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://www.ukraine.com.ua/catalogue/subject_index/?order=3.down&cat_id=0&typep=&from=150. – Дата доступу : 20.12.2009.
31. Правила об общественном устройстве и управлении поселян-собственников (бывших колонистов) и передаче их во ведение общих губернских и уездных, а так же местных, по крестьянским делам учреждений , 16 июня 1871 г., № 49705 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1874. – Т. 46. – Ст. 1, 2.
32. **Юракова, О.В.** Правове положення німецьких колоністів в Росії, на Кубані / О.В. Юракова [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.slavakubani.ru/read.php?id=366>. – Дата доступу : 17.10.2010.

Поступила в редакцію 21.11.2011 г.

УДК 947,6 (“1921 – 1939”)

В.П. ГАРМАТНЫ

АГРАРНАЕ ПЫТАННЕ Ў ПРАГРАМЕ БЕЛАРУСКАЙ СЯЛЯНСКА-РАБОТНІЦКАЙ ГРАМАДЫ (1925 – 1927 гг.)

У артыкуле разглядаецца аграрнае пытанне ў праграме Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ, 1925 – 1927 гг.). У 1920 – 1930-я гг. каля 80% заходнебеларускага насельніцтва складалі сяляне, таму аграрнае пытанне на той час было самым актуальным

і злададзённым. Шматлікія палітычныя партыі прапаноўвалі свае варыянты вырашэння аграрнага пытання, імкнучыся схіліць сімпатыі сялян на свой бок. Дзякуючы прапанаванаму плану вырашэння аграрнага пытання і актыўнай грамадска-палітычнай дзейнасці БСРГ стала найбольш уплывовай і масавай грамадска-палітычнай арганізацыяй Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд.

Уводзіны

24 чэрвеня 1925 г. паслы Сейма П Рэчы Паспалітай Браніслаў Тарашкевіч, Сымон Рак-Міхайлоўскі, Павел Валашын і Пётр Мятла выйшлі з Беларускага пасольскага клуба і стварылі пасольскі клуб Беларускай сялянска-работніцкай грамады (БСРГ) [1, с. 32]. Карыстаючыся пасольскай недатыкальнасцю, лідары БСРГ разгарнулі актыўную дзейнасць па стварэнні масавай арганізацыі працоўных Заходняй Беларусі для барацьбы за свае правы, і ў хуткім часе БСРГ з невялікай сеймавай фракцыі перарасла ў шматлікую і аўтарытэтную нацыянальна-дэмакратычную арганізацыю [2, с. 27]. Дзейнасць Грамады ўзначальваў Цэнтральны камітэт (ЦК), на чале якога стаяў Браніслаў Тарашкевіч, членамі ЦК былі С. Рак-Міхайлоўскі, П. Валашын, П. Мятла, М. Бурсевіч, Я. Бабровіч, В. Макоўскі і інш. [3, с. 118].

Што датычыцца крыніц і сэнсу назвы “Грамада”, то наконт гэтага Б. Тарашкевіч даў адказ у апошнім слове на судовым працэсе 1928 г.: «Прыгадаю прысутным тут гімн Янкі Купалы “А хто там ідзе?”. Геній гэты прадчуваў, што народ павінен імкнуцца да сваіх правоў у вялікай грамадзе... Бяда-гора стварылі “Грамаду» [4, с. 46]. Акрамя таго, БСРГ была ідэйным нашчадкам Беларускай сацыялістычнай грамады (1902 – 1903, 1917 гг.), адным з кіраўнікоў якой у 1917 г. з’яўляўся Б. Тарашкевіч.

Асноўная частка

Браніслаў Тарашкевіч і яго папличнікі з сеймавай трыбуны рэзка крытыкавалі прапанаваныя польскімі дзяржаўцамі праекты аграрнай рэформы, а таксама іх аўтараў, падавалі інтэрпеляцыі (скаргі) па фактах парушэння правоў заходнебеларускага сялянства [5]. 26 чэрвеня 1925 г. у Сейм П Рэчы Паспалітай пададзены сумесны законапраект БСРГ, Камуністычнай партыі Польшчы і Незалежнай сялянскай партыі па аграрным пытанні, які прадугледжваў канфіскацыю памешчыцкіх і царкоўных зямель звыш вызначанага максімуму ў 30 га, перадачу зямлі сялянскім камітэтам і падзел яе паміж малазямельнымі і беззямельнымі сялянамі, але сеймавай большасцю праект быў адхілены [6, с. 27; 7, с. 29].

У праграме БСРГ ад 12 мая 1926 г., складзенай Тарашкевічам, па аграрным пытанні галоўнымі мэтамі ставіліся канфіскацыя памешчыцкіх і царкоўных зямель, пераход іх ва ўласнасць дзяржавы і падзел без выкупу паміж заходнебеларускімі малазямельнымі сялянамі і парабкамі, скасаванне інстытуту асадніцтва і г.д., а менавіта:

“IV. Зямля сялянам без выкупу.

8. Усе абшарніцкія і духоўныя землі павінны быць бяз выкупу адабраны ад паноў-абшарнікаў і духавенства і разам з казённымі праз сялянскія камітэты падзелены паміж мейсцовымі сялянамі і парабкамі бясплатна.

V. Скасаванне асадніцтва.

9. Б. С.-Р. Грамада дамагаецца скасавання як ваеннага, так і цывільнага асадніцтва.

Увесь зямельны запас Заходняе Беларусі павінен быць падзелены паміж мейсцовымі сялянамі і парабкамі.

VI. Упарадкаваньне зямлі.

10. Б. С.-Р. Грамада падтрымоўвае перасяленне сялян з вёсак на хутары або на пасёлкі, але толькі пры той умове, што малазямельным зробіцца прырэзка зямлі, каб яны маглі вясці запраўды самастойную гаспадарку.

11. Побач з гэтым Б. С.-Р. Грамада дамагаецца шырокай мэліорацыі – (а перадусім асушкі балот і лугоў) на скарбовы кошт водле шырокага дзяржаўнага пляну.

12. На заспадараваньне пры пераходзе на хутары і пры парцэляцыі павінна быць дадзена патрэбная помач – грашыма, інвэнтарам, будаўлянымі матэрыяламі.

13. Б. С.-Р. Грамада дамагаецца шырокай аграрнай помачы і таннага крэдыту для сялянства.

14. Усе работы па землеўпарадкаваньню павінны быць аднесены на скарбовы кошт.

VII. Лясы і воды.

15. Таксама як землі, усе дворныя і духоўныя лясы і воды павінны перайсьці ва ўласнасьць дзяржавы.

16. Грамада дабіваецца, каб сяляне былі забясьпечаны лесам на будоўлю і апал, а таксама пашай для жывёлы.

17. Б. С.-Р. Грамада вядзе барацьбу проціў такога скасаваньня сэrvітутаў, што крыўдзіць сялян на карысьць паноў-абшарнікаў”.

У праграме БСРГ адзначалася, што толькі цесны саюз сялян і рабочых (“рабочнікаў”) можа ўсталяваць сялянска-рабочы ўрад, які зможа даць сялянам зямлю і “перабудаваць народную гаспадарку і ўвесь дзяржаўны і грамадскі лад на больш разумных і справядлівых падставах ды павясьці народ да лепшае будучыні” [8, с. 4-6]. БСРГ выступала за ўз’яднаньне беларускага народа ў межах адной дзяржавы, але пры гэтым не адзначалася неабходнасьць уваходжаньня Заходняй Беларусі ў склад БССР, а выказваліся спадзяванні на стварэньне незалежнай беларускай рэспублікі. Неабходна адзначыць, што Грамада паставіла дабівацца вызначаных задач толькі шляхам легальнай і законнай барацьбы на аснове Канстытуцыі II Рэчы Паспалітай і права, што рабіла іх рэалізацыю ў тагачасных умовах фактычна немагчымай. Такім чынам, у праграме БСРГ спалучаліся патрабаванні камуністычнага і нацыянальнага напрамкаў вызваленчага руху Заходняй Беларусі [9, с. 63].

Па аграрным пытанні БСРГ стаяла за развіццё індыўідуальных сялянскіх гаспадарак і падтрымку ўрадавай палітыкі камасацыі (хутарызацыі), за што падверглася крытыцы з боку КПЗБ: “Особенно ярко выражено кулацкое влияние на программу Громады в пункте о землеустройстве, где имеется требование комасации... чем фактически смазывается вопрос борьбы за землю без выкупа и противопоставляется коллективизации крестьянства в Сов. Союзе, как единственному пути к выходу крестьянства из нужды, в которой оно прозябает целые века” [10, Арк. 121]. Акрамя таго, варта адзначыць, што Грамада адмаўляла дыктатуру пралетарыяту, абгрунтоўваючы гэта наступным чынам: “Беларусь край аграрны. Сяляне складаюць найвялікшую большасць усяго жыхарства... Работнікі складаюць 0,2 проц. у адношаньні да ўсяго жыхарства. Ясна, што пры гэткай соцыяльнай клясавай структуры Беларусі зусім ня можа быць ніякай гутаркі аб якойсьці там дыктатуры пралетарыяту” (курсіў у арыгінале) [11, арк. 3].

Вельмі хутка – на працягу прыкладна аднаго года – БСРГ стала адной з самых масавых і ўплывовых сялянскіх партый Еўропы. Як адзначаў сучаснік,

«у мала спрактыкаванай палітычна беларускай вёсцы паняцці “беларус” і “грамадавец” лічыліся роўназначнымі. На пытаньне, ці зьяўляецца даны чалавек членам Грамады, атрымліваўся адказ:

– А як-жа, ён-жа беларус.

...Абшарнік, карэспандэнт (віленскай газеты) “Слова”, піша: “Спакойную, ціхую вёску ахапіў нейкі псыхоз, людзі кідаюць працу, выконваючы толькі часткова і нядбайна свае штодзённыя заняткі; усіх апанавала нэрвовая атмасфера чаканьня нейкіх буйных, дзяржаўных і соцыяльных пераменаў”» [12, с. 43].

БСРГ мела свае друкаваныя органы “Беларуская справа”, “Жыццё беларуса”, “Народная справа”, “Наша воля”, “Народны звон”, сатырычны часопіс “Маланка”. Для зручнасці чытачоў выданні Грамады друкаваліся як кірыліцай, так і лацінкай. Аб папулярнасці друку БСРГ сведчыць той факт, што многія сяляне-беднякі выпісвалі гэтыя газеты ў складчыну, наладжвалі калектыўныя чытанні і абмяркоўвалі газетныя артыкулы [13, с. 27].

Неабходна падкрэсліць, што на I з’ездзе КПЗБ (28 чэрвеня – 25 ліпеня 1928 г.) прагучала крытыка некаторых артыкулаў з друку БСРГ: “У грамадоўскай прэсе... друкуецца рад артыкулаў, якія прадстаўлялі сабой глыбока апартуністычныя, глыбока памылковыя артыкулы, на якія мы павінны былі адраагаваць самым рашучым чынам... з’яўленне такіх артыкулаў стала магчымым на фоне дыферэнцыяці, якая пачалася ў (заходнебеларускай) вёсцы” [14, с. 27].

У выніку актыўнай грамадска-палітычнай дзейнасці БСРГ не толькі асобныя члены, але і цэлыя арганізацыі польскіх палітычных партый пераходзілі ў Грамаду. Напрыклад, восенню 1926 г. у вёсцы Раўкі Скідзельскай гміны Гродзенскага павета Беластоцкага ваяводства мясцовая ячэйка польскай партыі ПНП-“Пяст” у поўным складзе перайшла ў БСРГ і апублікавала зварот у газеце “Народная справа” (№ 22, 07.10.1926 г.): “Мы, ніжэй падпісаныя, быўшыя сябры “Пяста”, пераканаўшыся, што гэта – ашуканцкая партыя, што яна бароніць паноў і асаднікаў – нашых ворагаў, а нас, беларусаў, у вострагі садзіць – выступаем з гэтай кулацкай партыі і запісваемся ў БСРГ, зь якою толькі адною можна перамагчы зло”.

Прыведзеная цытата – характэрны прыклад сінтэзу сацыяльна-класавай і нацыянальнай рыторыкі: супрацьпастаўленне беларусаў з панамі і асаднікамі, а таксама ўжыванне яўнага запазычвання з бальшавіцкага лексікону тэрміна “кулацкая партыя” (заможных сялян “кулакамі” ў Заходняй Беларусі ніхто ніколі не называў) [15, с. 155].

У чэрвені 1926 г. у Заходняй Беларусі налічвалася 20 гурткоў Грамады і каля 500 членаў, у жніўні – каля 500 і 12 500, у верасні – каля 1 000 і 40 000, у лістападзе – 1 600 і 65 000 адпаведна [16, Арк. 1]. Гурткі БСРГ існавалі ў кожным заходнебеларускім павеце і нават амаль у кожнай вёсцы [17, с. 122]. Разам з тым такі імклівы рост колькасці членаў БСРГ і пашырэнне яе ўплыву выклікаў насыражанасць у некаторых выбітных прадстаўнікоў заходнебеларускага нацыянальна-вызваленчага руху. Вядомы тагачасны грамадска-палітычны дзеяч Заходняй Беларусі Васіль Рагуля лічыў, што колькасны рост Грамады інспіраваны самімі польскімі ўладамі дзеля наступнага разгрому беларускага руху: “Увесь палітычна сьведомы элемент (Заходняй Беларусі) уліўся ў гурткі і пацягнуў за сабой менш сьведомую большасць. Разам з доказамі нацыянальнага характару кіраўнікі гурткоў гаварылі маласьведомым: “На весну адбудзецца падзел абшарніцкіх маёмасцяў і ты, каля ня ўвойдзеш у Грамаду, ня будзеш дапушчаны да падзелу...”. Лік сяброў гурткоў рос ня днямі, а гадзінамі. Пры слабой нутра-

ной дысцыпліне гурткі самацёкам рэвалюцыянізаваліся ўсё больш і больш. На гэтую дарогу штурхала іх польская дэфензіва” [18, с. 52-53].

У справаздачы за снежань 1926 г. беластоцкі ваявода заўважыў, што “па меры развіцця на вёсцы Грамады замірае культурніцкая праца на карысць хаатычнай палітызацыі той вёскі”. Ваявода назваў БСРГ калосам на гліняных нагах і ў значнай ступені меў рацыю [15, с. 157].

У маі 1926 г. ЦК КПЗБ пастанавіў: выдзелиць для работы ў гуртках БСРГ сваіх членаў, якія хутка ўвайшлі ў склад усіх мясцовых арганізацый Грамады і фактычна кіравалі імі [19, с. 117]. Такім чынам, КПЗБ пачала аказваць вырашальны ўплыў на дзейнасць Грамады і выкарыстоўвала яе як арэну для сваёй легальнай дзейнасці, адначасова накіроўваючы яе ў бок супрацьстаяння польскім уладам, што выклікала рэзкае незадавальненне Юзэфа Пілсудскага і яго паплечнікаў [20, с. 59; 21, с. 310].

13 лістапада 1926 г. паслы Народна-нацыянальнага саюза (ННС) унеслі ў Сейм прапанову аб неадкладным абвяшчэнні БСРГ па-за законам. Ліквідацыю Грамады прадвызначыла пазіцыя буйных памешчыкаў паўночна-ўсходніх ваяводстваў II Рэчы Паспалітай, асабліва Аляксандра Мяйштовіча, які на той час займаў пасаду міністра юстыцыі [22, с. 183]. У ноч з 14 на 15 студзеня 1927 г. кіраўніцтва і звыш 400 актывістаў Грамады былі польскімі ўладамі арыштаваны [17, с. 125], а ў сакавіку гэтага ж года ўрад аб’явіў БСРГ незаконнай арганізацыяй і распусціў яе, а на месцы ўлады сілай прымушалі здаваць сялян членскія білеты Грамады [23, с. 97]. Такія гвалтоўныя дзеянні былі парушэннем Канстытуцыі, якая гарантавала пасольскую недатактыльнасць, але неўзабаве сеймавая большасць адобрыла арышт кіраўнікоў БСРГ і аб’яўленне яе незаконнаю [22, с. 183].

Дэманстрацыі пратэсту супраць роспуску Грамады адбыліся ў Гродна, Маладзечна, Слоніме, Вілейцы, Ашмянах, Скідзелі і іншых гарадах і мястэчках Заходняй Беларусі [24, с. 43; 25, с. 126-127], а самай вядомай акцыяй стала выступленне ў Косава-Палескім. 3 лютага 1927 г. на рынкавай плошчы павятовага мястэчка Косава Палескага ваяводства па ініцыятыве КПЗБ супраць разгону БСРГ сабралася, па ацэнках розных даследчыкаў, ад 1 500 да 3 000 сялян. Дэманстранты пад чырвонымі сцягамі з рэвалюцыйнымі песнямі прайшлі па цэнтральнай вуліцы мястэчка, пасля чаго адбыліся сутыкненні з паліцыяй, асаднікамі і стральцамі з выкарыстаннем агнястрэльнай зброі. У выніку разгону дэманстрацыі загінула 6 сялян, паранена некалькі дзесяткаў удзельнікаў выступлення [26, с. 80].

У лютым-маі 1928 г. у Вільні праходзіў паказальны судовы працэс над 56 кіраўнікамі і актывістамі Грамады па абвінавачванні ў спробе адарваць Заходнюю Беларусь ад II Рэчы Паспалітай і перадаць яе БССР, а некаторых актывістаў БСРГ польскія ўлады абвінавачвалі ў супрацоўніцтве з савецкай разведкай. Па выніках працэсу Б. Тарашкевіч, С. Рак-Міхайлоўскі, П. Валашын і П. Мятла атрымалі па 12 гадоў, М. Бурсевіч – 8, іншыя ад 3 да 6 гадоў турэмнага зняволення [27, с. 155].

Заклучэнне

Такім чынам, БСРГ дзейнічала на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1925 – 1927 гг. у вельмі неспрыяльных умовах і за гэты кароткі час здолела заваяваць шырокую папулярнасць і падтрымку сярод заходнебеларускага сялянства. Паводле дадзеных даследчыкаў, на студзень 1927 г. у склад БСРГ уваходзіла каля 100 000 членаў і каля 400 000 спачуваючых. Улічваючы тыя абставіны, што Гра-

мада дзейнічала толькі на тэрыторыі Заходняй Беларусі, насельніцтва якой складала каля 3 000 000 чалавек, гэта было вельмі шмат.

Па аграрным пытанні БСРГ стаяла на абароне жывецкіх інтарэсаў заходне-беларускага сялянства, за надзяленне яго на льготных умовах зямлёй і стварэнне эканамічна моцных сялянскіх гаспадарак. Грамада не выступала супраць урадавага праекта аграрнай рэформы, а патрабавала правесці яе на ўмовах, якія б задаволілі шырокія масы сялянства тагачаснай Заходняй Беларусі. Для пераважнай большасці заходнебеларускага сялянства БСРГ была адзінай надзеяй на лепшую будучыню, паслядоўным абаронцам іх эканамічных інтарэсаў і грамадзянскіх правоў.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Мяшковіч, Н.Я.** Некаторыя аспекты дзейнасці беларускіх паслоў у польскім сейме 1922 – 1928 гг. / Н.Я. Мяшковіч // Берасцейскі хранаграф : зборнік навуковых прац. – Выпуск 2. – Брэст : Выдавецтва С. Лаўрова, 1999. – 400 с. – С. 25–33.
2. Беларуская сялянска-работніцкая грамада. – Менск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1928. – 55 с.
3. **Бергман, А.** Беларуская сялянска-работніцкая грамада (1925 – 1927 гг.) / А. Бергман // Навуковы зборнік. – Беласток : Галоўнае Праўленне Беларускага Грамадска-культурнага Таварыства ў Польшчы, 1964. – 293 с. – С. 95–130.
4. **Палуян, У.А.** Беларуская сялянска-работніцкая грамада / У.А. Палуян. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – 224 с.
5. Інтэрпеляцыі беларускіх паслоў у польскі Сойм 1922 – 1926 гг. Зборнік дакументаў аб панскіх гвалтах, катаваннях і здзеках над сялянамі і рабочымі ў Заходняй Беларусі. – Мінск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1927. – 497 с.
6. **Пашкевіч, А.** Беларуская сялянска-работніцкая грамада ў першае паўгоддзе існавання (чэрвень–снежань 1925 г.) / А. Пашкевіч // Гістарычны альманах (Гародня-Беласток). – Т. 12 (2006 г.). – С. 23–36.
7. **Титова, А.А.** Борьба революционного блока польского Сейма за демократическое решение аграрной проблемы во второй половине 1925 г. / А.А. Титова // Советское славяноведение. – 1988. – № 2. – С. 28–35.
8. Праграма і арганізацыйны статут Беларускае сялянска-работніцкае грамады. – Вільня : Друкарня Н. Левін і Сын, 1926. – 20 с.
9. **Радзюк, А.Л.** Нацыянальныя і сацыялістычныя складнікі праграмы і статута беларускай сялянска-работніцкай грамады / А.Л. Радзюк // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. Выпуск 20. – Новополоцк : ПГУ, 2007. – С. 62–64.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 242п. – Воп. 1. – Спр. 101. Матэрыялы аб эканомічным становішчы Заходняй Беларусі, эканомічным, нацыянальным і палітычным гнетам польскага ўрада на Заходняй Беларусі. Стат'я Кузнецова о Громаде и др.
11. НАРБ. – Фонд 242п. – Воп. 1. – Спр. 65. Стат'я і вырезкі з газет па партыйна-марксістскаму аналізу і характарыстыцы Громады.
12. Заходняя Беларусь на лаве падсудных: процэс Беларускай сялянска-работніцкай грамады 23 лютага–22 мая 1928 г. – Менск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1929. – 254 с.
13. **Сталевіч, А.** Супраць фашысцкай акупацыі (дзейнасць Беларускай С.-Р. Грамады ў масах) / А. Сталевіч. – Менск : Беларускае дзяржаўнае выдавецтва, 1929. – 254 с.
14. **Говін, С.В.** Друк Заходняй Беларусі (1921 – 1939 гг.) / С.В. Говін. – Мінск : БДУ імя У.І. Леніна, 1974. – 96 с.
15. **Токць, С.** Беларуская вёска ў эпоху зменаў: другая палова XIX – першая траціна XX ст. / С. Токць. – Мінск : Тэхналогія, 2007. – 308 с.
16. НАРБ. – Ф. 242п. – Воп. 1. – Спр. 104. Матэрыялы о массовой работе “Громады”.
17. **Сорокин, А.А.** Аграрный вопрос в Западной Белоруссии (1920 – 1939 гг.) / А.А. Сорокин. – Минск : Наука и техника, 1968. – 204 с.
18. **Рагуля, В.** Успаміны / В. Рагуля. – Менск : Бацькаўшчына, 1993. – 94 с.

19. **Полуян, В.А.** Рэволюцыйнае і нацыянальна-асвободзіцельнае рухавіццё ў Заходняй Беларусі ў 1920 – 1939 гг. / В.А. Полуян, І.В. Полуян. – Мінск : Государственное издательство БССР, 1962. – 224 с.
20. **Бабровіч, Л.** Аб клясавай барацьбе ў Заходняй Беларусі ў часы БСРГ / Л. Бабровіч, Я. Багданскі. – Мінск : Беларуская Акадэмія Навук, 1932. – 72 с.
21. **Гарматны, В.П.** Аграрнае пытанне ў праграмах палітычных партый Другой Рэчы Паспалітай (1921 – 1939 гг.) / В.П. Гарматны // Грамадскія рухі і палітычныя партыі ў Беларусі (апошняя чвэрць XIX – пачатак XXI стст.) : матэрыялы Рэспубліканскай навуковай канферэнцыі (Гродна, 23-24 кастрычніка 2008 г.). – Гродна : ГрДУ імя Я. Купалы, 2009. – С. 308–312.
22. **Латышонак, А.** Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. – Беласток : Беларускае гістарычнае таварыства; Вільня : Інстытут беларусістыкі, 2010. – 368 с.
23. **Бергман, А.** Слова пра Браніслава Тарашкевіча / А. Бергман. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1996. – 192 с.
24. **Беразоўскі, А.** Заходняя Беларусь пад пятой польскіх акупантаў (за што Пінсудзкі разграміў Грамаду) / А. Беразоўскі. – Менск : ЦК МОПР БССР, 1928. – 45 с.
25. **Ліс, А.С.** Браніслаў Тарашкевіч / А.С. Ліс. – Мінск : Навука і тэхніка, 1966. – 168 с.
26. **Гарады і раёны Берасцейшчыны. Гісторыя і сучаснасць. Івацэвіцкі раён** / У.В. Здановіч [і інш.], пад рэд. А.А. Гарбацкага. – Брэст : Брэсцкая друкарня, 2009. – 564 с.
27. **Кулісевіч, Г.А.** Браніслаў Тарашкевіч – беларускі грамадска-палітычны дзеяч, мовазнаўца / Г.А. Кулісевіч // Язык. Общество. Медицина : сборник материалов студенческих конференций : материалы семинара преподавателей “Межпредметная координация в процессе преподавания РКИ в негуманитарном вузе” / отв. ред. А.А. Мельникова. – Гродно : ГрГМУ, 2008. – С. 152–155.

Паступіў у рэдакцыю 15.03.2011 г.

УДК 172 + 177

Н.Г. ЧЕСНОКОВ

ОПРАВДАНИЕ ДОБРОДЕТЕЛЬНОСТИ (по произведению Т. Мора “Утопия”)

В статье утверждается, что только с появлением утопического сознания Т. Мор в своей “Утопии” сумел найти разумные доводы, раскрывающие смысл добрых дел человеческих и оправдывающих добродетельность людей.

Введение

Добродетельность удостоилась внимания древнегреческих поэтов и философов, закладывающих фундамент европейской цивилизации и духовной культуры. Гесиод (VIII – VII вв. до н. э.) и Сократ (469 – 399 до н. э.) явились ее первыми почитателями. Интерес к такому свойству людей, как добродетельность, не был случайностью. Добродетельность (благодетельность) проявляется как намеренное действие человека с последствиями, отвечающими насущным интересам людей, полезное для их общего бытия. Благодетельность всегда преследует развитие и укрепление в обществе таких благодатных нравственных устоев и, соответственно, такой чистоты моральных помыслов, которыми утверждаются возвышенные идеалы. Поэтам и мудрецам и представлялось вполне закономерным умозаключение: поскольку каждый из разумных людей всегда хочет себе только добра и не может желать себе зла, постольку каждый человек может действовать только добродетельно, как в отношении самого себя, так и в отно-

шении всех других людей. И, казалось бы, ключ к счастью каждого человека, к достатку всех людей, к успеху во всех делах найден. Добродетельность – условие благостной жизни людей.

Словом, то, что добрые дела, добро могут делать только люди, уяснено было сразу же и без особых хитроумных рассуждений.

Однако чем далее шло общественно-историческое развитие, тем все более и более практическая действительность опровергала простые заключения рассудка. В общественной жизни, как бы наперекор разумности и доброй воли людей, появились такие злодеяния, как насилие, обман и воровство, нравственная порочность и социальная несправедливость. А так как злодеяния можно осуществлять только в отношении благих дел, то получалось, будто сама добродетельность людей заключала в себе такое противоречие, которое и выступало причиной, вызывающей в обществе потребность в злодеяниях. Для мудрецов Нового времени, которые задумывались над проблемами благодатного усовершенствования жизни людей, задачи значительно усложнились. Мыслителям предстояло не только научить людей вести борьбу со злом. Им следовало также подсказать людям, как усовершенствовать добродетельность, чтобы добрые дела не оказались действиями, которые, как проклятые, сопровождаются злодеяниями.

Только с формированием утопического сознания впервые появилась возможность теоретически, с прочных философских позиций “оправдать добродетельность”, то есть доказать правомерность требований морализирующего человеческого разума устанавливать в социально-экономических и социально-политических устоях такой порядок, который бы обеспечивал справедливые воздаяния именно за добрые дела. И, соответственно, в человеческих сообществах следовало установить (моральный) порядок, карающий за (аморальные) злодеяния.

Основная часть

Исследовавший сущность утопического сознания белорусский ученый Ч.С. Кирвель справедливо отмечает, что утопическое сознание есть специфическая форма ценностного освоения социальной реальности [1, с. 45-66]. Социальными утопиями рождены представления о желаемом будущем человеческого общества [1, с. 4]. Утопии стали индикаторами социального протеста и неприятия существующего общественного бытия. В них проявилось желание обрести иную социальную действительность. Утопическое сознание позволяло вести поиск решения проблем: что такое “правильное” общество?; могут ли люди стать господами собственной судьбы? [1, с. 13]. Утопия – “одна из форм донаучного (но научного по смыслу) сознания” [1, с. 19].

Среди всех знаменитых утопий, прежде всего, следует обратить внимание на сочинение Т. Мора. На заре Нового времени автор задумал вернуть человечество на стезю добродетельности. Уже одно ее название способно вызвать неподдельный интерес у личностей, склонных к размышлениям. Вышедшая в 1516 г., она называлась “Золотая книга, столь же полезная, как и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия”. Автор признавался уже в заглавии, что “повествует” в книге о жизни людей на острове Утопия, т.е. о жизни на острове, которого нет. Разговор же он будет вести не для того, чтобы посеять иллюзии о некоем земном рае. Он написал сочинение, чтобы поведать людям знания, которые облагораживают чувства и разум. Он повествует о мыслях, идеях и идеалах, одухотворяющих самосознание. Мыслитель ставит своей задачей ознакомить читателей с философско-теоретическими абстракциями, бла-

годаря которым можно закономерно отличать добро от зла, добродетельность от зловредности.

Утопическое сознание начинает активно проявлять себя в исторический период зарождения нового капиталистического способа производства. Промышленная революция все более демонстрирует возможности власти человека над природой. Идет первоначальное накопление капитала. И третье сословие, буржуазия, начинает осознавать свои классовые интересы. Тут-то и появляются социальные мыслители, нацеленные решать специфические социологические проблемы.

Социальных мыслителей интересует, как же так случается, что в странах, имеющих богатые земельные угодья, необходимые для производства полезные ископаемые, располагающих довольно усердно работающим населением, нет того благополучия, наличие которого только и делает жизнь человеческой? Почему в государствах, где правители, правительства, вроде бы, проявляют заботу об улучшении общественных дел быт людей такой неустроенный и гнетущий? Кого винить в ежедневных бедах? И они, наконец-то, выявили корень всех бед человеческих – частная собственность!!! Именно господство частной собственности, по их утверждениям и заключениям, является главной причиной всего неблагополучия...

Как же исправить положение в общественных делах? – Найти средства нейтрализации или даже ликвидации частной собственности. И, прежде всего, следовало бы устранить частную собственность из экономических отношений, где она выступает причиной возникновения зловредных, несущих зло нравственных качеств людей. Нужны такие средства, которые позволяли бы воспитывать, формировать и культивировать благородные, добродетельные нравственные качества. Такими средствами виделись благонамеренные моральные истины.

Наивно? Но именно так рассуждали мыслители, верившие в силу человеческого разума, способного образумить каждого человека, вразумить все человечество. А разве наивна вера в человеческий разум? Разве наивно верить в благородство человека, в глубинную справедливость и истинность его чувств и желаний? Тогда зачем человеку разум? Зачем человеку воля к действию? Тогда зачем уметь писать и читать, зачем уметь что-либо делать? Стоит ли кого-нибудь чему-либо поучать, а самому чем-либо заниматься, что-нибудь стремиться понять? Но ведь без всего этого и сама жизнь человеческая бессмысленна! Тогда бы сознание человека, его самосознание, его самочувствие, его мышление, как и сам объективный мир, их порождающий, были бы бессмысленны...?!

Значит, не наивны были мыслители, поставившие перед собой задачу найти средства, улучшающие как бытие, так и сознание, духовный мир людей. Совершенно справедливы были и их утопические идеи, утверждающие необходимость коренной перестройки всей системы общественных отношений. Сквозь фантастический покров в них высвечиваются гениальные мысли (Ф. Энгельс). Знакомство с произведениями социалистов-утопистов есть в известной мере насущная потребность современных людей.

Познакомимся с теми положениями и идеями, которые автор “Утопии” высказывает, рассуждая о необходимости высокой нравственности и моральной благодетельности.

Страстное желание сделать жизнь людей более добродетельной двигало Мором, когда он писал свой главный труд. Книга должна была затронуть многие сословия, разных по своим нравам людей. Он знал, что во многом усложнит

свою жизнь написанием подобного произведения. Но он сам выбрал себе путь добродетельности. Он только “очень старался, чтобы в книге не было никакого обмана” [2, с. 110]. Его произведение не сказка, хотя и имеет, в определенном смысле, форму сказки. Слишком сложен был предмет этой сказки. “...Раз я решил писать о государстве, и мне пришла на ум эта сказка, то, возможно, я не хотел отказаться от такого вымысла, который вводит в душу людей правду легче всего, словно она смазана медом” [2, с. 296-297]. Сказка была таковой, что в ней можно было “увидеть те источники, откуда происходит почти все зло в государстве” [2, с. 19].

Мор выступает с идеей светского государства, как решительный сторонник бесклассового общества, в котором господствуют устои, способствующие “райской” жизни на земле. Главной целью сочинения было выяснение, в чем заключаются причины социального неравенства и растущего обнищания трудящихся. Только на этом фоне Мор предпринимает попытку спроектировать идеальный образ жизни и соответствующую ему нравственность людей труда. Только там, где каждый человек обеспечивает свое жизненное существование трудом, где труд почетен, там нет пороков.

Мор, конечно же, понимает, что одними проповедями или же научными, логичными доказательствами нравы нельзя изменить. Поэтому, нацеливаясь изменить нравы, он начинает утверждать необходимость изменений в общественных отношениях. Прежде всего, необходимо, считает мыслитель-утопист, чтобы исчезла частная собственность. Ибо, “...где есть частная собственность, где все измеряется деньгами, там едва ли когда-нибудь будет возможно, чтобы государство управлялось справедливо и счастливо” [2, с. 162]. Если “кто-нибудь, основываясь на определенном праве, присваивает себе сколько может, как бы ни было велико богатство, его целиком поделит между собой немногие. Остальным же оставят они в удел бедность...” [2, с. 163-164]. Он подводит к выводам: “для общественного благополучия имеется один-единственный путь – объявить во всем равенство”; в обществе, где господствует общественная собственность, и “добродетель там в цене, и при равенстве всем всего хватает”; навести нравственный порядок невозможно среди “тех людей, которые отвергли уложения, распределяющие все благо поровну на всех” [2, с. 163].

В социально больном обществе сама нравственность порождает безнравственность. Людям же следует показать пусть созданное мечтой и фантазией, но социально и нравственно здоровое общество. И Мор “вводит” читателей в мир *своей* Утопии. Он “рассказывает” о нравах, царящих в стране, у каждого из жителей которой нет никакой собственности. Озабочен же мудрец не столько тем, чтобы рассказать о добрых нравах, сколько тем, чтобы показать те общественные основания, на которых зиждется добродетельность утопистов.

У утопийцев продуктивной работой заняты все. Даже должностные лица не уклоняются от труда. Поскольку никто не занимается ремеслами, служащими роскоши и беспутству, достаточно и шести часов труда, чтобы обеспечить всех членов общества необходимыми средствами жизни. У них есть свободное время, которое они проводят не в разгуле и беспечности, а посвящают личному развитию, совершенствованию своих духовных сил. В предзакатные часы они устраивают публичные чтения, в которых участвуют склонные к занятиям науками. После ужина утопийцы проводят время в играх, занимаются музыкой или развлекаются беседой. И для воспитания нравов у них есть вечерняя игра, в которой пороки и добродетели как бы борются между собой. “В этой игре весьма

умно показывается спор пороков между собой и, наоборот, согласие добродетелей. Также показывается, какие пороки каким добродетелям противопоставляются, каким силам открыто противостоят, с какими уловками нападают со стороны, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими способами избегают они их покушения и, наконец, как та или другая стороны обретают победу” [2, с. 185-186].

Образование играет большую роль в жизни утопийцев. В почтении у них люди, занимающиеся науками. Хотя каждый стремится принести как можно больше пользы. Само государство так устроено, что важна только одна цель: “насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом, полагают они, заключается счастье жизни” [2, с. 188].

Особое внимание уделил Мор этической проблематике, занимающей утопистов. Он замечает, что в этих вопросах у утопийцев пока нет единого мнения. Не так просто найти научную логику, позволяющую решать проблемы этики. Их ученые, рассуждая об удовольствиях и добродетели, ведут спор о том, в чем человеческое счастье – в чем-нибудь одном или же во многом?.. [2, с. 210]. Для обоснования своих морально-нравственных представлений утопийцы берут из философии только то, что основано на доводах разума, то, без чего стремление к истинному счастью будет слабым и бессильным. Мыслитель последовательно защищает воззрения, что человек должен жить в согласии со своей природой, как и в согласии с объективной природой вообще. В этом смысле он считает бесчестным призывать людей не только терпеть страдания, но и умышленно подвергать себя им, ибо “истощать тело постами, причинять вред здоровью и отвергать прочие благодеяния природы в высшей степени безумно, жестоко по отношению к себе и чрезвычайно неблагодарно по отношению к природе” [2, с. 224]. Бессмысленным считает он сокрушать самого себя в угоду смягчения бед, которые не произойдут. Человек должен наслаждаться жизнью, уметь видеть красоту природы, ценить природное здоровье, силу, проворство, делать свою жизнь прекрасной. С помощью человеческого разума нельзя выискать ничего более верного.

Вопрос об истоках благоденственных нравов людей остается наиболее острым. Мор учитывает, что в мире всегда останутся и болезни, и страдания, и смерть, порождающая страхи. И все же, на чем основывается нравственное благодеяние, что обуславливает исполнение людьми долга благочестия? И он рассуждает так: “Было бы лучше, если бы страдания происходили по природной необходимости или же касались тех, кто противится долгу благочестия” [2, с. 213]. Понимание “долга благочестия”, пожалуй, наиболее яркое место в учении Мора о нравственности. Он понял и показал, что основы несчастья людей лежат в организации общественной жизни. Чтобы быть благочестивым на земле, нужны не молитвы и бдения, нужна справедливость в общественных отношениях. Справедливость и проявляется как долг благочестия. Если в обществе торжествует справедливость, то в нем есть место и благодетельности, и удовольствию, и счастью.

Долг благочестия воплощается в жизнь народом, который не угнетен тиранией и не обманут хитростью законов о распределении жизненных удобств, то есть основы удовольствия. Мор поучает, что именно справедливое распределение жизненных благ – основа добродетельности людей. И если законы общественной жизни защищают добродетельность, то она утверждается в каждом. “Соблюдать

эти законы, заботясь о своей выгоде, – дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества – признак благочестия”. Основой несправедливости является то, что люди, удовлетворяя свои удовольствия, похищают чужие. “И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать это другому – как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько возвращает нам назад”, – резонно поучает морализирующий ученый [2, с. 214].

Поучая жизни по общечеловеческим законам, Мор не стоит ни на позициях альтруизма, ни придерживается и “разумного эгоизма”. По его мнению, долг доброты тем и человечен, что сила воздаяния от всех людей во много раз по своей мере превышает вклад каждого отдельного человека. Поэтому он и призывает вести себя так, чтобы вклад в общее дело был основой всеобщего благосостояния, счастья, благополучия. Только там, где общее возрастает не в меру вклада каждого, а каждый пользуется этим выросшим благом как средством удовлетворения своих потребностей, становится возможным, чтобы каждому возвращалось больше, чем он сам вложил.

Добротель порождает действенные дела и поступки. К этим поступкам нужно быть готовым. Добрым делам следует учиться. Воспитание и обучение должно базироваться на мудрости и благородстве добродетельных людей разных исторических эпох и народов. Мор приводит список книг, которые изучают островитяне. Список включает произведения выдающихся философов, историков, поэтов и писателей Древней Греции, Рима и Византии [2, с. 226-228]. Утопийцы познают науки и искусства, которые помогают им делать свою жизнь удобнее и лучше.

Знакома жителям Утопии и христианская религия. Она показала им наиболее приемлемой. Христианство оказалось им ближе всего по духу, ибо они считают, что “Христу нравилась общая жизнь”. Вообще же, они проявляют терпимость к любому виду религиозного сознания, но полностью отрицают религиозный фанатизм. Еще легендарный основатель государства Утоп, чтобы прекратить бессмысленные религиозные войны, объявил нерушимым законом, что каждому дозволяется следовать какой угодно религии. Но это не нужно понимать только как некую “свободу совести”, когда каждый следует какому-либо культу, а другим до этого дела нет. Утопийцы убеждены, что и религия должна служить выявлению истины, “которая когда-нибудь выплывет и обнаружится сама собой (если провести дело разумно и умеренно)” [2, с. 259]. Религий много, но все они не приближают к истине. Истина – одна, и к ней приводит наука.

Воспитание основ нравственности происходит на посылках научных знаний о земной жизни и ее закономерностях, поэтому так действенны гуманистические требования. Важную роль тут играют и воспитатели – священнослужители. Воспитатели избираются из ученых людей. Их избирает весь народ. Их немного, и выбирают их с великим тщанием, ибо “трудно найти много столь хороших людей, годных для сана, получить который невозможно, имея лишь обыденные добродетели” [2, с. 267]. Воспитатели обладают исключительным благочестием. Главное в их деятельности – убеждать и увещать, спасать людей в самые трудные минуты, быть примером, побуждать к милосердию, напоминать о долге людей друг перед другом. Они только не могут никого карать силой и не обладают никакой властью.

При всей важности нравственного воспитания людей, соблюдения обычаев, которые поддерживают нравственность, самую главную причину и самую существенную основу в утверждении гуманизма Мор видит в организации обще-

ством социально-экономических устоев. У утопийцев нет ничего личного, поэтому они всерьез заняты делами общественными. В других странах только говорят о благополучии общества, а по-настоящему заботятся только о своем собственном благосостоянии. Да и как же тут не быть эгоистом, как не заботиться о собственном благополучии, ведь, каким бы ни было процветающим наше государство, иронизирует Мор, тот, кто не имеет средств для собственной жизни, умирает с голода. Только там, где все принадлежит всем, каждый ни в чем не имеет нужду, если проявил заботу о собственной житнице. Здесь нет скаредного распределения добра, нет ни бедных, ни богатых. Здесь никто не мучается от жалобных требований жены, не страшится бедности сына, не беспокоится о приданом дочери. А если люди сыты, уверены, что будет обеспеченной жизнь их потомков, то у них нет постоянной, изматывающей душу тревоги, они спокойны душой, а ведь в этом спокойствии – богатство и счастье [2, с. 273-274].

Где нет богатства у отдельных лиц, там нет места несправедливости, нет праздности, как нет и лиц, терпящих нужду. Нет там места алчности и всем связанным с ней преступлениям: обманам, кражам, грабёжам, тяжбам и распрям. Общественная собственность делает людей благородными и благодетельными. Она позволяет преодолеть в истоке главный нравственный порок общества частной собственности – гордыню-высокомерие. Ведь гордыня измеряет свое счастье не своими удачами, а чужими неудачами; ее счастье сияет только на фоне убожества; ее богатство – в усилении бедности других; ее власть проявляется в глумлении над теми, кого она сделала убогими [2, с. 276-278].

Мор прямо связывал нравственные добродетели – счастье, благосостояние, благодеяние людей, чистоту их помыслов и благородство их идеалов – со справедливыми социально-экономическими устоями общественной жизни. Защищая воззрения о необходимости введения господства общественной собственности, мыслитель утверждает, что утописты уже “нашли такие жизненные устои, положили их в основу государства не только весьма счастливо, но и, насколько может предугадать человеческое предвидение, навсегда” [2, с. 278]. Он убедительно доказывал, что общественная собственность обусловит образ жизни, при котором будет отсутствовать обращение денег. А с исчезновением денег исчезнет и власть частных собственников над условиями личностного развития людей. Новым образом жизни общественных индивидов будут полностью уничтожены знатность и установлено равноправие. Вместе с этим исчезнут бессмысленный блеск, великолепие и величие лиц, что сейчас выступает главнейшей основой государственности частных собственников.

Заключение

Появление мыслителей с личностной утопической формой сознания, конечно же, проще всего было бы представить как удовлетворение потребности общества в благородных социальных мечтателях. Они якобы порождают утопии только для успокоения собственной и общественной (сословной, гражданской) совести и праведных возмущений бессильного человеческого разума. Такова в целом суровая и коварная оценка, особенно в отношении социалистов-утопистов с точки зрения идеологов и моралистов современной сверхпрагматичной утилитарно ориентированной эпохи. Пока утопии – мечта, они видятся даже прогрессивным явлением в духовной жизни, культуре. При попытке же превратить мечту в социальные устои реальной жизни, утопии становятся якобы тиранической силой в руках узурпаторов.

На наш взгляд, такое теоретическое толкование сути утопического сознания несправедливо ни по своей сути, ни по смыслу, ни по роли, которую оно играет в общественной жизни. Когда стали общественным достоянием научные воззрения на закономерности исторического развития человечества, то стала ясна и общественно-историческая значимость утопического сознания. Именно утопическое сознание сыграло свою великую роль в ориентации научного разума на социальные противоречия, анализ которых позволил выявить исторические тенденции и перспективы общественного бытия и сознания человечества. Человеческий разум еще раз подтвердил, что оправданы были все надежды людей на его всеислие. Он и в дальнейшем способен постигать все истины самого различного их характера и свойства [3, с. 3-52]. Когда еще не были известны социальные научные истины, как раз утопическое сознание явилось той формой индивидуально-личностного сознания выдающихся мыслителей, которое позволяло видеть добродетельность в практике человеческой деятельности и оправдывать добродетельность как самый сущностный момент революционно-практической деятельности человечества при преобразовании устоев общественного бытия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Кирвель, Ч.С.** Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции / Ч.С. Кирвель. – Минск : Университетское, 1989. – 190 с.
2. **Мор, Т.** Утопия / Т. Мор. – М. : Наука, 1978. – 415 с.
3. **Чесноков, Н.Г.** Атеистические воззрения на мораль и нравственность социалистов-утопистов / Н.Г. Чесноков. – Могилев, 1992. – 216 с. деп. в ИНИОН РАН № 47005. 9.02.92.

Поступила в редакцию 03.05.2009 г.

УДК 2(476)

Н.А. КУТУЗОВА

ПРАВОСЛАВНЫЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА: ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются проблемы формирования идеологии православного фундаментализма в полемической литературе первой половины XVII в. Фундаментализм рассматривается как религиозная идеология, основанная на неприятии модернизации вероучения и форм церковной организации, выраженная в протестных акциях. В статье анализируются ключевые тезисы православного фундаментализма XVII в. в сопоставлении с его современными аналогами.

Введение

Под фундаментализмом обычно понимают идеологию религиозных и религиозно-политических течений, которые выступают за возвращение к истокам вероучения (фундаментальным понятиям) и борются за придание вере изначальной чистоты [1, с. 4-5]. При этом понятие “фундаментализм” не является строго определенным и зачастую используется в ситуативном контексте. В последние годы в белорусских и российских печатных СМИ понятие “фундаментализм” встретилось огромное количество раз как синоним фанатизма, экстремиз-

ма и использовалось в отношении “религиозного мусульманского экстремизма”. Некоторые российские исследователи (С.Б. Филатов) полагают, что понятие “фундаментализм” применимо лишь к протестантским течениям, однако в российском религиоведении сложилась в последнее время традиция (К. Костюк, А. Тувинов, С. Лебедев и др.), согласно которой фундаментализм понимается шире. Понятие “фундаментализм” может быть применено к любому верующему или религиозной группе, которые не принимают модернизацию вероучения и протестуют против приспособления церковной организации или идеологии к современным условиям. Понятие “фундаментализм” строго научным не является также и потому, что в любой религиозной системе сложно определить, что конкретно является ее истоками (фундаментом), так как в одних случаях речь может идти о священных текстах как истоках вероучения, в других – об ортодоксии или богословской традиции, последний тип часто называют “традиционализмом”.

Наиболее часто фундаментализм проявляется в религиях Откровения в двух формах: асоциальной мистической (пророческой) и политизированной, как правило, связанной с выражением националистических взглядов. Первый тип основан на идее о том, что информация, получаемая адептами мистическим путем, является “фундаментом”, истоком личной веры. Политизированный фундаментализм – явление, распространенное в околоцерковных кругах, но выполняющее политический и идеологический заказ. Развивается данный тип фундаментализма преимущественно в периоды трансформации социально-экономических и политических отношений, когда демонстративный эффект от протестных мероприятий особенно ощутим.

Выявить универсальные причины формирования протестного религиозного фундаментализма довольно сложно, тем более, что для Беларуси с ее толерантной политической и религиозной культурой это явление скорее является исключением, фрагментом истории и культуры, чем повторяющимся устойчивым явлением. Однако постепенный ренессанс православного фундаментализма в нашей стране, который происходит с 2000 г., заставляет обратить на это явление пристальное внимание. Его идеология оказалась близка части верующих Русской православной церкви (РПЦ) и даже некоторым иерархам в России. Надо отметить, что православные верующие составляют большинство – около 80% от числа всех верующих в Беларуси. В теоретическом оформлении современного православного фундаментализма огромную роль сыграла литературная деятельность митрополита Иоанна Санкт-Петербургского и Ладожского (Снычева), который изложил собственную историософскую концепцию в духе идеологии “Москва – Третий Рим”, основанную на тезисе о русском избранничестве. И. Снычев являлся приверженцем монархизма и настаивал на “возрождении Святой Руси” с помощью “симфонии (духовной и светской) властей”. В его книгах содержится критика глобализации, экуменизма, “мирового масонского заговора”. Под влиянием фундаменталистских кругов в РПЦ началась дискуссия по поводу выхода из Всемирного Совета Церквей и прекращения любых экуменических контактов; по поводу канонизации царской семьи и официального отказа РПЦ от признания подлинности царских останков, по поводу канонизации Григория Распутина. Под давлением фундаменталистов формируется критическая реакция официальных церковных кругов на действия либеральных священников, осуждается введение налоговых номеров, контакты с католической церковью и любые формы межцерковного диалога. Современный фундаментализм крайне политизирован, зачастую проявляется в формах религиозного фанатизма и экстремизма, разжигания рели-

гиозной и национальной вражды или розни. Данные обстоятельства делают изучение истории фундаментализма особенно актуальным.

Основная часть

Интеллектуальная история Беларуси формировалась в значительной степени благодаря взаимному влиянию православной “Руси” и “Латинского (католического) мира”. Свобода вероисповедания в Великом Княжестве Литовском подтверждалась различными правовыми актами: привилеи 1432 и 1434 гг. закрепили равенство прав католической и православной шляхты, привилеи 1443 г. провозгласил равенство прав католического и православного духовенства, привилеи 1457 г. Казимира Ягеллончика устанавливал права шляхты независимо от вероисповедания (данная норма подтверждалась последующими грамотами 1492, 1506, 1529, 1547, 1551 гг.). Свобода вероисповедания гарантировалась Статутами Великого княжества Литовского.

Довольно серьезный конфликт между основными религиозными группами страны произошел в конце XVI в. и был связан с событиями, происходившими вокруг заключения Брестской церковной унии в 1596 г., и приданием греко-католической (униатской) церкви правового статуса православной церкви. “Русское” православное население Речи Посполитой видело в унии угрозу “русской” культуре, языку, вероисповеданию. Первые десятилетия XVII в., отмеченные межконфессиональными конфликтами, стали временем зарождения политизированного православного фундаментализма как теории, так и программы деятельности.

Среди теоретиков того времени Иван Вишенский – афонский монах, автор многочисленных посланий, призывающих бороться с унией, написанных в 1599 – 1610 гг., православный киевский митрополит Исая Копинский (? – 1640), Василий Суражский – священник в г. Острог, автор сочинения “О вере единой” (1588), Гавриил Дорофеевич – антиуниатский полемист конца XVI – начала XVII в. Отчасти идеи традиционализма были близки богослову Захарии Копыстенскому (? – 1627) – учителю братских школ в Бресте, Львове, Вильно, автору сочинения “Палинодия” (1621), Мелетию Смотрицкому (1578 – 1633) – церковному деятелю, публицисту, автору сочинения “Фринос” (1610), Афанасию Филипповичу (1595 – 1648) – брестскому игумену, церковному и общественному деятелю, автору сочинения “Диариуш” (1646).

Ощущение зла и несправедливости, связанных с насильственным насаждением унии, способствовали анализу православными авторами христианского онтологического дуализма “гнезда Антихриста” и “царства Христова”. “Гнездо Антихриста” рассматривается через аспект территориальный (локализация “гнезда” в Речи Посполитой и Ватикане), церковно-организационный аспект (проблемы внутреннего устройства католической церкви), аспект культурно-религиозный (католическое вероисповедание и уния рассматриваются как “прелщение сатаны”) [2, стб. 316]. В противовес “гнезду Антихриста” религиозные фундаменталисты вводят понятие “истинной церкви”, рассматривая его в качестве синонима “справедливого общества” и экстраполируя принципы организации и функционирования идеальной церкви на идеальный социум.

Наиболее полно концепция “истинной церкви” была сформулирована И. Вишенским: защита веры “от лукавого беса и человека”, отвержение “прелщения и соблазна”, главенство не земного царя, а небесного, “правдивая церковь” должна быть ненавидима миром, должна “крест носить и нищету любить”, следовать “главной премудрости неба”, которая “противоречит мудростям земным”

[3, с. 143-150]. Все они в разном порядке упоминаются в “Палинодии” З. Копыстенского, “Диариуше” А. Филипповича, у И. Копинского, В. Суражского и присваиваются православной церкви как синониму “истинной”. Но “истинной” считается не реально существующая церковь, а ее идеальный образ. Православные братства, несмотря на их ведущую роль в православном патриотическом движении, также стали объектом критики религиозных фундаменталистов. И. Вишенский в послании к старице Домникии изложил свое видение деятельности братств, усматривая отход от традиционных форм: “Трудиться в церквях не хотят”, а “байки риторские знают”, “комедии строят и играют”, возмущается роскошью, в которой живут “фундаторы благочестия”, их умеренной политической ориентацией и сомневается в их способности спасти веру. И. Вишенский призывает бежать “в пустыню” и спасти веру [3, с. 162-167].

“Истинная церковь” рассматривается И. Вишенским с позиций дуализма земного и небесного, материального и духовного. Она должна возглавляться царем небесным и быть ненавидима миром [3, с. 11-15]. З. Копыстенский повторяет мысль И. Вишенского: “Церковь Христова преследования вшелякіе пріймуєть, еднакь незвитяжона (непобедима) зоставаеть”. Он видит даже пользу унии в том, что “1) правочерные отделились от зловерных; 2) в православной церкви появились мученики; 3) исповедников оказалось без числа; 4) правочерные потерпели гонения за веру” [4, с. 299]. По мысли писателей XVII в., “истинная церковь” – это собор всеми гонимых, отрехшихся от всего последователей Христа. По своему социальному укладу она напоминает эгалитарную раннехристианскую общину. Подтверждает это и ориентация на неимущие слои населения, а также на монашескую оппозицию митрополиту П. Могиле, вдохновителем которой стал не желающий оставлять свой митрополичий пост И. Копинский.

“Истинная церковь” – основная идея фундаменталистского движения за обновление церкви, понимаемого как оживление монашеской жизни и консервацию традиционных правил культовой деятельности. “Истинная церковь” национальна, она призвана охранять “русскую веру”. Работы украинских и белорусских писателей, относящиеся к первому десятилетию XVII в., свидетельствуют о самоосознании себя одним народом, признании единства исторического пути славянских православных народов, которые в ту пору именовались одним собирательным названием “русины”, подразумевавшим этническую принадлежность и православное вероисповедание. Они, по мнению православных авторов, являются атрибутами народности. “Истинность” русской церкви определялась преимуществами языка и вероисповедания как неизменных атрибутов народности. Основа рассуждений о языке была заложена И. Вишенским тезисом о святости и простоте русского языка. И. Вишенский трактует славянский язык как книжную форму русского языка. Славянский язык “плодоноснейший от всех языков и богу любимейший” [3, с. 10]. Святость языка доказывается традиционной антитезой: если бог полюбил славянский язык, то дьявол стал его ненавистником. Он “для того языка словенскаго не любит, иж языку словенскому лжа и прелесь... места имети не может, ибо ани диалектик поганских (нищующих правду божию во лжу), толко простоту и спасение еднает. А твоего латынскаго языка вседушно дьявол любит”, – пишет И. Вишенский иезуиту П. Скарге [3, с. 194]. “Причины победы ляхов над руссами” он видит в принятии западной культуры, образа жизни через латинский и польский язык.

При рассмотрении вероисповедания и языка в качестве основы этнической идентификации православные полемисты неоднократно подчеркивали их неиз-

менность, традиционность, обращаясь к истории принятия Русью христианства. Опровергая утверждения католиков о том, что Русь якобы приняла христианство по римскому образцу, православные авторы прослеживают историческое развитие Руси до и после крещения, ссылаясь при этом на Тертуллиана, Барония. Посредством выяснения проблем языка, вероисповедания, исторического развития православные писатели называют себя “Русью” в плане этническом, историческом и религиозном. По мнению Копыстенского, русские воевали всегда с Римом – это предмет гордости православных. “На месце отпавшихъ Латинниковъ народы Росскіе призвал и вщепиль въ святую свою церковь”. Произошло это из-за большой разницы между разумом греческим и латинским. З. Копыстенский впервые ставит вопрос о различиях ментального характера: “Можеть прировнати разумъ Грецкій до самородного ходу или до едноходника коня, который николи не ухибить (не ошибется)... Розумъ зась Латинскій... пошоль на учоную иноходу, которая што-раз ся отменяеть” и далее: “...выхваляються Римляне свободою пановання своего водлугъ света, и Грекове выхваляються свободою души и сумненья своего, ижъ правую веру и догмата заховують. Латиникове силлогисмовъ и аргументовъ ся учать любопретися и единъ другого перепирати, а Грекове и Россове держать правую веру” [2, стб. 1103, 1107, 901-904]. Это мнение Копыстенского свидетельствует о гораздо более глубоком понимании сути различий обрядного и вероисповедного характера православной и католической церкви. Причины скрываются в глубинных различиях западноевропейской и восточнославянской ментальности, выразившихся в особенностях религиозного и мировоззренческого плана. Отличительными чертами восточнославянской ментальности православные авторы считали, во-первых, традиционность (которой противопоставляли “учоную иноходу” католиков), во-вторых – “свободу души”, обозначающую непосредственную, мистическую обращенность к Богу, в-третьих – соборность (православные авторы всегда говорят от имени “русского народа”). Традиция для православных – это сохранение языка, вероисповедания, жизненного уклада, она определяет суть истории. З. Копыстенский видит возможность развития только в рамках “истинной церкви”: “...много существует православных царств, але все тыи королевства и князства устануть, а намъ зас християномъ на земли царства служат, але небесное вечно пребывающее указано и наготовано” [2, стб. 863].

“Истинная церковь” – это “зъедночєня духовное, то есть единомыслєнность въ одной и той же вере” [2, стб. 378, 462]. Власть имеет единый источник и природу – божественную и обеспечивает связь человеческого мира с божественным. Реализация власти предполагает духовное пастырство и требует от правителя чрезмерной религиозности, а от государства – быть по сути теократическим. Идея “истинной церкви” мистична и гуманистична одновременно: она призывает к созерцанию небесной божественной правды, к освобождению от греховного мира и в то же время к обновлению мира на принципах христианской любви, распространению их в социальной и политической сферах. Для Речи Посполитой с развитыми политическими институтами и сословной дифференциацией эта идея была утопичной и парадоксальной в применении к реальной политической жизни. Кроме того, “истинная церковь” предполагала теократическую модель государства. “Бог милостивый моления вашего не презрит, вам пастыра даст, тогда светскую власт (се ест короля) ищите, которого если не схочет вам подати и не послушает вас, узрите его скоро до конца оглохнувши и онемевши, зане поставлен суд прав судити, а не своее веры прелєсть фолкговати” –

так представляет себе государственное устройство И. Вишенский [3, с. 31]. Первым лицом в государстве, по его мнению, является глава церкви, светской власти отводится охранная функция по отношению к церкви и вероисповеданию граждан. В том случае, если светская власть не справляется со своими обязанностями, ее ждет божья кара.

Недовольство порядками Речи Посполитой, которые не соответствовали представлениям православных авторов об “истинной церкви”, способствовало обращению к соседнему православному государству – Москве. А. Филиппович возлагал надежды на Москву как на защитницу преследуемого православного населения. И. Вишенский и И. Копинский откровенно призывали православных покинуть пределы Речи Посполитой: “Будьте готовы отлучиться от того погубительного антихристового и содомского рода, да есте истинною новым Израиль, а не с поганцы поганее” [3, с. 46]. Результатом стал переход монахов Густынского, Ладинского и Мгарского монастырей в 1638 г. в Россию, в город Путивль [5, с. 25]. Москва воспринималась как сильное государство, миссия которого состоит в установлении противовеса “силам Антихриста” и обеспечения условий для праведной земной жизни верующих.

Заключение

Таким образом, ключевыми тезисами идеологии православного фундаментализма XVII в. стали: требование обновления церковной жизни на основе аскетизма, отрицание форм современной жизни, подчеркивание собственного превосходства и отрицание диалога с другими конфессиональными группами (католиками, иудеями, протестантами), “соборное” теократическое государство. Православный фундаментализм в первой половине XVII в. не сформировал серьезного протестного политического движения по ряду причин. Во-первых, политико-правовые условия Речи Посполитой предоставляли широкую возможность разрешения межконфессиональных и других проблем легальным юридическим путем, чем и воспользовались православные иерархи в 20 – 30-е гг. XVII в. для возвращения правового статуса своей церкви. Во-вторых, православные братства, которые играли ведущую роль в патриотическом движении, жили полноценной культурной жизнью, включенной в общеевропейский образовательный и культурный контекст, не предполагавший “ухода от мира”, радикального аскетизма. Также мы не видим сформированной идеологии русского национализма. Ее основы намечены: противопоставление “русинов” “полякам (или латинянам)”, выяснение “состава крови” (т.е. этнического происхождения), фактов легендарной истории (войн “русинов” с Римом), концепции теократического “русского” государства. Однако развития политического национализма не произошло, межконфессиональные и этнические конфликты были разрешены политическим и юридическим путем. Нельзя недооценивать также и патриотическую позицию по отношению к Речи Посполитой как православного, так и католического населения страны, политических элит и простонародья. История православного фундаментализма XVII в. закончилась благодаря эффективной конфессиональной и культурной политике, целью которой было поддержание стабильности, правопорядка и “общественного блага” в межконфессиональных отношениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фундаментализм : сб. науч. ст. / Институт востоковедения РАН: З.И. Левин (отв. ред.) – М. : Институт востоковедения РАН – Издательство “Крафт+”, 2003. – 190 с.

2. **Копыстенский, З.** Палинодия / З. Копыстенский // Русская историческая библиотека. – Т. 4. – Кн. 1. – Пр., 1903. – Стб. 313–1200.
3. **Вишенский, И.** Сочинения. / И. Вишенский. – М. : Наука, 1955. – 360 с.
4. **Копыстенский, З.** О правдивой едноти / З. Копыстенский // Завитневич, В.З. Палинодия З. Копыстенского и ее место в истории Западно-русской полемики XVI и XVII вв. – Варшава, 1883. – С. 290–350.
5. **Голубев, С.Т.** Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники : в 2 т. / С.Т. Голубев. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, Тип. С.В. Кульженко, 1883 – 1898. – Т. 2. – 1051 с.

Поступила в редакцию 20.09.2011 г.

УДК 808. 26 (053)

В.І. РАГАЎЦОЎ

ВЕРБАЛЬНЫЯ СРОДКІ КАМІЧНАГА Ў “КАМЕДЫ” КАЯТАНА МАРАШЭЎСКАГА

“Камедыя” Каятана Марашэўскага – адзін з найбуйнейшых арыгінальных помнікаў беларускай літаратуры XVIII ст. Камічны эфект у п’есе дасягаецца ўжываннем як спецыялізаваных, так і (часцей) неспецыялізаваных вербальных сродкаў. Спецыялізаваныя сродкі – такія, для якіх камічная функцыя з’яўляецца асноўнай. Да іх адносяцца іранізмы, якія можна кваліфікаваць як абсалютна-спецыялізаваныя сродкі камічнага, паколькі яны выконваюць функцыю стварэння камізму ўсе без выключэння. Неспецыялізаваныя сродкі – такія, для якіх камічная функцыя не з’яўляецца асноўнай. Гэта ідыялектныя клішэ, умоўныя дыялектызмы, іншамоўныя ўкрапіны, звароткі, экспрэсіўна зніжаныя адзінкі (асобныя лексемы, праклёны, фразеалагізмы), параўнанні, выклічнікі. Важная роля ў рэалізацыі моўнымі сродкамі камічнай экспрэсіі належыць актуалізатарам, а ва ўзмацненні яе – інтэнсіфікатарам (канцэнтраванае і комплекснае ўжыванне сродкаў).

Уводзіны

“Камедыя” напісана ў 1787 г. Каятанам Марашэўскім – прафесарам рыторыкі і паэзіі Забэльскага дамініканскага калегіума (в. Валынцы, Верхнядзвінскі раён Віцебскай вобласці). Рукапіс п’есы зберагаецца ў рукапісным адзеле Цэнтральнай бібліятэкі АН Літвы і змяшчаецца, побач з творамі іншых аўтараў, у зборніку, які датуецца тым самым годам.

Поўны тэкст “Камедыі” з каментарыямі быў упершыню апублікаваны (у адпаведнасці з арыгіналам – лацінкай) акадэмікам У.М. Ператцам у 1911 г. П’еса напісана на беларускай і польскай мовах. Селянін Дзёмка і Яўрэй-карчмар (два з трох асноўных персанажаў) гавораць па-беларуску, а астатнія персанажы (Д’ябал, браты, блазнікі, Пакутнік) – па-польску.

Кірыліцай вялікія вытрымкі з п’есы надрукаваў акадэмік Я.Ф. Карскі ў 1920 г. у газеце “Беларусь” (№№ 106 і 107). У скарачаным выглядзе твор падаецца і ў “Хрэстаматыі па старажытнай беларускай літаратуры” [1].

Цалкам “Камедыя” публікуецца ў кнігах “Беларуская дакастрычніцкая драматургія” [2] і “Хрэстаматыя па гісторыі беларускага тэатра і драматургіі” [3], у якіх дзеля большай зручнасці рэмаркі, рэплікі персанажаў даюцца ў перакладзе з польскай мовы на беларускую.

У п’есе праўдзіва паказана паднявольнае жыццё прыгоннага селяніна Дзёмкі, надзеленага прыродным розумам, дасціпнасцю. У самыя змрочныя часы каталіц-

кай рэакцыі п'еса “прапагандавала жывую гутарковую беларускую мову, якую забаранялі і праследавалі шляхецкія законы Рэчы Паспалітай” [4, с. 20].

Як адзначае Я.К. Усікаў, “Камедыя” – гэта “найбуйнейшая рэч з вядомых нам арыгінальных помнікаў беларускай літаратуры XVIII ст.”; істотная мастацкая вартасць твора – “камізм сітуацый, камізм характараў, камізм інтрыгі” [5, с. 190-191].

Асноўная частка

Для стварэння камічных сцэн у творы выкарыстоўваюцца наступныя найважнейшыя вербальныя сродкі.

Ідыялектныя клішэ. Гэта словы і выразы, якія, як правіла, маюць адметную форму і / або ярка выражаную экспрэсіўную афарбоўку. Так, у маўленні Селяніна, калі ён звяртаецца да Д'ябла, часта ўжываецца слова *вашэць* ('ягамосць'), напрыклад: *Чы пазнаў, ты, **вашэць**, цяпер нашую бяду? **; *Адкуль ты, **вашэць**, ведаеш а маім іменю?; Скажы ж ты, **вашэць**, мне, за што ты так чорны, як чорт?; Калі ты, **вашэць**, не ведаеш і не спытваў яшчэ таго прабаваць, так і не пытайся; Ты, **вашэць**, мусіш быць дужа мудрым... Скажы ты, **вашэць**, мне, што гэта за падвёнскі?; Ты, **вашэць**, мне дасі сто рублей, калі я дацярплю; Дай жа ты, **вашэць**, на тым мне руку, што калі я дацярплю, грошы мне аддасі; Можа, **вашэць**, адзін так пачцівы, а іншыя не такія.*

Звяртаючыся да ненавіснага яму Д'ябла, апрача слова *вашэць*, Селянін ужывае іншыя ласкальныя ідыялектныя клішэ:

а) простыя (аднаслоўныя) і ўскладненыя (азначэннямі): *А **панічэнку**, а будзь жа ласкаў!; Да, **панічэнку**, каб ты ведаў...; Ці я ж гэтага, **панечку**, спадзяваўся?; Да я гэта, **маспане**, знаю; Ах, **дабрадзею**, змілуйся, даруй; Цяпер, **мой добрадзею**, датрымаю; Добра, **мой добрадзею**, добра; Мой ты **наймілейшы добрадзею!***

б) састаўныя (камбінаваныя): *Што, што ты кажаш, **пане д'ябле!**; А **дабрадзею**, а **панічэнку!**; А **панічэнку добрадзею**, ужо ж цяпер не буду болей таго чыніць; Не ведаю, **пане д'ябле!**; Ты, **вашэць, добрадзею**, паслухай толька...; А **дабрадзею**, а даруй жа ты, **вашэць**, гэты раз; Але ты, **вашэць, мой добрадзею**, калі ты, **вашэць**, гэтак мудры, парадзь мне, якім спосабам я магу быць багатым...; **Важны мосці добрадзею**, ужо ж цяпер кажу, што шчыра папраўлюся, толька прашу цябе, даруй мне гэтак раз.*

Такое ветлівае стаўленне да Д'ябла – гэта не дагодлівасць, не прыстасавальніцтва. Гэта, хутчэй, “выяўленне той мужыцкай хітрасці, без якой, як аб гэтым гаворыцца ў адной з беларускіх інтэрмедый, «даўно б мужыкі пагіблі»” [5, с. 181]. Ва ўжыванні Селянінам ласкальных слоў выяўляецца, такім чынам, не толькі яго імкненне выратавацца ад небяспекі трапіць у пекла, але і прыхаванае высмейванне агіднага яму Д'ябла.

Дыялектызмы. У п'есе гэта словы або выразы, якія не адпавядаюць нормам сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Аднак такія моўныя адзінкі правамерна называць умоўнымі дыялектызмамі [6, с. 83], паколькі ў той час, калі стваралася камедыя, яшчэ не было ўсталяваных літаратурных нормаў. Такія “ненарматыўныя” формы выклікаюць у сучаснага чытача камічны эфект, таму што яны прыкметна адрозніваюцца ад літаратурных адпаведнікаў: [Селянін:] *Ведама – жаночкая справа; **цюкнецць колька** разы цапом, аж зараз яе **ліхо і бярэць** – то **сядзець**, то **ляжэць**, то колікі падапруць, толькі чорт лоньскі яе **дусіць**, а потым*

* Тут і далей прыклады з кн.: [3, с. 58-115].

яшчэ з гоманам і кляцьбою **пойдзець**; Скажы ты, вашэць, мне, **чы*** душа **маець** вочы? Я ведаю, што маю душу і цела і ў галаве ёсць **дзе вочы...**; Вот цяпер **абачым**, хто каго **пераможэць**. Ён **кажэць**, што мяне **возьмець** да пекла, калі маўчаць не буду. А я кажу, што ён і з родам сваім не **дажджэць**, бо я гатоў сабе губу на калодку замкнуць.

Прыклады ўмоўных дыялектызмаў з рэплік Селяніна: аж зараз **скажэць**; ужо **кажэць**; [сын] не **расцець**; ліха **ведаець**; **мядзвядзёў** на мяне спусці; пакуль тая пара не **прыйдзець**; калі **прыйдзець**; цяпер усе **абачуць**; **чы** возьмеш і **чы** захочаш мае заплаты; **Восека, восека**. (Паказвае ў той бок, адкуль выходзіць Д'ябал.); не **будзець** так другі раз; гарэлікі мне **прынясець**; ведаю я **а** тым, што ён усіх нас **хочэць** мець у пекле; **чы** чорт яму **скажэць?**; **чы** яго **ліхо** на мяне находзіла; **чы** мяне чорт у гэта **ўплутаў?**

Умоўныя дыялектызмы зрэдку сустракаюцца і ў маўленні Яўрэя: Хто гэта **стукаець**, ці не **д'ябал ідзець?**

Іншамоўныя ўкрапіны. У камедыі пераважаюць кантамінаваныя ўкрапіны (элементы “ламанай” мовы). Так, у беларускім маўленні Яўрэя пад уплывам роднай (яўрэйскай) мовы часцей за ўсё назіраюцца адхіленні ад фанетычных нормаў (напрыклад, вымаўленне на месцы шыпячых свісцячых): **Ню** і за **сто** ты, **разбойнік, цорны** год на цябе, мяне **клянес** і **б'есся** і **сто** вінен не **аддаес?**; **Ню** на цябе **цёрны** год! **Хадзіць** я, **хадзіць** за табою, **буль** я **двойцы** ў тваёй хаце, **аз ледва** тут я цябе **знасоў**. Калі ты мне аддасі за гарэлку?; **Усё казэс, сто ад'ям**, а я **даздацца** не магу твайго **ад'ям**. Арэнду мне трэба цяпер плаціць. **Коньцо**, аддай; **Ню** і **сто** ты **казэсь!** І калі ты тагды аддаў, калі абяцаў? Аддай, **канецна**, цяпер. **Узо** табе болей верыць не буду; Ну і **гдзе** я цябе буду **сукаць, узо** я і так многа за табою нахадзіўся! **Лепс** ты мяне **сукай!** (Здзірае ў Селяніна з галавы шапку.); Дзёмка, **сказы** ты мне, як ты ад **цорта** адкаснуўся; Да **ню**, Дзёмка, **сказы** ты мне, **цы** выйграў ты?; Я не **хацу**, каб мне **цорт** плаціў, ты сам мне заплаці; Ой, як я **напузаўся**, і **дусы** ў мяне не было; **Колька** ты **хоціс**; Я сам **цуў, сто** ён табе абяцаў **толька**; **Ню** і **сто** ты **сказіс?**

Як слушна адзначае А.І. Жураўскі [7, с. 366], такое маўленне сведчыць пра тое, як тонка адчуваў аўтар камедыі адхіленні ў арфаэпічных нормах жывой беларускай мовы з боку прадстаўнікоў нацыянальных меншасцей, якія таксама карысталіся беларускай мовай у зносінах з беларусамі.

Зрэдку ўкрапіны ўжываюцца камбінавана (кантамінаваныя і частковыя): [Яўрэй:] **Ню** і **сто** ты, **свіння**, не **аддаес** таго, **сто** вінен! (Яўрэй цмокае, а потым мовіць.) Ой, ой! **Вей мір гвалт!** І **есцо** лаесся. Тут **ню** (бел. літ. ну), **сто** (што), (не) **аддаес** (**аддаеш**) – кантамінаваныя іншамоўныя ўкрапіны, а выраз з яўрэйскай мовы **Вей мір гвалт** (у беларускамоўным напісанні) – частковая ўкрапіна.

Іранізмы. Іранічна ўжываюцца, як правіла, словы з узуальна станоўчай экспрэсіяй, якія набываюць у кантэксте адмоўна ацэначнае значэнне: [Селянін:] Ты, **вашэць**, мусіш быць дужа **мудрым**, бо калі што кажаш, так я і пазнаць не магу; [Пакутнік:] Аднак жа даруй яму [Селяніну] на гэты раз. [Д'ябал:] **Добра**, я яму дарую, але цябе **вазьму**. [Пакутнік:] А згінь ты, **прападзі!** (Жагнаецца і адыходзіць.) **Знайшоўся** мне **дабрадзей**. Актуалізатарамі іранічнага ўжывання лексічных адзінак з'яўляюцца: для прыметніка **мудрым** – постпазіцыйны вербальны кантэкст (словы Селяніна **бо калі што кажаш, так я і пазнаць не магу**), а

* На думку І.Я. Лепешава, **чы** можна лічыць украінізмам або польскім словам (czy – ‘ці’) [6, с. 118].

для назоўніка *дабрадзей* – прэпазіцыйны вербальны кантэкст (словы Д’ябла *але цябе [Пакутніка] вазьму*).

Звароткі. Селянін, звяртаючыся да Д’ябла, міласціва просіць таго: *Да галубенка ты мой, да кукалачка ты мой, зязюлечка ненаглядная, да ты ж маё ні сёе, ні тое, да даруй жа гэтак разочак*. Выдзелены складаны зваротак семантычна разнапланавы: першая яго частка – “лагодная” (*да галубенка ты мой, да кукалачка ты мой, зязюлечка ненаглядная*), а другая, кантрасная, – “неадабральная” (фразеалагізм *ні сёе ні тое* ‘такі, што цяжка сказаць, кім ён з’яўляецца’). Такія звароткі-кантраснывы сведчаць аб уменні селяніна-мужыка тонка іранізаваць (нават з таго, у каго просіць літасці – ненавіснага яму Д’ябла). Апрача таго, камічнае ўражанне ў чытача (слухача) выклікае насычанасць рэплікі дэмінітуўнымі формамі [8, с. 56-57].

Камічна афарбаваным з’яўляецца зварот Пакутніка да Селяніна: *А як жа, вьяльможны пан, перабіраць будзеш, трэба б было пакласці яе [дуду] на стале...* Вылучаны выраз успрымаецца як кантрасныў-алагізм: вядома, што Селянін – бедны, а вьяльможны пан – багаты.

Экспрэсіўна зніжаныя адзінкі. Такія адзінкі выклікаюць камізм, паколькі не адпавядаюць эстэтычным патрабаванням моўнай нормы. Гэта могуць быць:

а) лексемы: [Селянін:] *Смярдзюх! Пайшоў ты вон! Я без цябе з гэтым панічком разгаваруся*; [Селянін:] *Ідзі проч, смярдзюх! Я не выцерплю, калі табе ў морду дам, а што маўчаць без цябе патрафлю*. Тут ужыты зніжаныя экспрэсівы: *смярдзюх* – зневаж. ‘паганец’, *вон!* – зневаж. ‘прэч!’, *морда* – праст. груб. ‘твар’;

б) выразы-праклёны: [Селянін:] *Ох, каб вам скулле горла растачыла! Каб вас нех д’яблы пабралі за такое свядэцтва*. Насычаны камічны эффект ствараецца канцэнтраваным ужываннем праклёнаў: [Селянін:] *Крычы! Каб табе ражон у горла ўлез, каб табе скула горла растачыла!*

в) фразеалагізмы. У камедыі сустракаецца аказіянальны фразеалагізм: [Селянін:] *А гаварыць, да душы ж, не буду ані слоўца... так я і губу заткаю*. Фразеалагізм *губу заткаю* – праст. неадабр. ‘замаўчу’. Параўн. з узуальным устойлівым выразам *затыкаць* (заткнуць) *горла* (глотку) – праст. груб. ‘прымушаць замоўкнуць каго-н., не даваць гаварыць каму-н.’

Параўнанні. З камічным эфектам ужываецца параўнальная канструкцыя, дзе рэма выражана заонімам, з дапамогай якога даецца адмоўная ацэнка персанажу: [Селянін:] *А я як пачую – аж яна [жонка], упіўшыся, у карчме пад лаўкаю, як свіння, качаецца...*

Выклічнікі. Яны з’яўляюцца экспрэсіўным сродкам маўлення і выражаюць камічны эффект (у маўленні Д’ябла) пры канцэнтраваным ужыванні: *Але, а, а, а...; Але, а, а, а...* Рэплікі Д’ябла, якія складаюцца з адных выклічнікаў і часціцы *але*, успрымаюцца чуйным на слова селянінам Дзёмкам як пустаслоўе, пра што сведчыць яго рэпліка-ацэнка: *Ага, ту на цябе! Усё толькі кажаш: а, а...*

Комплекснае ўжыванне вербальных сродкаў камічнага. Такія сродкі ствараюць камічны эффект, калі з’яўляюцца адмоўна ацэначнымі або ўспрымаюцца як ненарматыўныя, напрыклад:

1. [Селянін:] *Аднак заклад датрымаць трэба, бо з д’яблам жартаваць не патрафлю*. Ашукаў жа ён мяне, каб то можна было, і закладу, да ён не адступіць. Вот бяда! Не а цяжкую то, праўда, рэч тут **ідзець**. Маўчаць, здаецца, **патрафлю**. <...> **Тагды** ж я сабе статку накупляю, пану, што вінен, аддам, і яшчэ на гарэлку, з малацьбы **ідзя**, напіцца застанецца. Арандатар **тагды** не **скажаць**, што не дам.

Ох, каб ён **тагды** сказаў, што не дам, то бы я яго ў **морду**, у **морду**, або адною рукою за **пэйсахі**, а другою паказаў бы грошы. (Размаўляючы, паказвае, як бы ён біў Яўрэя.) І суседзі **тагды** будуць мне кланяцца, калі **абачуюць**, што я багаты. А Герасім, хоць мой вялікі непрыяцель, аднак спадзяюся, што **будзець** кланяцца, каб я толькі яму на чынш грошы пазычыў. Ды нет! Не **вырвець**. З’есць чорта – не дам... Не дам, хоць бы і з’еў. Няхай розуму навучыцца. І д’ябла ўжо чорт **нясець**; трэба **губу затыкаць**. Ужо мусіць быць тая гадзіна. У рэпліцы Селяніна комплексна ўжыты: частковая іншамоўная ўкрапіна (паланізм *патрафлю* ‘змагу’ ў беларускамоўным напісанні), ненарматыўныя формы (умоўныя дыялектызмы) **ідзець**, **тагды**, **скажаць**, **абачуюць** (‘адчуоць’), **будзець**, **вырвець**, **нясець**, зніжаны экспрэсіў **морду**, няпоўная іншамоўная ўкрапіна **пэйсахі** (стараж.-яўр. ‘доўгія раскудлачаныя валасы’), фразеалагізм з неадабральнай канатацыяй **губу затыкаць** (праст. неадабр. ‘замаўкаць’).

2. [Селянін:] А пан, аднак, на тое не глядзіць, ды ўсё крычыць: “Заплаці, **з курвы сын!** Заплаці, **вужава кроў**, мужык!” **Ага ту, агу ту**, на цябе. Адам, Адам, як ты нас пагубіў! **Ох, каб то я, я, я...** Вербальныя сродкі камічнага – лаянкі выраз з **курвы сын**, азначна зніжаны зваротак **вужава кроў**, рэдуплікаты са значэннем ушчування, папроку **Ага ту, агу ту**, выраз **Ох, каб то я, я, я...**(спалучэнне выклічніка **ох**, часціц **каб**, **то**, трыплікаванага асабовага займенніка **я**).

3. [Селянін:] **Трэці раз за мной, пане д’ябле!** Ужо цяпер ані на хлопцаў, ані на панічоў уважаць не буду. Няхай яны сабе хочуць, так **робюць**. Хоць бы сабе і на **галаве хадзілі б**, то ані паўслаўца не скажу; а яны сабе хоць голавы няхай **круцюць**, я маўчаць буду, а ў духу смяяцца: **ха, ха, ха...** калі што смешнага **рабіць будуць**. А так я і **губу заткаю** і вочы завяжу. Камічны эффект дасягаецца ўжываннем “алагічнага” зваротка-кантрастыва **пане д’ябле** (**пане** – форма ветлівага звароту да асоб, якія належалі да прывілеяваных слаёў грамадства; **д’ябле** – форма клічнага склону назоўніка **д’ябал** ‘злы дух’), умоўных дыялектызмаў **робюць**, **круцюць**, трыплікаванага гукапераймальнага выклічніка **ха**, фразеалагізмаў з неадабральнай канатацыяй **на галаве хадзілі б** – ‘вельмі сваволілі б, дурэлі б’ і **губу заткаю** (‘замаўчу’).

4. [Селянін:] **Да ўжо ж папытаюся...** **Ох, ох**, забыўся, прападзі ты! **Эге, эге!** Якое ты, **панічок**, казаў рэчы? Вербальныя сродкі камічнага – канцэнтравана ўжытыя выклічнікі-рэдуплікаты **ох, ох, эге, эге**, зваротак-дэмінітыў **панічок** (у дачыненні да Д’ябла).

5. [Яўрэя (вырываецца і, уцякаючы, крычыць):] **Ой, ой, ой!** **Вэй мір, цорны год на табе!** У функцыі камічнага ўжываюцца трыплікаваны выклічнік **ой** і іншамоўныя ўкрапіны (частковая **вэй мір** і кантамінаваная **цорны**).

Заклучэнне

Такім чынам, для дасягнення камічнага эфекту ў п’есе выкарыстоўваюцца розныя вербальныя сродкі (найперш ідыялектныя клішэ, умоўныя дыялектызмы, іншамоўныя ўкрапіны). У рэалізацыі моўнымі сродкамі камічнай экспрэсіі важную ролю адыгрываюць актуалізатары, а ва ўзмацненні яе – інтэнсіфікатары.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры : вучэб. дапам. для філал. фак. выш. навуч. устаноў / склаў А.Ф. Коршунаў. – Мінск : ДВПП Міністэрства асветы БССР, 1959. – 473 с.
2. Беларуская дакастрычніцкая драматургія / [уклад., падрыхт. тэкстаў, уступ. артыкул і камент. Лаўшук; рэд. Ю.С. Пшыркоў]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1978. – 536 с.

3. Хрэстаматыя па гісторыі беларускага тэатра і драматургіі : у 3 т. / Бел. ун-т культуры; / укладанне, рэдакцыя тэкстаў, уступныя артыкулы і каментарыі А.В. Сабалеўскага. – 2-е выд., пашыран. і ўдаклад. – Мінск : Беларуская навука, 1997. – Т. 1 : Ад вытокаў – да пачатку XX стагоддзя. – 444 с.
4. **Лаўшук, С.С.** Гарызонты беларускай драматургіі / С.С. Лаўшук. – Мінск : Беларуская навука, 2010. – 412 с.
5. **Усікаў, Я.** Беларуская камедыя: (ля вытокаў жанру) / Я. Усікаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1964. – 199 с.
6. **Лепешаў, І.Я.** Лінгвістычны аналіз літаратурнага твора : у 2 ч. / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Народная асвета, 1981. – Ч. 1. – 159 с.
7. **Жураўскі, А.І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы / А.І. Жураўскі ; рэд. М.Р. Суднік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – Т. 1. – 372 с.
8. **Рагаўцоў, В.І.** Канцэнтрацыя вербальных сродкаў – як адзін з універсальных спосабаў выражэння камічнага / В.І. Рагаўцоў // Избранные труды ученых МГУ им. А.А. Кулешова; под ред. М.И. Вишневого. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – С. 54–61.

Паступіў у рэдакцыю 29.09.2010 г.

УДК 811.133.1'36

Е.Н. ГРУШЕЦКАЯ

О НАСТОЯЩЕМ ВРЕМЕНИ СУБЪЕКТА РЕЧИ

Статья посвящена актуальным проблемам коммуникативной грамматики, в частности роли субъекта речи в формировании грамматических значений 'временности' и 'все-временности' настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке. Момент речи интерпретируется как время речи субъекта. В зависимости от того, производит ли субъект в момент своей речи действие (речевое, физическое) или передает знания, определяются его роли: говорящий, наблюдатель, сообщающий.

Субъект речи, являясь производителем текста, использует форму настоящего времени с определенным грамматическим значением в той или иной прагматической функции в зависимости от своих интенций и цели текста.

Введение

Обращение к таким глобальным проблемам, как “Действительность и язык”, “Язык и человек”, привлечение к лингвистическим исследованиям данных других наук (философии, психологии, естествознания, литературоведения и т.д.) позволяет по-новому интерпретировать, казалось бы, основательно изученные и эксплицированные явления и факты языка, к которым, безусловно, относится грамматическая категория времени глагола во французском языке и настоящее время в частности.

В связи с поворотом парадигмы знаний к антропоцентризму и эгоцентризму в лингвистике исследуется человек как носитель языка, как посредник между языком и экстралингвистической действительностью.

Человек способен производить индивидуальный акт речи, порождать высказывание, обобщаться и формировать концепт “субъект речи”. Субъект речи создает свое временное пространство, соотносимое с параметрами “здесь” и “теперь” и в силу постоянной повторяемости и актуальности определяемое французским лингвистом Э. Бенвенистом как “вечное настоящее” («éternellement “présent”» [1, p. 262-263]).

Основная часть

Основным лингвистическим средством выражения актуального настоящего субъекта речи является грамматическая форма настоящего времени изъявительного наклонения, которая во французском языке отличается немаркированностью, омофоничностью и в парадигме спряжения оказывается зависимой от лица, выполняющего одну из коммуникативных ролей: *Je* – говорящий, *Tu* – слушающий, *Il* – субъект/объект, о котором говорят, что предопределяет субъективную сущность настоящего времени и – а priori – функциональную зависимость от субъекта речи.

Субъект речи является производителем как устного, так и письменного высказывания/текста и употребляет лексические и грамматические средства в соответствии со своими целями и интенциями. В связи с этим теоретически и практически важными задачами являются выявление и экспликация лингвистической природы настоящего времени субъекта речи, которое используется как грамматическое время или прагматическое средство организации высказывания и текста.

Исследованию семантики настоящего времени посвящена практически неозримая литература. Тем не менее, остаются дискуссионные вопросы и, в первую очередь, проблема основополагающего понятия *момент речи*. Опираясь на теорию времени Г. Гийома [2], нашедшую продолжение в трудах А. Жакоба [3], на данные о реальном времени, следует сделать вывод о том, что момент речи имеет экстралингвистические и лингвистические параметры. Момент есть мгновение, через которое как внеязыковую сущность субъект речи “включается” в бесконечную временную протяженность, а также время, в течение которого производится высказывание/акт речи и которое поддается измерению. Таким образом, *момент речи* – понятие, отражающее синхронность реального времени и времени речи субъекта.

В момент речи субъект может сам производить действие (речевое или физическое), наблюдать и комментировать действия третьего лица или сообщать о своих знаниях. Отсюда и роли субъекта речи: говорящий, наблюдатель, сообщающий.

Парадигматический статус настоящего времени изъявительного наклонения раскрывается в оппозиции ‘временности’, ограниченной непосредственной связью с физическим моментом речи настоящего и ‘всевременности’, характеризующейся разрывом с моментом речи.

Под ‘временностью’ понимается значение, соотносящееся с хронометрическим временем, совмещенность момента физического времени действия и момента речи как конкретного периода определенной протяженности. Время действия, синхронное времени протяженности речи, передается прежде всего перформативным высказыванием, поскольку перформативные глаголы «по определению являются глаголами “мгновенного действия”» [4, с. 145].

Время речевого действия не просто синхронно периоду его произнесения: это единый момент действия и речи. Перформативным высказываниям свойственна аутореферентность, так как их референтом является речевое действие самого субъекта/говорящего.

Замена первого лица на второе или третье превращает перформативное аутореферентное высказывание в комментарий наблюдателем реализуемых на его глазах действий другого лица. Длительность комментария, например прямого репортажа о футбольном матче, равна временному периоду следующих друг за другом точечных действий.

Перформативное и комментирующее высказывания реализуют прямую референцию к конкретному отрезку времени действия, длительность которого поддается измерению (например, *минута* одноактного речевого действия, *девятью минут* прямого репортажа о футбольном матче или, например, *два часа* прямого репортажа с места событий).

‘Всевременность’ характеризуется расхождением действия и момента речи, абстрагированностью от временной протяженности, что ведет к потере значения ‘временности’ и параметра “говорящий/наблюдатель”. Действие реализуется вне физического временного и локального пространства субъекта речи. Переход из области физического (активного) восприятия действительности в область ее постижения сознанием сопровождается изменением роли субъекта речи: он дает информацию об известных ему фактах как своих знаниях в роли сообщающего.

‘Временность’ передается значениями настоящего интенсивного/точечного/актуального и объединяется общим значением настоящего времени речи субъекта; ‘всевременность’ – в значениях настоящего обычного/ постоянного/ невременного/вневременного: форма с этими значениями референтна не к действию/ситуации, а к известному факту. ‘Всевременность’, имеющая в своей основе знания субъекта речи, квалифицируется как ‘когнитивно-эпистемическое’ значение.

Важным параметром в определении семантики настоящего времени является активность/неактивность субъекта речи, что предопределяет субъективность употребления грамматических значений настоящего времени изъявительного наклонения. В соответствии с этим параметром исходным значением грамматической категории времени во французском языке становится настоящее интенсивное, которое содержит семантический компонент “активный субъект речи” и ограничивается синхронностью времени речи и действия субъекта.

Комплексное исследование семантики настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке в рамках когнитивно-дискурсивного подхода послужило основой для выявления и экспликации целевого использования формы настоящего времени субъектом речи/производителем текста того или иного типа, т.е. прагматических функций формы настоящего времени.

Дифференцирующим критерием типологии избранных текстов является роль производителя текста, а также его коммуникативная обращенность к общечеловеческому или личному опыту. Производитель текста выполняет различные роли: говорящий – в диалогическом тексте, наблюдатель – в репродуктивном тексте, сообщающий – в историографическом, художественно-историческом текстах, в информативном (научно-теоретическом и экспликативном) и тексте художественного вымысла. Особое место занимает эгоцентрический текст, в котором субъект воспоминания может выполнять роль и говорящего, и наблюдателя, и сообщающего.

В диалогическом тексте форма настоящего интенсивного становится одним из показателей эмоциональности реплик/реакций говорящих/персонажей и используется в прагматической функции настоящего *эмотивного*; в репродуктивном тексте-комментарии при перечислении действий другого лица эмоциональность исключается: наблюдатель использует форму настоящего точечного или актуального в прагматической функции настоящего *сценического*; в репродуктивном тексте-описании при употреблении настоящего актуального в прагматической функции настоящего *дескриптивного* изображаемая картина оживает, показывается в динамике.

Информативному тексту, предназначенному для передачи фактических сведений, предписаний, указаний, присуща наибольшая степень нейтральности, что подтверждается отсутствием местоимения первого лица: сообщающий отстраняется от передаваемых им сведений. В тексте данного типа форма сказуемых реализует грамматические значения настоящего постоянного/невременного/вневременного и выполняет прагматическую функцию настоящего *автономного* (*PR d'autonomie*) [5, р. 59]. Цель текста – констатировать стабильность положения дел и независимость от отношения к нему сообщающего.

В экспликативном тексте, целевая установка которого заключается в анализе того или иного явления, объяснении его сущности, последствий, сообщающий более активен: он сам вовлекается в процесс экспликации и вовлекает в него читателя. Прагматическая функция формы настоящего постоянного – настоящее имплицативное (“*PR d'implication*” [5, р. 59]), целевое назначение которого – вовлечь/включить адресата в процесс познания в момент чтения.

В историографическом/документальном тексте при передаче информации о реальных событиях, действительно имевших место в прошлом человечества, сообщающий (историк) использует форму настоящего времени в прагматической функции настоящего исторического; в художественно-историческом тексте в художественном вымысле – в прагматической функции настоящего изобразительного. Сообщающий тем самым стремится интенсифицировать истинность исторического факта или наглядно, как если бы на глазах, представить “живописную картинку” читателю.

В художественном тексте форма настоящего времени (значение настоящего вневременного) может использоваться в прагматической функции настоящего *афористического* с целью выделить суждение Другого (авторское слово, слово персонажа).

В эгоцентрическом (автобиографическом) тексте сообщающий воспроизводит памятные для него события или факты. Процесс воспоминания охватывает самые разные картины прошлого: обыденные действия, сильные личные переживания, мысли, обобщения, связанные с оценкой того, что было в прошлом.

В момент воспроизводства своего прошлого сообщающий передает слово субъекту воспоминания/персонажу (говорящему или наблюдателю), что сопровождается транспозицией формы со значением настоящего времени речи субъекта в форму настоящего времени внутренней речи. Грамматическая форма настоящего времени выполняет в эгоцентрических текстах различные прагматические функции. Форма настоящего обычного используется в функции настоящего *общей истины*, выделяет наиболее значимые для сообщающего факты, хранящиеся в его памяти и доступные памяти читателя. Для эгоцентрического текста, передающего эмоциональное воспоминание, свойственна прагматическая функция настоящего *эмотивного*.

Заключение

Таким образом, мы предлагаем комплексный подход к определению семантики настоящего времени, при котором учитываются:

- 1) синхронность/несинхронность действия/ситуации к моменту речи как интервалу реального физического времени;
- 2) аутореферентность/референтность личной формы сказуемого в высказывании (речевое или физическое действие);

3) источник информации субъекта речи: непосредственный личный/чужой опыт; общее знание известного/реального факта; умозаключение – результат личного/чужого опыта;

4) роль субъекта речи: Я – говорящий/действующий здесь и теперь; Я – наблюдатель, комментирующий действия/события в обозримом пространстве; Я – сообщающий, информирующий о знании факта.

Форма настоящего времени изъявительного наклонения во французском языке активно используется не только в своем грамматическом значении времени, но и в прагматической функции, выполняя коммуникативные установки субъекта речи – производителя высказывания/текста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Benveniste, E.** Problèmes de linguistique générale, 1 / E. Benveniste. – Paris : Éd. Gallimard, 1966. – 356 p.
2. **Guillaume, G.** Temps et verbe. Théorie des aspects des modes et des temps / G. Guillaume. – Paris, 1968. – 200 p.
3. **Jacob, A.** Temps et langages. Essai sur les structures du sujet parlant / A. Jacob. – Paris : Armand Colin Éd., 1992. – 411 p.
4. Межкатегориальные связи в грамматике / А.В. Бондарко [и др.] ; под ред. А.В. Бондарко. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 231 с.
5. **Besson, M.-J.** Les valeurs du présent dans le discours explicatif / M.-J. Besson // Langue française: Temps et discours: études de psychologie du langage / [prés. et éd.] J.P. Bronckart. – Paris : Larousse, 1993. – № 97. – P. 44–59.

Поступила в редакцию 20.01.2010 г.

УДК 81'373.611:811.161.1

Л.М. НАДУМОВИЧ

ОБРАЗОВАНИЯ С НАЧАЛЬНЫМ **ВЕЛИК(О)-** В ИСТОРИИ РУССКОГО И БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКОВ

*Дается синхронно-диахроническое описание слов с начальным **велик(о)-** с точки зрения их семантики, словообразовательной структуры и происхождения в истории русского и белорусского языков. Для указанной группы слов русского и белорусского языков XI – XVII вв. характерна двухкомпонентная основа. Установлено, что на протяжении XI – XVII вв. композиты русского и белорусского языков не имели значительных отличий. В обоих языках продуктивными были большей частью одни и те же словообразовательные типы.*

Введение

В современной лингвистической литературе до последнего времени нет общепризнанного определения сложного слова. Лингвисты характеризовали его с учетом разных критериев: формальных, исключительно семантических или же функциональных [1, с. 15-16]. В данном исследовании мы будем придерживаться точки зрения, согласно которой сложное слово можно квалифицировать как лексему, формально и семантически мотивированную двумя (или более) самостоятельными словами и обладающую единством грамматического оформления

[1, с. 40]. В соответствии с указанным определением по способу образования выделяются следующие категории сложных слов: *сложения, сложносуффиксальные слова, сращения и суффиксальные сращения.*

Сложениями называются дериваты, образованные путем сложения двух знаменательных слов при помощи соединительного гласного или (реже) без соединительного гласного; при этом одно из них (1-й компонент) выступает в виде чистой основы, а другое (2-й компонент) – в виде самостоятельного слова: *дущеспаситель, вельгласный, богоизбранный* и т.д.

Сложносуффиксальными являются слова, образованные в результате одновременного действия словосложения и суффиксации: *правдодѣльство, златоперый, благовѣстити* и др.

Сращения представляют собой лексикализованные словосочетания: *присноживый, длѣготръпѣти* и др.

Суффиксальными сращениями называются слова, образованные путем одновременного действия сращения и суффиксации: *многострадалецъ, борзоходный* и др. [1, с. 41-42].

Целью данной статьи является синхронно-диахроническое описание слов с начальным *велик(о)-* с точки зрения их семантики, словообразовательной структуры и происхождения в истории русского и белорусского языков.

Основная часть

Материалом для анализа послужили образования со сложной основой всех частей речи с начальным *велик(о)-*, представленные в словарях общеславянско-славянского, старорусского и старобелорусского языков, а также современных русского и белорусского языков: “Словарь древнерусского языка” (Срезн.), “Словарь русского языка XI – XVII вв.” (СлРЯ XI – XVII), “Гістарычны слоўнік беларускай мовы” (ГСБМ), “Словарь современного русского литературного языка” (СлСРЛЯ), “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” (ТСБМ) и др. В СлРЯ XI – XVII зафиксировано 52 слова с начальным *велик(о)-*, в ГСБМ – 31, в СлСРЛЯ – 23, в ТСБМ – 7. Вышеуказанные словари различаются отбором источников и отражением лексики памятников письменности, поэтому обращение к ним позволяет более точно установить системные отношения между его членами. Например, только в СлРЯ XI – XVII зафиксированы слова *великомыслити* ‘проявлять смышленость, хитроумие’ (ВМЧ, Окт. 4-18. XVI в.), *великомышленный* ‘умный, смышленный, хитрый’ (Козм. 364. 1670 г.), а слово *великосъмысленный* ‘умный, смышленный, благородный’ (Гр.Наз., XI в. 331) отражено только в Словаре древнерусского языка И.И. Срезневского. На основании формально-семантической соотносительности этих слов определяются отношения производности: *великосъмысленный* → *велико(с)мыслити*.

Морфема *велик(о)-* (<*velikъ-) восходит к общеславянскому прилагательному *velikъ, которое имеет соответствия во многих славянских языках. Ср.: др.-русс., ст.-слав. *великъ*, укр. *великий*, бел. *вялікі*, болг. *велик*, сербохорв. *велики*, словен. *vélik*, чеш. *veliký*, словц. *veliký, vel'kú*, польск. *wielki*, в.-луж. *wulki* и др. [2, с. 289]. В свою очередь, *великъ* образовано с помощью вторичного суффикса “прилагательности” *-ик-* от *вель* – ‘большой’ (ср. др.-русс. *вель, велий* – ‘большой’) [3, с. 73].

Источником деривации конкретного сложного слова может быть определенная синтаксическая конструкция, возможность свертывания которой в сложное слово обусловлена существованием определенной модели сложных слов, являющейся обобщенной, типизированной формулой выражения экстралингвистичес-

ких отношений, представленных в этой конструкции. Однако некоторые композиты, где *велик(о)-* усиливает значение положительного признака, названного опорным компонентом, образовались по аналогии: *великобогатый, великовеличавый, великодаровитый* и др.

В ходе исследования структуры и семантики дериватов с начальным *велик(о)-*, зафиксированных в исторических словарях русского и белорусского языков, имеющих сложную основу, нами установлено 17 схематичных моделей:

2 для сложений:

1) прил.+прил.: *великобогатый, великовеличавый, великодаровитый, великоименитый, великолѣпотный, великоможный, великомудрый, великосильный, великосредний* (СлРЯ XI – XVII); *великоважный, великозацный, великозначный, великозычливый, великоласкавый, великолепный, великомилосердный, великомилостивый, великомилый, великонабожный, великопотребный, великосличный* (ГСБМ);

2) прил.+сущ.: *великодень ‘Пасха’, великомученик, великомученица, великородство, великохитрость* (СлРЯ XI – XVII); *великдень (великодень, велицедень), велканоч ‘Пасха’, великогорожанин, великоновгорожанин, великомученик, великомученица, великородство, великополянин* (ГСБМ).

9 для сложносуффиксальных слов:

1) прил.+сущ.+-(ь)н: *великобременный, великовозрастный, великоглавный, великогласный, великодержавный, великодушный, великозвучный, великокрыльный, великообразный, великохвальный, великопрестольный, великоприходный, великородный, великославный, великоумный, великочестный, великочинный* (СлРЯ XI – XVII); *великомыслный (великомысленный) ‘очень мудрый’, великославный, великоугольный ‘многоугольный’* (ГСБМ);

2) прил.+сущ.+ -Ø- (нулевой суффикс): *великоглавый, великогласый, великогорбый, великоребрый* (СлРЯ XI – XVII);

3) прил.+сущ.+-(ь)ство: *великоимѣство, великоумство* (СлРЯ XI – XVII);

4) прил.+сущ.+ -ыц(-ец): *великодарець, великорядець* (СлРЯ XI – XVII);

5) прил.+сущ.+ -ѣ-: *великодержавие, великодушие, великоимѣние, великоление, великоумие, великочестие* (СлРЯ XI – XVII); *великолесье* (ГСБМ);

6) прил.+сущ.+ -и-: *великомыслити* (СлРЯ XI – XVII);

7) прил.+сущ.+ -ск-: *великороссийский* (СлРЯ XI – XVII);

8) глаг.+ -Ø-: *великомудрый* (от *великомудровати*) (СлРЯ XI – XVII);

9) прил.+ -и-: *велико(с)мыслити* (от *великосмысленный*) (СлРЯ XI – XVII).

1 для сращений:

великдень (ГСБМ).

1 для суффиксальных сращений:

нареч.+глаг.+(т)(ь)н: *великолитный ‘многоводный’* (СлРЯ XI – XVII).

4 для производнословных слов:

1) сложн. сущ. +-(ь)н-: *великоденный, великоденное* (субстантивированное прил.) ‘сбор в пользу духовенства и должностных лиц во время праздника Пасхи’ (СлРЯ XI – XVII); *великоденный (великодный), великоденное* (субстантивированное прил.), *великоноцный (вельконоцный, вельконочный)* (ГСБМ);

2) сложн. сущ.+ -овати: *великодновати* (ГСБМ);

3) сложн. прил.+ -ѣ-: *великочестие* (титулование лиц высокого сана) (СлРЯ XI – XVII); *великоможие (великоможность)* (ГСБМ);

4) сложн. прил.+ -е-: *великорозмысльне* (нареч.) ‘очень обдуманно’ (ГСБМ).

Не для всех сложных слов можно отыскать в языке некий прообраз в виде какой-либо синтаксической конструкции. Часть композитов возникла в языке по аналогии, например, *великобогатый, великодушный, великозвучный*. Значение подобных компонентов близко значению наречий на *-о(-е)*. Но такие структуры нельзя интерпретировать как сращения. Они создавались сразу по древним моделям.

Прилагательные с суффиксами *-(ь)н(-енн-, -ен-, -евн-), -ив- (-лив-), -ат-, -о-* могли образовывать ряды словообразовательных синонимов: *великоглавный – великоглавый; великогласный – великогласый; великодушный – великодушный; великокрылатый – великокрыльный*. Отмечаются случаи, когда сложные прилагательные при тождестве компонентов и синонимичности словообразовательных суффиксов имеют различные лексические значения: *высокомысленный* ‘полный высоких мыслей, возвышенный’ (Лавр. лет., 213) и *высокомысливый* ‘надменный, заносчивый’ (Подлинник ик., 4). Такие прилагательные не относятся к категории словообразовательных синонимов.

В структурно-семантическом отношении интерес представляет слово *великороссийский*, зафиксированное в памятниках старорусской письменности в следующих значениях: 1. ‘Относящийся ко всему русскому (российскому) государству’: Писаль онъ же, живописецъ Богданъ Салтановъ, въ книгу “Василиэлегионъ” персоны асирійскихъ, перскихъ, греческихъ, римскихъ царей, и великороссийскихъ великихъ государей царей. ДАИ VI, 197.1674 г. 2. ‘Относящийся к основной части русского государства (не украинский, не белорусский)’: Чинит по своему рассмотръню, смотря на настоящее дѣло, какъ бы въ дѣлѣ Божии и великаго государя было къ прибыли великороссийскимъ и малороссийскимъ городомъ къ охранению. Кн. Зап. Моск. ст. IV, 461. 1679 г. В современном русском языке слово *великороссийский* является устаревшим, в белорусском языке утрачено. Лексема же *великорусы* как название русских (в отличие от белорусов и украинцев), имевшее распространение в литературе с середины XIX в., употребляется в современных русском и белорусском языках без особых помет.

В памятниках старорусской письменности упоминается также слово *Великороссія* как старое название Великой России (например, в XVI – XVII вв. у Котошихина). Это обозначение введено константинопольским патриаршеством для отличия от *Μικρὰ Ρωσσία* ‘Малая Россия’¹ [2, с. 289].

Заключение

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы. На протяжении XI – XVII вв. композиты русского и белорусского языков не имели значительных отличий. Для слов с начальным *велик(о)-* русского и белорусского языков XI – XVII вв. характерна двухкомпонентная основа, лишь единичное старобелорусское слово *великомилосердный* ‘очень милосердный’ имеет трехкомпонентную основу. В отношении лексических особенностей отметим следующее: в старобелорусском языке появляются единицы, которые имеют черты, позволяющие отнести их к собственно белорусской лексике, например, *великозычливый* ‘доброжелательный’, *великомовячий* ‘злоречивый’, *великоможный*

¹ Малороссия – старое название Украины, Малая Россия. Слитная форма *Малороссия* вторичная (от *малоросс, малороссийский*). Первоначально это была калька с греческого *Μικρὰ Ρωσσία*, которое сложилось в канцелярии константинопольских патриархов для различения *Μεγάλη Ρωσσία* от ‘Московское государство’ [4, с. 564].

‘могущественный’, *великопотребный* ‘очень нужный’ и др. Кроме того, в анализируемой группе слов старобелорусского языка встречаются полонизмы *великозацный* ‘уважаемый’, *великооцный* ‘пасхальный’, *великосличный* ‘очень красивый, привлекательный’ и др., что было обусловлено функционированием старобелорусского и старопольского языков в пределах одного государственного объединения в период XVI – XVII вв.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Низаметдинова, Н.Х.** Словообразование сложных слов в русском языке XI – XVII вв. : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Н.Х. Низаметдинова. – М. : РГБ, 2003. – 764 с.
2. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 5 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 1. – 573 с.
3. **Шанский, Н.М.** Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская ; под ред. С.Г. Бархударова. – М. : Просвещение, 1975. – 542 с.
4. **Фасмер, М.** Этимологический словарь русского языка : в 5 т. / М. Фасмер. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
5. Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982 – 2001. – Вып. 1–20.
6. Словарь русского языка XI – XVII вв. / Рос. акад. наук, Ин-т русск. яз. им. В.В. Виноградова ; гл. ред. Г.А. Богатова. – М. : Наука, 1975 – 2000. – Вып. 1–24.
7. Словарь современного русского литературного языка : в 20 т. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 2. – 960 с.
8. **Срезневский, И.И.** Словарь древнерусского языка : в 3 т. / И.И. Срезневский. – Т. 1–3. – М. : Книга, 1989.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка і М.Н. Крыўко. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 1996. – 784 с.

Поступила в редакцию 25.02.2011 г.

УДК 811.162.1'282.4(476)

О.Н. КОРСАК

НЕКОТОРЫЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЕВЕРНОГО ПЕРИФЕРИЙНОГО ПОЛЬСКОГО ДИАЛЕКТА XVIII в. (на материале польскоязычных завещаний, составленных на белорусских землях)

Показаны некоторые результаты многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия в морфологии северного периферийного польского диалекта XVIII в.; названы причины морфологической интерференции в изучаемом диалекте. Представлены примеры белорусского влияния, которое проявилось в поддержке архаических польских форм, употреблении форм, характерных только для белорусского языка, появлении гиперкорректных форм и инноваций.

Введение

Исследуемый нами северный периферийный диалект – это результат многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия, которое до интересующего нас периода (XVIII в.) продолжалось уже четыре века. Многолетний контакт близкородственных языков не мог остаться без последствий: такое вза-

имодействие привело к формированию особого регионального варианта польского языка, используемого высшими слоями общества. Этот вариант в русско- и белорусскоязычной научной литературе называется формулировкой *северный периферийный польский диалект*, польские лингвисты используют термины *polszczyzna kresowa, dialekt północnokresowy*. Для названного диалекта характерны черты, свойственные развитию польского и белорусского языков, а также специфические особенности, сформировавшиеся в пределах самого диалекта (например, среди фонетических: деназализация *a* на конце слова), в том числе различные гиперкорректные формы. (Подробнее о терминологии см. работы З. Курцовой [1, с. 62-64], В. Веренича [2; 3]. Подробнее о языковой ситуации в Великом Княжестве Литовском см. исследования А.И. Журавского [4, с. 4; 5, с. 31-34], З. Курцовой [1, с. 17-43], В. Свежинского [6, с. 58-66]).

Материалом для нашего исследования послужили тексты польскоязычных завещаний из брестских и гродненских актовых книг XVIII в. [7], хранящихся в Национальном историческом архиве Беларуси (г. Минск).

Целью статьи является анализ морфологических особенностей северного периферийного польского диалекта и определение, как многовековое взаимодействие языков повлияло на их формирование.

Основная часть

У. Вайнрайх и Э. Хауген в своих работах доказывают, что в условиях языковых контактов взаимодействие между языками происходит не только в области лексики, но и на уровне фонетики и грамматики [8; 9].

У. Вайнрайх отмечает, что “грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам элементов языка C, что ведет к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S” [8, с. 36]. Жлуктенко предлагает считать грамматической интерференцией “все изменения в грамматических формах, моделях, отношениях и функциях, совершающиеся в данном языке вследствие языкового контакта” [10, с. 103]. Иначе говоря, если речь идет о морфологии, то причина морфологической интерференции в отождествлении в сознании двуязычного носителя морфологических категорий одного языка с морфологическими категориями другого, а также в отождествлении способов их выражения.

Прежде всего, нас интересует *белорусское* влияние в морфологической системе северного периферийного польского диалекта. К такому влиянию относим поддержку архаических черт в развитии морфологических форм, интерференцию со стороны белорусских форм, а также инновации как результат собственного развития периферийного диалекта. Польско-белорусскому языковому взаимодействию способствуют близкие системы языков, близкая история развития грамматических категорий, общий пласт лексики, словообразовательных морфем.

Говорящий на двух близкородственных языках не всегда может проконтролировать выбор лексемы или грамматической формы, то есть не всегда можно говорить об осознанном контроле над выбором форм. В такой ситуации не исключены случаи привнесения элементов одного языка в другой, степень такого привнесения для каждого уровня языка имеет свои особенности. Частое перене-

сение номинации из одного языка в другой наиболее характерно для лексики. Если говорящий на двух языках отождествляет лексемы одного языка с лексемами другого, то он также переносит на них схемы взаимодействия и согласования, парадигмы словоизменения.

Среди причин интерференции, в том числе в области морфологии, можно назвать следующие: степень владения языком, какие сферы жизни он обслуживает (то есть если человек использует в жизни два языка для разных сфер общения, а не один, то вероятность интерференции возрастает). Определенную роль играет также престиж языка: стремление правильно говорить может порождать ошибки – гиперправильные формы. Немаловажно географическое положение языков: близкородственные соседствующие языки более подвержены взаимному влиянию.

Кроме того, не последнюю роль в возникновении интерференции играют и расхождения в грамматических структурах данных языков. Результаты взаимодействия языков проявляются чаще всего именно там, где их структуры не совпадают: например, в периферийном диалекте это лично-мужские формы, формы глаголов прошедшего времени. Но такие отклонения от нормы не влияют на взаимопонимание говорящих.

Близкородственные языки вовлекаются в более или менее сходные исторические процессы, которые имеют определенные результаты в соответствии с внутренней логикой развития каждого из языков. Если результаты процессов одинаковы или очень близки, то это не вызывает трудностей и существенных искажений при переходе с одного языка на другой у двуязычного носителя. Если результаты различны, то тогда может сработать эффект подстановки: используется форма родного языка, та форма, которая быстрее выдается подсознанием. Однако в развитии близкородственных языков одни и те же процессы приводят к тому, что в одном языке присутствует результат процесса в качестве грамматической категории или специфического выражения определенного грамматического значения, а во втором языке нет такого результата ($\emptyset$). В этом случае двуязычный носитель часто не использует форм, не существующих в родном языке. (В исследуемом случае трудно сказать, какой из языков – польский или белорусский – был для говорящих родным, но вероятнее всего предположить, что им известны были два языка: более престижный в то время польский для общения в обществе, составления документов, а белорусский как язык общения с крестьянами). Попытка правильного использования форм может иметь место, и в таком случае возможны “пропуски” каких-то форм – так называемое “непоследовательное употребление”. Результатом стремления к правильности речи являются также различные сверхправильные формы, инновационные процессы. При длительном постоянном двуязычии возникают абсолютно новые формы и употребления, свойственные в исследуемом случае только северному периферийному польскому диалекту, которые развиваются уже в соответствии с его собственной внутренней логикой. При длительном двуязычии все искажения и подстановки могут приобретать регулярный характер и уже не осознаваться как “неправильность”.

Рассмотрим несколько примеров.

К архаическим чертам исследователи северного периферийного польского диалекта относят *отсутствие стабилизации окончаний существительных дательного падежа мужского рода единственного числа -u, -owi*. В течение XVI – XVII вв. происходит стабилизация употребления окончаний *-u, -owi* в системе склонения

существительных мужского рода [11, с. 300]. В исследуемых текстах мы видим некоторую непоследовательность в использовании окончаний *-owi*, *-u*. Такое явление можно рассматривать и как архаизм, и как результат влияния белорусских схем склонения. В белорусском языке в XIV – XVII вв. в дательном падеже существительных мужского рода наряду с окончанием *-у* (*-ю*) также было распространено окончание *-ови* (*-ви*), которое впоследствии вышло из употребления. Остатки такой формы сохранились только в южно-западных говорах (Брестская область) [12, с. 106]. В анализируемом материале много правильных форм дательного падежа, но, например, часто повторяющиеся формы типа *synowi* можно квалифицировать как гиперправильные, так как форма с окончанием *u* могла казаться говорящим по-польски неверной.

Złotych osm Jmci Dobrodzieju naszemu Plebanu; złotych dwa Jmu Dobrodzieju Prezbiterowi Jezierskiemu; Zięciowi naszemu miętemu Jmci Panu Franciszkowi Eysymontowi; mieć chęć drugą zaś połowę wolną swobodną Jozefowi Kazimierzowi Leszczynskiemu Synowi mojemu jako Sukcessorowi naturalnemu Dobr wasytykch zapisuję; protekcją mięty malżące y Synowi daną Suplikuję; za ktore dalem Imc Panu Stefanowi Szweykowskiemu; synowi memu zapisuje wszelki sprżatt; Imci Xiędzu zas Swiatołowiczowi memu Patrochowi y Plebanowi a Loco locandi corporis leguie złotych Piędziesiąt; Za opiekunow pomienionemu Synowi memu Wincentemu; Chłopcowi Romanowi Ktoren zgodził się zemno rocznie Służyc.

К подобным чертам также можно отнести выражение категории одушевленности у существительных среднего рода и женского рода во множественном числе, а также мужского рода, не называющих лицо мужского пола. Винительный падеж множественного числа неличных существительных в примерах из текстов завещаний равен родительному падежу: *z którą Sptodziętem miętych dziątek naszych; Zegnam miętych Siostr y Bracię moią; Zegnam was miętych dziątek moich; mięte corki moie, ktorych zostawuie w Panienskim stanie; zegnaięc tak dzieci moich miętych. upraszam azeby pamiętna była nad Duszą moią także y Dziełek moich miętych upraszam aby pamiętni byli; Supplementował Dzieciom na Szkoły aplikacye Ich do Publiki; aby na Dziatki moie Pamientali krzywdzic Onych nikomu nie dopuszczali.*

Категория одушевленности/неодушевленности в текстах отражается непоследовательно. В северном периферийном польском диалекте развитие форм винительного падежа множественного числа, равного родительному падежу множественного числа, шло под влиянием белорусского языка, поэтому имело свои особенности. В белорусском языке родительный падеж, равный винительному во множественном числе, является выражением категории одушевленности и охватывает не только существительные мужского, но и женского рода. Ранние примеры употребления род.=вин. падежа у одушевленных существительных мужского пола встречаются в памятниках XV – XVI вв. Такие формы у существительных женского рода фиксируются с XVI в., а у названий животных – с XVII в. [12, с. 95]. При условии двуязычия и общей в обоих языках тенденции развития белорусское влияние заключается в распространении форм род.=вин. падежа во множественном числе у нелично-мужских существительных. То же касается и употребления местоимений *ich, je* [13].

Отсутствие в исследуемых текстах согласованности между лично-мужскими формами существительного и нелично-мужскими его определениями можно объяснить как периферийностью северного польского диалекта, так и отсутствием лично-мужской категории в белорусском языке, с которой диалект был в постоянном контакте. Поэтому очевидна возможность колебания в выражении

данной категории: *tym sie powinni Ojcowie Czerwaczyckie kontentowac; Czym tez pozostate krewni moie Ich mw v kontentowac mogo*. Это также проявляется в согласовании существительных с глагольными формами прошедшего времени: *y Dziatek moich miłych upraszam aby pamiętni byli na mszy Święte podług moznosci dali*. Здесь мы видим обратную ситуацию: с нелично-мужским существительным употреблена форма глагола на **-li**.

Морфонологического чередования **x // c'**, характерного для белорусского языка, в польском языке нет. Нами обнаружен интересный пример такого чередования в имени собственном в одном из текстов (завещание Блоцкого). Вероятно, это имя было хорошо известно завещателю, поэтому он произнес его во время составления документа так, как привык слышать и произносить. Вероятнее всего предположить, что писарь, записывающий завещание под диктовку, просто не понял значения слова (имени) либо не знал, как его правильно записать. Мы склоняемся к первому предположению, так как видно, что имя записано так, как должен быть записан возвратный глагол: *obrus co iest w Jp Zadernowskiey duzy Tkacki w kostke ten się Jeymci powinien zostac Cietuszek Trzy Starszą Zayczy się Drugą Petrukowi Kubiasiowi Trzecio Wasylowi Słobockiemu Poddanym moim*. Это белорусское имя *Зайчыха*, дательный падеж – *Зайчысе* (жена человека по фамилии или по прозвищу Заяц).

Интересной особенностью является удвоение личных окончаний глаголов в прошедшем времени 1-го лица единственного числа, отсутствие такого окончания. Подвижные личные окончания существуют в польском языке с XV в. [14, с. 153]. Представленный нами первый пример является гиперкорректным на фоне отсутствия подобных окончаний в белорусском языке. Пишущий в соответствии с требованиями польской грамматики “прикрепляет” подвижное окончание к местоимению перед глаголом, но, дойдя до глагола, добавляет еще одно окончание, потому что снова работает правило: у глагола должно быть личное окончание. Второй пример формально похож на предыдущий: конечное **m** местоимения **ktorom** – результат разложения носового на **om** перед **b**. Последние два примера формально похожи на правильные формы: у местоимений **wczym** и **ktorym** присутствует конечное **-m**, однако в этих случаях, возможно, не срабатывает следующий этап анализа грамматической формы: **m** в этих формах не глагольное, а “родное”, часть собственного окончания, а еще одного окончания – собственного глагольного – автор не добавляет: 1) *zegnam miłego matzaka mego... ktoregom Iezeli według ułomności Ludzkiej uraziłam przepaszam*; 2) *o zadno Rzecz ktorom bym dla męża mego w pozyciu znim Swiadczyła*; 3) *przepraszam wszytkich y Sąsiad bliskich ydalszych wczym naraził y nie wygodził*; 4) *ktorym to Jchm Xięzy Dominikanom od Mieysca na Msze Święte Vigilie na to y swiece Wino y Inne Pogrzebowe necessaria złotych Dwiescie naznaczył*.

В некоторых случаях в исследуемых текстах отрицательные местоимения в косвенных падежах с предлогом имеют формы, аналогичные белорусским: предлог стоит между отрицательной частицей и местоимением: *ni u kogo Innego tylko u Stryiow Swoich; Sýna mego y swego niwczym niezachce krzywdzic*.

В исследуемых текстах присутствуют также примеры морфологических особенностей периферийного диалекта, которые сформировались не под влиянием польского или белорусского языков, но вследствие собственного развития диалекта. Формы винительного падежа, равные родительному, как у одушевленных существительных мужского рода, З. Курцова объясняет вслед за Х. Турской результатом региональной тенденции к выравниванию именительного и вини-

тельного падежей существительных женского рода на *-a*, которая становилась основой для дальнейших инноваций: употребление окончаний родительного падежа в винительном падеже [1, с. 175]: *prosze miŕey matzaki y Dobrodziki moiey*. К этой группе явлений относим также изменения в типе склонения существительного *starzec* по аналогии с часто встречающимися лексемами *radca* или *stwórcza* либо по аналогии к *starosta*, именительный падеж существительного в таком случае реконструируется до *starca*: *Aktykacya Testamentu zesztęgo w Bogu Demiana Tatorynowicza starcy Rady*.

Заключение

Мы представили некоторые морфологические особенности северного периферийного польского диалекта XVIII в., сформировавшиеся в результате многовекового белорусско-польского языкового взаимодействия. Наше внимание в статье было обращено на те явления, которые возникли под влиянием структурных различий близкородственных языков. Это, например, касается категории мужского лица польского языка, в том числе согласования других частей речи с лично-мужскими существительными, способов выражения категории лица в прошедшем времени, белорусского морфонологического чередования *x* || *c'*, а также белорусских форм отрицательных местоимений с предлогом. Также мы видим последствия морфологической интерференции в результатах аналогичных процессов перестройки систем склонения существительных мужского рода в польском и белорусском языках и в формировании категории одушевленности и способов ее выражения. А так как диалект сформировался как самостоятельное образование, то в нем присутствуют и особенности, характерные только для его истории развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Kurzowa, Z.** Język polski Wileńszczyzny i kresów północno-wschodnich: XVI – XX wiek / Z. Kurzowa. – Warszawa : PWN, 1993. – 499 s.
2. **Веренич, В.Л.** Состояние и перспективы исследования “польщизны кресовой” / В.Л. Веренич // Польские говоры в СССР, ч. 1. (Исследования и материалы 1967 – 1969 гг.). – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 183–212.
3. **Вярэніч, В.Л.** Польскія перыферычныя гаворкі на ўсходзе / В.Л. Вярэніч // Польские говоры в СССР. – Ч. 1. (Исследования и материалы 1967 – 1969 гг.). – Минск : Наука и техника, 1973. – С. 5–21.
4. **Жураўскі, А.І.** Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. / А.І. Жураўскі. – Мінск : Навука і тэхніка, 1967. – Т. 1. – 371 с.
5. **Жураўскі, А.І.** Двухмоўе і шматмоўе ў гісторыі Беларусі / А.І. Жураўскі // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў / рэд. М.В. Бірыла, А.Я. Супрун. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – С. 18–49.
6. **Свяжынскі, У.** Народы і мовы / У. Свяжынскі // Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал. Р. Пашкоў і інш. – Мінск : БелЭн., 2005. – Т. 1 : Абаленскі – Кадэньця. – 2005. – С. 58–66.
7. Национальный исторический архив Беларуси. – Брестский земский суд. – Актовая книга. – Фонд 1741. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 139–142; Д. 31. – Л. 651–654, 939–942, 1833 – 1836. Брестский магистрат. – Актовая книга. – Фонд 1786. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 159–165, 625–628; Д. 6. – Л. 207–214. Гродненский земский суд. – Актовая книга. – Фонд 1755. – Оп. 1. – Д. 58. – Л. 308–309; Д. 59. – Л. 137–138, 287–288; Д. 60. – Л. 1–2, 66–670.
8. **Вайнрайх, У.** Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. – Вып. 6. Языковые контакты. – М., 1972. – С. 25–60.
9. **Хауген, Э.** Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 61–80.

10. **Жлуктенко, Ю.А.** Лингвистические аспекты двуязычия / Ю.А. Жлуктенко. – Киев : Издательство Киев. гос. унив. “Вища школа”, 1974. – 176 с.
11. **Klemensiewicz, Z.** Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. – 830 s.
12. Нарысы па гісторыі беларускай мовы / рэд. А.Я. Бірыла, М.Г. Булахаў, М.А. Жыдовіч. – Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва БССР, 1957. – 449 с.
13. **Rzepka, W. R.** Uwagi o rozwoju gen.-acc. pl. w polszczyźnie kresowej / W.R. Rzepka // Studia polonistyczne, 1976. – № 3. – С. 141–153.
14. **Kuraszkiewicz, W.** Gramatyka historyczna języka polskiego (podstawowe wiadomości z wyborem tekstów staropolskich do ćwiczeń) / W. Kuraszkiewicz. – Warszawa : Państwowe Zakłady Wydawnictwa Szkolnych, 1970. – 228 s.

Поступила в редакцию 25.01.2011 г.

УДК 81'347.78.034

М.В. КОЗЫЛЁВА

ДА ПРАБЛЕМЫ ПЕРАДАЧЫ АНТРАПОНІМАЎ У ІНШАМОЎНЫМ ТЭКСЦЕ

У артыкуле разглядаюцца асноўныя падыходы да перадачы антрапонімаў у іншамоўным тэксце. Аўтар аналізуе сучасныя спосабы і прыёмы перакладу замежных уласных імёнаў у славянскай філалагічнай традыцыі.

Уводзіны

Антрапонімы – гэта не толькі вербальныя, але і сацыяльныя знакі, паколькі іх галоўнай функцыяй з’яўляецца як намінацыя, так і ідэнтыфікацыя членаў грамадства. Увогуле, асноўная функцыя імёнаў у мове – вылучаць з ліку аднародных прадметаў ці асоб канкрэтны прадмет ці асобу і супрацьпастаўляць яго іншым аднародным прадметам. На думку М.В. Бірылы, антрапонімы – арганічная, “але і спецыфічная частка моўнай сістэмы, бо у іх няма нічога такога, чаго б у якім-небудзь з перыядаў не было б у самой мове” [1, с. 3]. Антрапанімія з’яўляецца “захавальнікам, кансервантам лексікі папярэдніх эпох, своеасаблівым люстэркам, у якім адбілася, праўда, у абмежаваных рамках, гісторыя развіцця лексічнай сістэмы мовы” [1, с. 4]. Выконваючы шэраг сацыяльных і культурных функцый, імёны жывуць і развіваюцца па законах мовы, але прычыны, што стымулююць развіццё анамастычных сістэм, усё ж такі не лінгвістычныя, а сацыяльныя. Як заўважыла Г.М. Мезенка, “нават форма імён, якая з’яўляецца толькі структурным кампанентам анамастыкі, і тая абумоўліваецца сацыяльнымі фактарамі” [2, с. 15].

Пераклад уласных імёнаў у большасці выпадкаў немагчымы, існуюць толькі спосабы іх перадачы ў іншамоўным тэксце. Асаблівасць імёнаў і назваў, у адрозненне ад многіх запазычаных замежных слоў, палягае ў тым, што пры ўвядзенні іх у іншамоўны тэкст яны ў асноўным захоўваюць сваё першапачатковае гукавое аблічча, бо імёны абазначаюць індывідуальныя аб’екты непасрэдна (*nickname* ‘мянушка’ – *Vonnie* ‘Боні’). Прычына гэтага заключаецца ў спецыфіцы семантычнай структуры ўласнага імя. Для перакладу апелятываў гукавая абалонка не вельмі важная, больш істотна перадаць іх значэнне. Замежныя імёны запазычваюцца шляхам перакладу з мэтай захавання стыль твора, а таксама ў выпадках, калі лексічнымі сродкамі спрабуюць перадаць спецыфіку ўнутранай

формы імя ў кантэксте. Напрыклад, імя англійскага караля пачатку XIII ст. *John Lakland* гучыць на беларускай мове як *Іаан Безземельны*, на рускай – *Иоанн Безземельный*, на нямецкай – *Johann ohne Land*, на французскай – *Jean sans Terre*.

Аналіз існуючых спосабаў і сродкаў перадачы антрапонімаў з’яўляецца актуальным таму, што да гэтага часу так і не склалася ўстойлівая традыцыя, якая забяспечыла б адзінства метадаў і спосабаў увядзення ўласных імёнаў у іншамовны тэкст. На сённяшні дзень у беларускім мовазнаўстве большасць прац па анамастыцы прысвечана этымалогіі імёнаў, прозвішчаў, географічных назваў. Пераклад замежных імёнаў на беларускую мову амаль што не разглядаецца. Але ў беларусістыцы існуе думка, паводле якой уласныя імёны не варта перакладаць з адной мовы на іншую, паколькі яны не маюць лексічнага значэння. В.В. Шур адзначае, што слова *канстанцін* у мове грэкаў мела значэнне ‘сталы’, ‘пастаянны’, аднак у сучасных мовах, у якіх ужываецца ўласны назоўнік *Канстанцін*, наўрад ці хто звязвае першасны сэнс з гэтым імем [3, с. 13]. На думку даследчыка, калі б уласныя імёны захоўвалі лексічнае значэнне, то ў шэрагу выпадкаў іх ранейшая семантыка не адпавядала б рэальнасці. Напрыклад, тапонім *Ноўгарад* у часы Кіеўскай Русі меў значэнне ‘новае паселішча’, а ў наш час гэтым тапонімам называюць самы старажытны горад Расіі.

Такім чынам, відавочна неабходнасць адноснай рэгламентацыі перадачы імёнаў, распрацоўкі навуковых прынцыпаў перакладчыцкай дзейнасці ў галіне анамастыкі.

Мэтай артыкула з’яўляецца аналіз існуючых падыходаў да перадачы антрапонімаў у сучаснай славянскай філалогіі.

Асноўная частка

1. Перадача імёнаў у XVI – XIX стст. Праблема перадачы ўласных імёнаў выклікае шмат спрэчак сярод практыкаў і тэарэтыкаў перакладу. Спрэчкі вядуцца амаль што з часоў эпохі Адраджэння, калі безэквівалентныя лексічныя адзінкі, у тым ліку і імёны, не перакладаліся, а замяняліся адзінкамі, характэрнымі для культуры іншамовнага тэксту. У перыяд Асветніцтва станоўча адносіліся да прыпадабнення адзінак перакладу на лад той мовы, на якую перакладаўся тэкст. Найлепшым доказам таму з’яўляецца замена традыцыйных імён міфалагічных багоў: напрыклад, шумерская *Інанна* пераўтварылася ў вавілонскую *Іштар*, тая – у асірыйскую *Аштарту*, а пасля – у грэчаскую *Афродыту* і рымскую *Венеру*. Усе багіні выконвалі адну і тую ж ролю – з’яўляліся апякункамі кахання і прыгажосці.

У пачатку XIX ст. перакладчыкі выказвалі самыя розныя меркаванні на конт найлепшага спосабу перакладу імёнаў, але выбар часцей прыпадаў на прычып графічнага падабенства (транслітарацыю).

2. Сучасныя спосабы перадачы імёнаў. Першыя спробы абмеркаваць магчымасць перакладу ўласных імёнаў у славянскім мовазнаўстве у XX ст. былі распачаты перакладчыкамі-практыкамі М.Л. Любімавым, К.М. Чукоўскім. Сярод тэарэтычных прац па гэтым пытанні варта адзначыць даследаванні С. Влахава і С. Фларына [4], В.С. Вінаградава [5], Д.І. Ермаловіча [6], Б.А. Старасціна і Р.С. Гілярэўскага [7], В.Н. Камісарова [8], А.В. Шыдлоўскага [9] і інш. Даследчыкі лічаць, што пры перакладзе ўласных імёнаў неабходна перадаваць увесь комплекс асацыяцый, якія яны выклікаюць у рэцыпіента.

2.1. Транслітарацыя – адзін з першых спосабаў перадачы замежных імёнаў. В.С. Вінаградаў адзначае, што ў канцы XIX – пачатку XX ст. англійскія ўласныя

імёны перадаваліся ў рускай літаратуры з дапамогай самай прымітыўнай транслітарацыі: кожнай англійскай літары ў слове падбіралася адпаведная літара рускага алфавіта. Але традыцыйная графіка англійскіх слоў, як правіла, не адлюстроўвала іх сапраўднага гучання. Так, у рускай мове з’явіліся антрапонімы *Валлас* (*Wallace*), *Ворчестер* (*Worcester*) [5, с. 153] і г.д.

У працы А.В. Шыдлоўскага “Лінгвістычныя праблемы перакладу на беларускую мову” звяртаецца ўвага на тое, што “ўвогуле ўласныя імёны не перакладаюцца нават пры перакладзе з блізкароднасных моў” [9, с. 5] (*Павел – Павел, Талаш – Талаш*). Але нават самыя блізкароднасныя мовы маюць значныя адрозненні на любым узроўні, таму нельга не ўлічваць неадпаведнаць аб’ёму значэнняў, што маюць усе моўныя адзінкі ў самых блізкіх мовах. Фанема, з’яўляючыся найменшай моўнай адзінкай, не мае ўласнага значэння, але служыць для складання і адрознення значных адзінак мовы: марфем, слоў і г.д. Таму на ўзроўні фанем часцей за ўсё перакладаюцца ўласныя імёны. Так, рускае прозвішча *Гагарин* на беларускай мове пішацца як *Гагарын*. Правапіс гэтага слова амаль што не адрозніваецца ад рускага. Аднак гэта прозвішча перададзена спосабам транслітарацыі па правілах беларускай арфаграфіі.

2.2. Транскрыпцыя. На думку С. Влахавы і С. Фларына, асаблівасць семіятычнай прыроды ўласных імёнаў, а таксама неабходнасць перадачы плана зместу прывяла да шэрага асаблівасцей іх паводзін у мове і маўленні: да запазычання імёнаў шляхам транскрыпцыі [4, с. 208]. Адзначым, што транскрыпцыя трэба адрозніваць, з аднаго боку, ад перакладу, а з другога боку, ад транслітарацыі. Транскрыпцыя дазваляе перадаць у той ці іншай ступені сапраўднае гучанне замежнага імя і захаваць яго нацыянальную фанетычную форму. Сённяшняя транскрыпцыя імёнаў *Wallace, Newcastle* набліжана да іх сапраўднага гучання: *Уолес, Ньюкасл*.

В.Н. Камісараў лічыць, што транскрыпцыя не існуе ў “чыстым выглядзе”, а мае “ўмоўны характар” [8, с. 164], што пацвярджаецца асаблівасцямі арфаграфічнай сістэмы мовы, напрыклад, у англійскай мове выкарыстоўваюцца гукі [δ], [ŋ] (англ. *Warner Brothers* – бел. *Уорнер Бразерз*), падвоеныя зычныя (англ. *Bill Clinton* – рус. *Билл Клинтон*), дыфтонгі і г.д. На думку В.С. Вінаградава, транслітарацыя з’яўляецца неэфектыўным спосабам перадачы антрапонімаў, а транскрыпцыя, наадварот, вярнула сапраўдным дзеячам мастацтва, літаратуры і навукі іх сапраўдныя імёны. Так, у рускай мове было *Шекспириаре* – стала *Шекспир*. Узгадаем, што у часы Ламаносава імя англійскага навукоўца *Newton* гучала як *Невтон*, а цяпер гэта рус. *Ньютон*, бел. *Ньютан* (“Что может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов Российская земля рождать” [5, с. 153]).

Нягледзячы на тое што барацьбу за рэгламентацыю і ўніфікацыю транскрыпцыі замежных слоў і ўласных імёнаў яшчэ пачалі такія выдатныя лінгвісты, як М.У. Сергіеўскі і Л.В. Шчэрба, па сённяшні дзень здараюцца супярэчнасці пры транскрыбаванні антрапонімаў. Гэты факт прыводзіць да памылак і ўзнікнення двух альбо больш варыянтаў аднаго замежнага імя. Так, напрыклад, англ. *Galsworthy* – рус. *Галстворти, Галсуорти, Голсворти, Гелзворти* [7, с. 33], англ. *Martin* – бел. *Мартын, Марцін* [10, с. 4] і г.д. Падобная варыятыўнасць у анамастыцы – з’ява, бясспрэчна, адмоўная, бо яна ўскладняе камунікацыю. Дыяхронныя аманімічныя варыянты звязаны адзін з адным пэўнай храналагічнай паслядоўнасцю. Яны з’яўляюцца таму, што правілы транскрыпцыі – катэгорыя гістарычная, якая змяняецца ў сувязі са зменамі фанетычнага ладу моў.

2.3. Улік гістарычнай традыцыі. На думку В.С. Вінаградава, памылковая транскрыпцыя замежных уласных імёнаў надоўга застаецца ў памяці носьбітаў мовы. Такія варыянты становяцца замацаванымі традыцыяй у мове перакладу. Трэба ведаць, што англійскае імя *Charles* для сучасных носьбітаў транскрыбуецца як *Чарльз* (Чарльз Дарвін, Чарльз Дыкенс і г.д.). Але такое ж імя знакамітага караля, якому адсеклі галаву, вядома як *Карл I* [5, с. 154]. Затым *Карлам* быў названы і *Charles II*, а кароль *Джэймс (James)* ператварыўся ў *Якава*. Першага нармандскага караля Англіі звалі таксама, як Шэкспіра, але мы яго называем *Вільгельм-заваёўнік*. Нарэшце, калі прынц Чарльз узначаліць трон, ён будзе называцца *Чарльз III*, а не *Карл III*.

Нярэдка ўлічваць гістарычныя адпаведнікі неабходна і ў мастацкай літаратуры. Так, у рамане англійскага пісьменніка XVIII ст. С. Рычардсана “Кларыса” імя героя *Lovelace* перакладзена на рускую мову спосабам транслітарацыі як *Ловлас (Ловелас)*. Першы з гэтых варыянтаў згадваецца ў рамане А. Пушкіна “Яўген Анегін”, а другі стаў шырока вядомы ў рускай мове і пераўтварыўся ў агульнае імя, якое і да гэтага часу ўжываецца ў лексіконе. Тым не менш, сучасныя прынцыпы транскрыпцыі патрабуюць перадаваць гэтае імя на рускую мову як *Лавлейс*. Але, як заўважае Д.І. Ермаловіч, “прынцып гістарычнай традыцыі патрабуе і ад сучасных перакладчыкаў арыентавацца на гэты варыянт, што, зрэшты, неабходна толькі тады, калі гаворка ідзе менавіта аб гэтым персанажы” [6, с. 30]. Калі маецца на ўвазе іншы чалавек з такім імем, а таксама калі не ўнікае ніякіх аналогій з героем Рычардсана, то прынцып гістарычнай традыцыі не актуальны і варта зыходзіць з агульных правілаў транскрыпцыі.

На думку балгарскіх навукоўцаў С. Влахава і С. Фларына, змяненні зацверджаных у дадзенай мове звыклых транскрыпцый уласных імёнаў – асаблівае пытанне, да якога трэба адносіцца з асцярогай, паколькі змяняць традыцыйнае напісанне і вымаўленне не толькі цяжка, але і немагчыма. Даследчыкі далучаюцца да думкі У. Росельса аб неабходнасці “больш паслядоўнага транскрыбавання”, але імкнуча паставіць пытанне аб неабходнасці паступовай замены самых няўдалых транскрыпцый; напрыклад, каб *Гейне* і *Юго* атрымалі свае ўласныя прозвішчы – *Хайнэ* і *Юго*, каб каралі рознай нацыянальнасці – англійскія, французскія, нямецкія, шведскія і інш. – не падводзіліся пад агульны лацінскі назоўнік *Карлаў*, а былі б *Чарльз*, *Шарль*, *Карл*, *Карлас*, *Карлаў*, каб сучасныя *Уільямы* не ператвараліся ў *Вільямов*, *Хельмут* – у *Гельмут*. “Намёкі на такі працэс прыкметныя, але вельмі ўжо яны нясмелыя і непаслядоўныя” [4, с. 210].

2.4. Калькаванне – гэта пераклад асобных элементаў слова ці словазлучэння, а затым іх аб’яднанне ў адзінае цэлае. Напрыклад, *Snow Queen* – *Снежная Каралева*. На думку В.Н. Камісарава, гэты прыём амаль што не існуе ў чыстым выглядзе, часцей сустракаюцца змешаныя спосабы перадачы [8, с. 166], калі, напрыклад, адна частка слова перакладаецца, а другая – транскрыбуецца.

2.5. Уключэнне замежнага імя ў тэкст перакладу з захаваннем яго графікі забяспечвае дакладнасць тэксту. Р.С. Гілярэўскі і Б.А. Старасцін заўважылі, што такі спосаб шырока выкарыстоўваецца ў мовах з аднолькавай графікай, што “ў выпадку яго выкарыстання ўсе супярэчнасці наконт перакладу ці перадачы імя адпадаюць, але застаюцца пытанні аб вымаўленні і скланенні такіх імёнаў” [7, с. 11-12]. Відавочна, гэты спосаб мае і вартасці, і недахопы. Так, беларускі тэкст з уключэннем лацінскай графікі становіцца нечытабельны і дзіўны на выгляд, але разам з тым ён дазваляе адразу бачыць зыходную форму імя. Таму варта прымяняць гэты спосаб у навуковай і тэхнічнай літаратуры разам з транскрып-

цыяй, прыводзячы ў дужках зыходную форму, напісаную на графіцы арыгінала. Пры перакладзе твораў мастацкай літаратуры гэты спосаб не выкарыстоўваецца.

2.6. Прыём змешвання. У працы Д.І. Ермаловіча “Уласныя імёны на стыку моў і культур” [6] падрабязна разглядаюцца задачы, звязаныя з праблемай перадачы імёнаў, што дазваляюць сфармуляваць некаторыя агульныя падыходы да іх вырашэння. Так, даследчык прапануе ўлічваць нацыянальную прыналежнасць, кампаненты значэння імя, канкрэтную прагматычную задачу, здольнасць імя да словаўтварэння, прынцып этымалагічнай адпаведнасці (транспазіцыю), магчымасць адаптацыі імя да граматычнай сістэмы мовы перакладу і захаванне тоеснасці імя ў перакладным тэксце. На думку Д.І. Ермаловіча, пры перакладзе імёнаў варта звяртаць увагу і на паходжанне імя. Так, напрыклад, пераклады імя *Michael* з англійскай або нямецкай мовы будуць істотна адрознівацца. Калі *Michael* з’яўляецца грамадзянінам ЗША, то імя перадаецца як *Майкл*, а калі ён немец, то – *Міхаэль*.

Заклучэнне

У пачатку XXI ст. тэорыя перакладу так і не дала адказу на пытанне аб перадачы ўласных імёнаў у іншамовным тэксце, але гэта пытанне разглядаецца ўвесь час, існуе пэўная колькасць распрацаваных прыёмаў і метадаў. Некаторыя даследчыкі ўвогуле адмаўляюць тэрмін “**пераклад**” у дачыненні да ўласных імёнаў, некаторыя гавораць пра пераклад на графічным і фанетычным узроўні, іншыя называюць гэты працэс **перадачай** імя з адной мовы на другую. Нягледзячы на шматлікія распрацоўкі ў гэтай галіне, перадача замежных уласных імёнаў застаецца адной з цэнтральных праблем тэорыі і практыкі перакладу.

Можна лічыць у пэўнай ступені ўстойлівай канатацыю ўласнага імя як абазначэння індывідуальнага аб’екта. Адсюль відавочна, што знешняя (гукавая і графічная) абалонка імя павінна быць найважнейшай у параўнанні з аналагічнай апелятывай. Гэта можна пацвердзіць яе захаваннем пры перакладзе тэксту на іншую мову, у той час калі апелятыў страчвае сваю гукавую і графічную абалонку. У сувязі з неабходнасцю дакладнасці дакументацыі захаванне зыходнай гукавой і графічнай абалонкі запазычанага ўласнага імя набывае асаблівую актуальнасць.

Транскрыпцыя з’яўляецца адным з найбольш яркіх прыкладаў ўзаемадзеяння моў. Пратранскрыбаванае імя – гэта слова ўжо іншамовнае. Таму найбольшая колькасць памылак сустракаецца ва ўласных імёнах. У апошні час надаецца ўвага распрацоўцы слоўнікаў асабістых імёнаў, мянушак і прозвішчаў. Транслітарацыя адрозніваецца ад транскрыпцыі сваёй прастатой і магчымасцю ўвядзення дадатковых знакаў. У наш час транслітарацыя, як спосаб уключэння замежнага ўласнага імя, менш выпадковая, бо зніжае і скажае яго гукавое аблічча.

Немагчыма захаваць дакладнае вымаўленне слова пры яго ўключэнні ў кантэкст іншай мовы ні пры адным спосабе перадачы. У гэтым выпадку непасрэднае ўключэнне, транскрыпцыя, транслітарацыя, калькаванне, пераклад з’яўляюцца толькі паслядоўнымі ступенямі набліжэння да арыгіналу.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. **Бірыла, М.В.** Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 504 с.
2. **Мезенка, Г.М.** Беларуская анамастыка: навуковы дапаможнік для студэнтаў універсітэтаў / Г.М. Мезенка. – Мінск : Вышэйшая школа, 1997. – 119 с.
3. **Шур, В.В.** Беларускія ўласныя імёны: бел. антрапаніміка і тапаніміка: дапам. для настаўнікаў / В.В. Шур. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 237 с.

4. **Влахов, С.** Непереваемое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М. : Международные отношения, 1986. – 416 с.
5. **Виноградов, В.С.** Лексические вопросы перевода художественной прозы / В.С. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1978. – 172 с.
6. **Ермолович, Д.И.** Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М. : Р. Валент, 2001. – 199 с.
7. **Гиляревский, Р.С.** Иностранные имена и названия в русском тексте / Р.С. Гиляревский, Б.А. Старостин. – М. : Высшая школа, 1985. – 354 с.
8. **Комиссаров, В.Н.** Современное переводоведение : курс лекций / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 1999. – 192 с.
9. **Шидловский, А.В.** Лингвистические проблемы перевода на белорусский язык / А.В. Шидловский. – Минск : Вышэйшая школа, 1978. – 96 с.
10. Слоўнік асабовых імёнаў: бел.-рус. і рус.-бел. / уклад. У.А. Сарока ; навук. рэд. М.Н. Крыўко ; Бел. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск : Тэсей, 2000. – 275 с.

Паступіў у рэдакцыю 23.12.2010 г.

УДК: 821(47+57) “193”

Е.Л. ГРЕЧАНИКОВА

СТАТУС-КВО “СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ” В МАТЕРИАЛАХ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В статье освещается период 1930-х гг. – важный этап на пути формирования понятия “советская литература” и эстетики соцреализма; отмечается непосредственная связь советской литературы с мировым литературным процессом.

Введение

Размышляя о статус-кво советской литературы в 1930-е гг., мы стремимся проанализировать значимость, весомость той роли, которую, собственно, играла литература в жизни формирующегося советского социума. Кроме того, говоря о данном литературном явлении, мы не можем обойти стороной вопрос принадлежности его к мировому литературному процессу в целом, а также соотносительности такого явления, как советская литература с художественной системой, преобладающей в искусстве в синхронный ей временной континуум.

Общепринятым является тот факт, что на рубеже XIX – XX вв. происходит смена “господствующей” в искусстве философско-художественной системы: модернизм становится преобладающей в искусстве художественной системой, существовавшей, по мнению большинства исследователей, вплоть до 60-х гг. XX в. Прежде чем мы обратимся к исследованию вопроса положения и функционирования советской литературы в рамках данной системы, нам видится необходимым оговорить значения терминов, которые будут использованы в данной работе.

Наряду с достаточно распространенным термином “художественная система” в работах ведущих литературоведов мы встречаем термины “литературная общность” (В. Хализев подчеркивает полную идентичность вышеуказанных формулировок), “парадигма художественности” (в работах В. Тюпы) и т.п. Отметим лишь, что в данной работе под терминами “художественная система” и “парадигма художественности” (коиными, по выражению В. Хализева, “подобает опериро-

вать осторожно” [1, с. 371]) мы подразумеваем “универсальную абстрактную модель определенного философско-эстетического явления” [2, с. 60]. (в нашем случае это модернизм). Важно отметить, что “смена ведущей парадигмы художественности предполагает существенное изменение статусов субъекта, предмета и адресата художественной деятельности, вытекающее из нового понимания самой природы этой деятельности. Эти перемены, естественно, приводят к смещению ценностных ориентиров художественного сознания – критериев художественности” [3, с. 67]. Подчеркнем, что одной из важнейших особенностей модернистской парадигмы художественности является нацеленность автора на “работу с восприятием” читателя [3, с. 74]. По мнению В. Тюпы, “определяющим отношением художественной культуры в рамках модернистской парадигмы оказывается отношение: автор – читатель (зритель, слушатель), превращающее *эффективность воздействия* на воспринимающее сознание в *решающий критерий художественности*” [3, с. 74]. Отметим, что мы намеренно подчеркиваем выше-названную отличительную черту модернистской художественной системы, поскольку соцреалистический канон советской литературы обнаруживает самую непосредственную “генетическую” связь с критерием *эффективности воздействия*. Данная мысль находит подтверждение в работах В. Тюпы, который полагает, что соцреализм, как литературное направление, является непосредственной частью модернистской парадигмы художественности: “Постсимволистская (модернистская) парадигма художественности включает в себя не менее четырех параллельно развивающихся субпарадигм: авангардизм, неопримитивизм, так называемый соцреализм (и аналогичные ему явления тоталитаристской художественной культуры) и неотрадиционализм” [4, с. 103]. Подчеркивая, что “множественность коммуникативных стратегий воздействия на адресата – принципиальное свойство данной стадии в развитии искусства” [3, с. 75], в качестве отличительной особенности соцреализма как *субпарадигмы* исследователь выделяет “культивацию императивной стратегии “ангажированного” (идеологически активного, политизированного) письма” [4, с. 103]. Следует заметить, что в работах В. Хализева, в отличие от В. Тюпы, соцреализм представлен как отдельная литературная общность/художественная система (хотя есть основания полагать, что в отношении соцреализма у В. Хализева под термином “художественная система” имелся в виду термин “литературное направление”, поскольку у нас нет оснований выделять соцреализм в качестве отдельной художественной системы).

Таким образом, мы можем констатировать, что советская литература 1930-х гг. – явление, существовавшее не обособленно, а вполне в рамках и по законам прева-лировавшей в европейской культуре данного периода парадигмы художественности.

Основная часть

Мы постараемся выстроить идейно-эстетическую парадигму, легшую в основу соцреалистического канона как своеобразного инварианта, истока советской литературы на основании фактологического материала, относящегося к 1-му Всесоюзному съезду советских писателей, поскольку данное культурное событие в полной мере явило собой беспрецедентный акт регламентации литературного творчества советских авторов на многие десятилетия вперед.

Идея необходимости тотального партийного контроля над литературным процессом возникает еще в 1920-е гг., когда ожесточенные и неразрешимые споры литературных групп достигли точки кипения. В процессе создания т.н. “ко-

мандно-бюрократической системы руководства культурой” [5, с. 5] непосредственные исполнители данной задачи (И.М. Гронский, П.П. Постышев, А.И. Стецкий, П.Ф. Юдин, Л.З. Мехлис и др.) “заговорили о необходимости выработать единый творческий метод советской литературы, названный впоследствии социалистическим реализмом” [5, с. 5]. В “Литературной газете” 23 мая 1932 г. впервые появилась формулировка принципов социалистического реализма, впоследствии закреплённая в уставе Союза советских писателей. Неоднозначной в данном процессе видится фигура М. Горького, на которого была возложена ответственность за сплочение литераторов в рамках союза писателей. Как справедливо замечает Л.Г. Спиридонова в статье “Горький и Сталин: уступка за уступку”, “в годы перестройки Горького не раз упрекали в том, что ... он стал проводником сталинской политики в литературе ... превратился в “надсмотрщика” над советскими писателями, которых насильственно загоняли в “прокрустово ложе” социалистического реализма” [5, с. 5]. Однако именно Горький был инициатором привлечения литераторов к процессу создания идейной базы союза писателей, тогда как руководство страны прочило в правление союза писателей преимущественно партийных чиновников, не считая необходимым учитывать мнение людей, имевших непосредственное отношение к литературе, и, по сути, игнорируя необходимость их участия в подготовке Первого съезда.

Как свидетельствуют источники, М. Горький перед самым съездом пытался “взять самоотвод”, возможно, будучи разочарованным в том, что затея по сплочению мастеров пера вышла далеко за грани литературных интересов. 2 августа 1934 г. Горький писал Сталину: “...я убедительно прошу освободить меня от Председательства в Союзе по причине слабости здоровья и крайней загруженности литературной работой” [цит. по: 5, с. 5]. Безусловно, от председательства писатель освобожден не был. Однако заметим, что в выступлении своем он, хотя и не противоречил общему духу коммунистического оптимизма, старательно избегал термина “социалистический реализм” (который уже был в обиходе к этому времени): “Некоторые “колеблющиеся” писатели признали большевизм единственной боевой руководящей идеей в творчестве и живописи словом” [5, с. 5].

Предваряя разговор об идеях, регламентированных на Первом съезде, вполне уместным будет процитировать некоторые лозунги, которые были использованы для приветствия участников съезда. Так, на одном из плакатов под портретом вождя и изображением коммунистов в коричневых одеждах с красными книгами в руках растянулся бравый лозунг: “Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела (Ленин)”.

Этот лозунг можно считать ключевым в постижении соцреализма как художественной системы, поскольку в нем вполне отражена регламентация той стратегии императивности, о которой говорилось выше и которая, собственно, выделяет соцреализм как цельную, сформированную художественную субпарадигму. Более того, соцреализм как литературное направление изначально предполагал доведение этой императивности до предела. Во-первых, советский читатель, по абсолютно справедливому определению Е. Добренко, “не просто реципиент... Согласно “общественно-преобразующей” доктрине, лежащей в основе соцреализма, он – объект преобразования, формовки” [6, с. 11]. Согласимся и с тем утверждением исследователя, что “функции советской литературы (как и всей советской культуры) состоят именно в этой “перековке человеческого материала” [6, с. 12]. Критика же следила за тем, достаточно ли “идеологично” произведение, и оперативно выносила писателю вердикт о “степени эффективности его

творчества” (цит. М.С. Кагана) [6, с. 25]. Однако глобальность проекта “формовки” заключается не только в тотальном воздействии на читателя: феноменальность данного проекта в “формовке” писателя, причем формовка эта должна была происходить не только со стороны власти и официальной критики, но и со стороны рядового читателя! Это то феноменальное положение, когда модель “Яйцо учит курицу” становится абсолютной и поощряемой нормой. Е. Добренко в работе “Формовка советского читателя” приводит цитату из работы Э. Коробковой “Как строить работу по изучению читателя”, в которой речь идет об организации непрерывной слежки библиотекаря за читателем (запись его высказываний о той или иной книге, запись споров между читателями на читке): “...нужно заставить читателя осознать, что, давая отзывы, он служит не каким-либо посторонним целям, а помогает писателю и издателю создать нужную для него книжку...” (!) [6, с. 37]. В библиотеках 1930-х гг. можно было встретить и такое обращение к читателям: “Давай свои отзывы о книге, отмечай, что в ней плохо, что хорошо. Этим ты поможешь писателю исправить ее недостатки и в будущем написать хорошую книгу” [6, с. 37]. Если на схеме обозначить стрелками направление влияния/давления, то мы наглядно изобразим, в каких “гисках” должен, по задумке, оказаться писатель, зависящий и от социального заказа, императивно нависшего над ним, и от вкуса массового читателя.

ЧИТАТЕЛЬ ↔ ПИСАТЕЛЬ ← ВЛАСТЬ

Безусловно, сегодня это кажется невозможным, однако, по задумке соцреализма, писатель перестает принадлежать себе. В доказательство приведем цитату из выступления на Первом съезде В. Шкловского: “Маяковский виноват не в том, что он стрелял в себя, а в том, что он стрелял не вовремя и неверно понял революцию...” [7, с. 212]. В этом “стрелял не вовремя” как нельзя точнее отражена эпохальная трагедия литератора, состоящая в том, что он не только не принадлежал самому себе, но и всецело, вплоть до вопросов жизни и смерти, был обязан соизмерять свои личные, “мелкие” интересы с долгом перед советским обществом, перед советским читателем.

Следует заметить, что некоторую искусственность инварианту советской литературы 1930-х гг. придавала не столько императивная стратегия (которая, как мы неоднократно упоминали выше, в целом характерна для превалявавшей на тот момент в искусстве парадигмы художественности), а именно *пренебрежение эстетической составляющей литературного произведения*. Очевидно, эстетической стороне художественного текста не уделялось должного внимания по причине преобладания в 1930-е гг. *тематического критерия* как в оценке уже созданных текстов, так и в процессе творческого поиска. Эстетика художественного текста выставлялась в качестве некоего ортодокса, которому никак не место в сознании “новых” людей. Так, на 1-м Всесоюзном съезде советских писателей Алексей Сурков призвал коллег по литературному цеху не “размагничивать молодое красногвардейское сердце нашей хорошей молодежи интимно-лирической водой... (продолжительные аплодисменты)...” [7, с. 217]. Творчество же Бориса Пастернака, честно признавшегося на писательском съезде в том, что он “не борец”, было признано А. Сурковым “неподходящей точкой ориентации в... росте” “для большой группы людей, растущих в нашей литературе” [7, с. 215-216]. Всеволод Вишневский в своем выступлении и вовсе апеллировал к “советской совести” Юрия Олеши, инкриминировав ему пагубное пристрастие писать “о хрустале, о любви, о

нежности и прочем”, тогда как время требует “держат в исправности хороший револьвер... (аплодисменты)...” [7, с. 215]. Неубедительными и не укладывающимися в сознании государственной машины оказались слова Юрия Олеши: “Каждый художник может писать только то, что он в состоянии писать... Мне трудно понять тип рабочего, тип героя-революционера. Я им не могу быть...” [7, с. 214].

В последующие же годы, вероятно по закону инерции, многие тексты в рамках советской литературы даже при наличии тематических альтернатив чуть ли не подсознательно отдавали дань “уважения” тому инварианту, который был искусно закреплен в мышлении советских граждан в описываемые 1930-е гг.

Тематическая тенденциозность, в свою очередь, приводила к полному непониманию авторской индивидуальной манеры письма и, в частности, к пренебрежению качеством написанного в пользу количества и скорости. Заметим, что это опасение прозвучало на 1-м съезде писателей в выступлении И. Эренбурга. Писатель, пусть в форме буффонады, попытался защитить особенности писательского ремесла от выполнения плана: “Я вовсе не о себе хлопочу. Я лично плодovit как крольчиха (смех), но я отстаиваю право за слонихами быть беременными дольше, чем крольчихи (смех)... Когда я слышу разговоры – почему Бабель пишет так мало, почему Олеша не написал в течение стольких-то лет нового романа, почему нет новой книги Пастернака... я чувствую, что не все у нас понимают существо художественной работы...” [7, с. 213].

Вышеописанные тенденции, по мнению ряда исследователей, вполне логично предопределили *беллетристический уровень образцовых произведений советской литературы*. “Произведения писателей, ориентировавшихся на принципы соцреализма, – замечает В. Хализев, – как правило, не возвышались над уровнем беллетристики” [1, с. 364]. Десятилетиями ранее, на все том же знаковом 1-м съезде советских писателей, Лев Кассиль высказал подобную мысль в чуть более сдержанных выражениях: “У нас до сих пор существует разобщенность между критикой печатной и критикой, так сказать, коридорной. Мы часто говорим про книгу, о которой пишутся восторженные отзывы, что книга эта, правда, идейно высока, но в литературном отношении – дрянь страшная” [5, с. 5].

В. Хализев также полагает, что в рамках советской литературы имело место (особенно в первые десятилетия) т.н. искусственная “канонизация” беллетристики. Исследователь приводит в качестве примера “Как закалялась сталь” Н.А. Островского, “Разгром” и “Молодую гвардию” А.А. Фадеева, говоря о том, что это тот пример беллетристики советского периода, которая “волевыми решениями сильных мира на какое-то время возводится в ранг классики”. «Их правомерно назвать “канонизированной беллетристической”», – полагает В. Хализев [1, с. 135]. Безусловно, подобное утверждение ни в коем случае не характеризует наследие советской литературы как исключительно беллетристическое, поскольку литературный талант находил реализацию и в условиях тотального контроля. Так, В. Хализев отмечает, что “в русле этого метода (социалистический реализм) работали такие яркие художники слова, как М. Горький и В.В. Маяковский, М.А. Шолохов и А.Т. Твардовский...” [1, с. 364].

Рассуждая о формировании в 1930-е гг. на базе императивной стратегии инварианта, прочно укрепившегося в “сознании” советской литературы, и о роли 1-го Всесоюзного съезда советских писателей в создании этого инварианта, необходимо прокомментировать традиционно негативное отношение к данному съезду и созданию Союза писателей в целом. Ю. Колкер в статье “Чтоб Кафку сделать былью” иронично описывает съезд писателей СССР: “Вслед за партий-

ным съездом состоялся другой, не менее победительный – Первый всесоюзный съезд советских писателей. Заседали с 17 августа по 1 сентября 1934 г. – с той же злобшей, в сознании не укладывающейся всемирно-исторической серьезностью” [7, с. 207]. Автор полагает, что данное событие явилось некоей бутафорией, не только бесполезной и пустой, но и пагубной для развития литературы.

Справедливости ради заметим, что императивная модель соцреалистической литературы вызвала сочувствие далеко не у всех участников съезда (что, кроме прочего, указывает и на то, что теоретически стратегия императивности в искусстве все-таки сформировалась задолго до съезда, а не в процессе оного).

Кроме того, нельзя не согласиться с утверждением В. Ганичева: в 30-е гг. “в стране стала оформляться линия, ориентированная на национальные традиции, внутренние ресурсы...”, в то время как в 20-е гг. такие организации пролетарских писателей, как РАПП, ВОАПП, МАПП “захватили почти все литературные и общественно-политические издания” и, “размахивая дубинкой критики, избивали всех непокорных, пытающихся создавать национальную литературу” [8, с. 6]. Не будем забывать, что именно в рамках советской литературы и пресловутого соцреализма была предпринята попытка вывести из кризиса национальные литературы. Можно отметить и тот прагматический факт, что Союз писателей оказывал реальную поддержку авторам. Так, в одном из выпусков “Литературной газеты”, посвященном очередному юбилею со дня 1-го съезда советских писателей, автор статьи “Начиналось так...” О. Быстрова высказала не бесспорную, но оттого не менее любопытную мысль: “Вопреки расхожему мнению, будто писателей насильно загоняли в союз, они вступали туда по доброй воле. В условиях, когда сами труженики пера устали от дрязг и бесконечной борьбы противоборствующих группировок, новая объединяющая структура пришлась как нельзя кстати. Это дало возможность писателям эффективно решать ... проблемы, вести прямой диалог с властью, отстаивать свои интересы” [9, с. 5].

Заключение

Итак, мы рассмотрели советскую литературу 1930-х гг. как своеобразную отправную точку, ориентир для последующих десятилетий ее функционирования и развития, указав в качестве важнейшего события создание Союза писателей, ставшего своеобразным центром, координировавшим реализацию ряда императивных литературных установок соцреализма. Определена роль социалистического реализма как центральной установки в советской литературе.

Кроме того, мы можем не только констатировать тот факт, что статус-кво советской литературы в 1930-е гг. позволяет говорить о ней как о достаточно концептуально завершенной системе (субпарадигме по В. Тюпе, художественной системе по В. Хализеву), но и выдвинуть предположение, что советская литература 1930-х гг. и социалистический реализм как ее идейная основа выступили в качестве некоего инварианта, который функционировал, трансформируясь и развиваясь, во множестве вариантов вплоть до 1980-х гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Хализев, В.Е.** Теория литературы : учеб. / В.Е. Хализев. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 2000. – 398 с.
2. **Суслова, Н.В.** Новейший литературоведческий словарь-справочник для ученика и учителя / Н.В. Суслова, Т.Н. Усольцева. – Мозырь : ООО “Белый ветер”, 2003. – 152 с.

3. **Тюпа, В.И.** Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В.И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
4. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н.Д. Тамарченко. – Т. 1: Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М. : Издательский центр “Академия”, 2004. – 512 с.
5. **Спиридонова, Л.** Горький и Сталин: уступка за уступку / Л. Спиридонова // Литературная газета. – 2009. – № 33–34. – С. 5.
6. **Добренко, Е.** Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы / Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 1997. – 321 с.
7. Колкер, Ю. Чтоб Кафку сделать былью. 70 лет назад состоялся Первый съезд советских писателей / Ю. Колкер. – Звезда. – 2004. – № 10. – С. 207–217.
8. Ганичев, В. Тогда и сейчас / В. Ганичев // Литературная газета. – 2009. – № 33–34. – С. 6.
9. Быстрова, О. Начиналось так... / О. Быстрова // Литературная газета. – 2009. – № 33–34. – С. 5.

Поступила в редакцию 19.01.2011 г.

ЮБІЛЕЙНЫЯ ДАТЫ

ВУЧОНЫ, ПЕДАГОГ, ПАЭТ: ДА 60-ГОДДЗЯ В.І. РАГАЎЦОВА

У студзені гэтага года адзначыў сваё 60-годдзе загадчык кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова, член-карэспандэнт Беларускай акадэміі адукацыі, доктар філалагічных навук, прафесар Васіль Іванавіч Рагаўцоў.

В.І. Рагаўцоў нарадзіўся 4 студзеня 1952 г. у мястэчку Стрэшын Жлобінскага раёна Гомельскай вобласці. У 1973 г. закончыў Мазырскі дзяржаўны педагагічны інстытут (цяпер дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І.П. Шамякіна), а ў 1978 г. – аспірантуру ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа АН БССР і праз год абараніў кандыдацкую дысертацыю “Выражэнне прычынных адносін сінтаксічнымі сродкамі ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (словазлучэнні з невытворнымі прыназоўнікамі)”. Пасля заканчэння аспірантуры малады вучоны пачаў працаваць на кафедры беларускай мовы Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта (тады – педагагічнага інстытута) імя А.А. Куляшова, якую ўзначаліў у 1983 г. і якой загадвае па сённяшні час.

В.І. Рагаўцову пашанцавала з настаўнікамі і калегамі. Яго навуковым кіраўніком у аспірантуры быў адзін з найбуйнейшых айчынных лінгвістаў акадэмік М.В. Бірыла, а кафедрай, дзе пачаў працаваць учарашні аспірант, у розныя часы загадвалі вядомыя беларускія мовазнаўцы П.Я. Юргелевіч (1894 – 1973), Р.Н. Клюсаў (1916 – 1990), А.Л. Юрэвіч (1911 – 1986), якія разам са сваімі вучнямі і калегамі выпрацавалі навуковыя і педагагічныя традыцыі, што былі пакладзены ў аснову магілёўскай лінгвістычнай школы. Малады выкладчык арганічна ўпісаўся ў шэраг яе прадстаўнікоў.

У 2003 г. В.І. Рагаўцоў абараніў доктарскую дысертацыю “Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі” ў Інстытуце мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. Вучоным упершыню ў беларускім мовазнаўстве была зроблена спроба найбольш поўна выявіць і комплексна прааналізаваць сродкі маўленчага выражэння камічнага ў даўняй і сучаснай беларускай драматургіі (XVII – XX стст.), а таксама акрэсліць найважнейшыя асаблівасці іх ужывання.

Абсяг навуковых інтарэсаў прафесара В.І. Рагаўцова ўражвае. Гэта і сінтаксіс сучаснай беларускай літаратурнай мовы, і лексіка беларускіх народных гаворак, і мова беларускай мастацкай літаратуры, і пытанні тэарэтычнай лінгвістыкі, і шмат іншых актуальных праблем беларускага і агульнага мовазнаўства. Плён навуковай працы юбіляра ўвасобіўся ў больш за 200 публікацыях: манаграфіі, слоўніках, артыкулах у энцыклапедыях, айчынных і замежных навуковых часопісах, зборніках навуковых прац і інш.

Тэме камічнага ў маўленні, грунтоўна распрацаванай вучоным у яго доктарскай дысертацыі, прысвечана манаграфія “Маўленчае выражэнне камічнага ў беларускай драматургіі” (2002), а таксама “Слоўнік пра камічнае: мовазнаўчы аспект” (2010), у якім тлумачыцца больш за 210 тэрмінаў, што маюць дачыненне да камічнага як адной з катэгорый эстэтыкі (сутнасць, асноўныя віды, сродкі, спосабы і прыёмы вербальнага выражэння).

Значнае месца ў навуковай дзейнасці прафесара В.І. Рагаўцова займае лексікаграфія. Вучоны – аўтар унікальнага ў беларускім мовазнаўстве энцыклапедычнага даведніка “Мовы свету” (2009), у якім даюцца звесткі пра 400 найбольш распаўсюджаных моў свету, больш за 150 сем’яў і груп моў. Акрамя гэтага В.І. Рагаўцоў – сааўтар такіх грунтоўных даведнікаў, як “Матэрыялы да абласнога слоўніка Магілёўшчыны” (1981), “Анамастычны слоўнік Магілёўшчыны” (2000), “Слоўнік мікратапонімаў Магілёўшчыны” (2004), “Руска-беларускі слоўнік па машынабудаванні” (1998), “Мовазнаўцы МДУ імя А.А. Куляшова: агульнае і славянскае мовазнаўства (1930 – 2001): біябібліяграфічны даведнік” (2002).

Не менш уражае і плён навукова-метадычнай дзейнасці прафесара В.І. Рагаўцова, якому належыць каля 30 вучэбных дапаможнікаў, тыпавых праграм, метадычных распрацовак для ВНУ па сучаснай беларускай літаратурнай мове, уводзінах у мовазнаўства, агульным мовазнаўстве і інш.

В.І. Рагаўцовым сумесна з А.Л. Юрэвічам быў падрыхтаваны першы дапаможнік па тэарэтычнай лінгвістыцы на беларускай мове “Уводзіны ў мовазнаўства” (1987), у якім асноўныя лінгвістычныя паняцці і тэрміны раскрываюцца пераважна на матэрыяле беларускай мовы. Вучоны – аўтар серыі навучальных дапаможнікаў па тэорыі мовы для студэнтаў філалагічных факультэтаў ВНУ: “Практыкум па ўводзінах у мовазнаўства” (1989), “Уводзіны ў мовазнаўства: заданні для самастойнай работы студэнтаў” (1992), “Практыкум па гісторыі агульнага мовазнаўства” (2001), “Уводзіны ў мовазнаўства: практыкум” (2003), “Уводзіны ў мовазнаўства” (2004), “Гісторыя мовазнаўства” (2005), “Агульнае мовазнаўства” (2006), “Агульнае мовазнаўства: практыкум” (2007), “Агульнае мовазнаўства: заданні для тэставага кантролю” (2009).

Вельмі папулярным сярод выкладчыкаў ВНУ і школьных настаўнікаў беларускай мовы з’яўляецца падрыхтаваны В.І. Рагаўцовым сумесна з С.Я. Кечык вучэбны дапаможнік “Моўны разбор у ВНУ і ў школе” (1988), у якім у параўнальным плане падаюцца схемы і ўзоры асноўных відаў моўнага разбору ў вышэйшай і сярэдняй школе, практыкаванні для самастойнага аналізу моўнага матэрыялу.

Пытанні сінтаксісу падрабязна разгледжаны вучоным у вучэбных дапаможніках для філалагічных факультэтаў ВНУ “Дыскусійныя пытанні сінтаксісу беларускай і рускай моў” (2000) і “Сінтаксіс беларускай і рускай моў: дыскусійныя пытанні” (2001), у якіх аналізуюцца спрэчныя і найбольш складаныя пытанні сінтаксісу, што вывучаюцца ў ВНУ ў курсах сучаснай беларускай і рускай літаратурных моў.

Прафесар В.І. Рагаўцоў выходзіць навуковую і педагогічную змену, працяваючы традыцыі магілёўскай лінгвістычнай школы. Пад яго кіраўніцтвам было абаронена дзве кандыдацкія дысертацыі (выкладчыкаў нашага ўніверсітэта У.С. Дзянісава і А.М. Шубадзёравай), рыхтуюцца да абароны яшчэ дзве.

Шмат часу В.І. Рагаўцоў аддае і навукова-арганізацыйнай дзейнасці. Вучоны – член рэдкалегій навукова-метадычных часопісаў Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь “Роднае слова” (цяпер – навуковы кансультант) і “Беларуская

мова і літаратура”, навукова-метадычнага часопіса “Веснік МДУ імя А.А. Куляшова” і інш. Быў адным з кансультантаў энцыклапедыі “Беларуская мова” (1994), выдавецкім рэцэнзентам больш за 15 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў па сучаснай беларускай мове для вышэйшай і сярэдняй школы, каля 10 тлумачальных і перакладных слоўнікаў.

Навуковая, навукова-педагагічная і навукова-арганізацыйная дзейнасць прафесара В.І. Рагаўцова атрымала высокую ацэнку калег і дзяржавы. У 1999 г. вучоны быў абраны членам-карэспандэнтам Беларускай акадэміі адукацыі. У 2002 г. узнагароджаны медалём Францыска Скарыны.

Акрамя навуковых пошукаў, юбіляра, як усякага сапраўднага філолага, вызначае майстэрскае валоданне Словам. Літаратурная творчасць займае ў жыцці вучонага прыкметнае месца. В.І. Рагаўцоў – аўтар пяці паэтычных зборнікаў: “Сутонне” (1995), “Долягляд” (1998), “Адмыслоўцы” (2007), “На раскрыжы дарогі” (2008), “Імгненне і Вечнасць” (2010). Асобныя вершы паэта пакладзены на музыку кампазітарам М. Яцковым. У 1996 г. В.І. Рагаўцоў быў абраны сябрам Саюза пісьменнікаў Беларусі, а ў 2008 г. стаў лаўрэатам Літаратурнай прэміі імя Васіля Хомчанкі за зборнік вершаў для дзяцей “Адмыслоўцы” (2007).

Сёння прафесар і паэт Васіль Іванавіч Рагаўцоў знаходзіцца ў самым росквіце сіл. Хочацца шчыра пажадаць юбіляру і далей радаваць калег новымі навуковымі працамі, а прыхільнікаў мастацкага слова – новымі паэтычнымі творамі!

Я.Я. Іваноў,
кандыдат філалагічных навук, дацэнт

РЕПЛИКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

Шнирельман В.А.

Слово о “голом (или не вполне голым) короле” // Историческая психология и социология истории. – М., 2009. – Т. 2. – № 2.

Статья была прочитана с большим интересом, и при согласии с большинством частных рассуждений, вызвала принципиальные возражения.

Автор обращает внимание на то, что модное в современной русскоязычной историографии понятие *цивилизации* взято на вооружение не только консервативными, но реакционными, шовинистически настроенными российскими учеными и публицистами. Понятие локальных цивилизаций, как считает автор, разрушило представление о едином историческом процессе и позволило обосновывать особость и исключительность российской истории, доказывать исключительность и прогрессивность евразийства как желательного пути развития.

Уважаемого коллегу, очевидно, впечатлила московская евразийская тусовка, “достала”, как сейчас говорят. Но мало ли профанов и политически озабоченных дилетантов крутится вокруг истории. Вообще, на слово *цивилизации* в поисковиках чего только не найдешь. Что, из-за них отбрасывать метод, который при научном применении работает? Вспомним хотя бы московские сборники начала 90-х под названием “Цивилизации”...

Занимаясь Средневековьем, используя цивилизационный подход, я пришел к заключению, что множественность в определении цивилизаций вполне уместна, позволяет “отвязаться” от жестких формулировок, за которые упрекают многих ее сторонников, начиная с А. Тойнби. Явление амбивалентно. И если это признать, то понятие работает¹. Евразийцев же сколько раз разбирали “по косточкам”, в том числе и сам уважаемый автор², что вновь возвращаться к их критике нет нужды.

С мнением автора, что концепция локальных цивилизаций противоречит идее единства исторического процесса, наличия единых исторических закономерностей, объединяющих все человеческие сообщества, нельзя согласиться. Единство исторических процессов основано на общих естественных и социальных факторах существования землян. Единственный вид из гоминид стал “человеком умелым” и создал вторую сигнальную систему – речь. Едино элементарные человеческие потребности в питании и крове над головой, едины способы воспроизводства. Отсюда едины первичные способы и формы социализации: длительность и сложность выхаживания потомства породили, в отличие от живот-

---

¹ Рьер Я.Г. Цивилизации средневековья и начала нового времени: опыт структурного анализа. – Могилев, 2003; **Его же**. Цивилизации средневековой Европы // Вестник Европы. – 2006. – Т. XIX – XX. – С. 165–187.

² Шнирельман В.А. Русские, нерусские и евразийский феодализм: евразийцы и их оппоненты в 1920-е годы // Славяноведение. – 2002. – № 4. – С. 3–20.

ных стад, семейные и общинные организации, из которых выросли все известные формы общественной жизни. Но все это происходило в процессе освоения человеком различных природных зон. Необходимость приспособления к этим различиям на огромных пространствах породила множество как расовых, этнических, языковых типов, так и форм социальной, общественной организации. Локальные цивилизации и есть отражение этого множества типов и форм, которые, к тому же, динамично изменялись и продолжают меняться в историческом процессе. Отмеченное автором “перетекание” элементов одних общественных систем в другие (христианство возникло на Востоке, а распространилось и внедрилось на Западе, Япония до эпохи Мэйцзи была под влиянием Китая, затем переориентировалась на США и Европу) вполне объяснимо и с точки зрения локальных специфик. Так что противоречий между наличием общен исторических закономерностей и локальными вариантами их реализации нет.

Среди аргументов против цивилизационного подхода автор указывает на участие одного из наиболее популярных современных его адептов С. Хантингтона в весьма консервативной организации. Пусть так. Но статья, потом и книга этого политолога “Столкновение цивилизаций” потому и вызвала широкий резонанс, что оказалась не только злободневной, но и вполне обоснованно объясняла драматизм ситуации существованием цивилизационного разрыва... Хотя к истории он, как и большинство политологов, относится потребительски. Начав анализ лишь с середины прошлого тысячелетия, он сильно обеднил свои аргументы, о чем нам уже приходилось писать³.

У критиков концепции локальных цивилизаций есть и более серьезные аргументы. Автор указывает на отсутствие строгого определения понятия “цивилизация” и критериев ее обнаружения. Но в этом и “фишка”. Как сложно, многогранно, подвижно человечество в своих многомиллионных проявлениях, так аморфно и само определение цивилизаций. В зависимости от конкретно исторических условий у разных сообществ могут выделяться и переплетаться между собой различные признаки, не обязательно строго соотносимые друг с другом. Позволим сослаться на уже опубликованное собственное определение. **Цивилизации** – это человеческие сообщества с определенным уровнем различных явлений материальной и духовной культуры, формировавших условия жизни людей⁴. При таком подходе в равной степени, в отличие от формационного, сочетаются антропологические (биологические) и социальные явления. В каждой цивилизации существуют многочисленные взаимодействующие между собой пласты (географическая среда, система хозяйства, социальная организация, религия, господствующая идеология, духовные ценности, политическая система, ментальность), при изучении которых нельзя заранее устанавливать субординацию между ними⁵.

В.А. Шнирельман пишет, что многим цивилизациям присуща изменчивость, восприимчивость внешних влияний, и приводит соответствующие примеры. В частности, указывает на открытость западной цивилизации. Ну и что? При всей открытости и рациональности Запада ему присущ фундаментальный и не-

³ **Риер Я.Г.** Еще раз об истоках и исторических путях цивилизаций: размышления по поводу монографии С. Хантингтона “Столкновение цивилизаций” (М., 2006. – 571 с.) // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2008. – № 2-3. – С. 227–239.

⁴ “Может быть, “цивилизации” – это просто разные наборы, неповторимые сочетания уровней развития в разных сферах деятельности и жизнеобеспечения социума?” [Алаев, 2000, с. 565]. Такое понимание этого феномена известно и у этнологов [Маке, с. 9-13; Левин, Чебоксаров].

⁵ **Риер Я.Г.** Цивилизации средневековья. – С. 15.

изменный признак – индивидуализм, базирующийся на основополагающем господстве частного права, основанного на такой же безусловности частной собственности. Кстати, именно индивидуализм Запада и сделал его восприимчивым к непротиворечащим его основам влияниям. Более монолитные, но отрицающие права личности цивилизации Востока менее восприимчивы к влияниям извне. В принципе, на каждое рго автора можно привести соответствующее contra.

В общем, нужна и полезна **научная** полемика. Но при этом надо осознавать, что человеческое общество столь сложно и многогранно, что ни одна концепция не может претендовать на окончательную истину. Даже одного конкретного человека невозможно познать полностью и окончательно, что уж говорить обо всем человечестве! Автор справедливо пишет и об ответственности ученых, чьи идеи могут быть использованы недобросовестными публицистами и политиками. Но провозглашать критикуемую им концепцию антинаучной – все равно что клейма со свастики на древнерусских горшках XI – XII вв. объявлять нацистскими. И не изобретатели паровоза и автомобиля виноваты в дорожно-транспортных происшествиях...

Кстати, о цивилизационной устойчивости, с которой не согласен автор статьи, – американские индейцы в большинстве так и не адаптировались к современному обществу. Да и Россия после многих попыток демократизации неизбежно(?) возвращается к авторитаризму (как в известном анекдоте о конверсионном заводе, который вместо кастрюль все равно на выходе пушки с танками выдавал). А китайское общество? Даже приняв капитализм как метод экономического развития в остальном сохраняет свою цивилизационную особость. На Востоке лишь Япония демонстрирует устойчивое, хотя и специфическое восприятие западных ценностей, так что ее можно отнести скорее к Дальнему Западу. Так, в ее экономической основе почти что изначально лежали присущие Западу черты, связанные с частной земельной собственностью. Кстати, отсюда же и западная динамика, основанная на индивидуализме – производном от принципа частной собственности – уникальной черты, сложившейся в специфических условиях античности и древнегерманского общества⁶. И это тоже локальные цивилизационные черты.

В конкретной же критике извращений цивилизационных идей многими публицистами, философами, политологами и литераторами, предпринятой автором, – двумя руками “за”. Но не надо с водой выплескивать и ребенка...

---

⁶ За аргументацией позволю сослаться на вышеуказанные свои публикации. Об этом же среди последних публикаций см.: **Васильев Л.С.** Всеобщая история. – Тт. 1-2. – М., 2007.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

- ЛАЎРЫНОВІЧ**
Дзмітрый Сяргеевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры ўсходнеславянскай і расійскай гісторыі, дэкан факультэта замежных моў МДУ імя А.А. Куляшова
- ТАБУНОЎ**
Васіль Васільевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, загадчык аспірантуры МДУ імя А.А. Куляшова
- СУГАКА**
Леанід Аляксандравіч – старшы выкладчык кафедры гісторыі і культуры Беларусі МДУ імя А.А. Куляшова
- ІГНАТАВЕЦ**
Людміла Міхайлаўна – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ
- РАДЗЮК**
Андрэй Віктаравіч – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ
- ВОРАН**
Віталь Пятровіч – аспірант кафедры новай і найноўшай гісторыі БДПУ імя М. Танка
- ГАРМАТНЫ**
Віталь Пятровіч – магістр гістарычных навук, аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу БДУ
- ЧАСНАКОЎ**
Мікалай Рыгоравіч – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры філасофіі МДУ імя А.А. Куляшова
- КУТУЗАВА**
Наталля Аляксандраўна – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАНБ, прафесар Інстытута парламентарызму і прадпрымальніцтва
- РАГАЎЦОЎ**
Васіль Іванавіч – доктар філалагічных навук, прафесар, загадчык кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова, член-карэспандэнт Беларускай акадэміі адукацыі РБ
- ГРУШЭЦКАЯ**
Алена Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры германа-раманскай філалогіі МДУ імя А.А. Куляшова
- НАДУМОВІЧ**
Людміла Міхайлаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры культуры маўлення і міжкультурных камунікацый БДПУ імя М. Танка
- КОРСАК**
Вольга Мікалаеўна – аспірант кафедры тэарэтычнага і славянскага мовазнаўства БДУ
- КОЗЫЛЕВА**
Марыя Уладзіміраўна – аспірант кафедры беларускай мовы МДУ імя А.А. Куляшова
- ГРАЧАНИКАВА**
Яўгенія Леанідаўна – асістэнт кафедры рускай і сусветнай літаратуры ГДУ імя Ф. Скарыны
- ІВАНОЎ**
Яўген Яўгенавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры англійскага, агульнага і славянскага мовазнаўства МДУ імя А.А. Куляшова
- РЫЕР**
Якаў Рыгоравіч – доктар гістарычных навук, прафесар, загадчык кафедры ўсеагульнай гісторыі МДУ імя А.А. Куляшова

SUMMARIES

Chesnokov N.G. JUSTIFICATION OF VIRTUE (Th. Moor's "Utopia").

The article affirms that only with the appearance of the utopian consciousness Th. Moor could find reasonable arguments to reveal the sense of human generous behavior and justify the virtue of people.

Grechanikova Y.L. STATUS QUO OF THE "SOVIET LITERATURE" IN THE MATERIALS OF THE FIRST CONGRESS OF SOVIET WRITERS.

The article is devoted to the Soviet literature of the 1930s because this period is a very important stage in the formation of the concept "Soviet literature" and the so called 'social realism' aesthetics. The direct connection of the Soviet literature with the world's literary process is revealed in the article.

Grushetskaya Y.N. ABOUT THE PRESENT TENSE OF THE SUBJECT OF SPEECH.

The article deals with the vital problems of communicative grammar. The semantics of the Present Indicative together with its pragmatic functions are determined. Examining different texts in Modern French the author proves their dependence on the role of the subject of speech.

Harmatny V.P. AGRARIAN QUESTION IN THE PROGRAM OF BELARUSIAN PEASANTS-WORKING HROMADA IN 1925 – 1927.

The article tells about the agrarian problem in the program of the Belarussian Peasants-Working Hromada (BPWH) in 1925 – 1927. In the 1920 – 1930-ies peasants constituted about 80% of the Western Belarussian population so the agrarian problem was the most urgent one. Numerous political parties proposed their decisions of this problem to gain popularity with the Western Belarussian peasants. Due to the proposed plan of the agrarian problem resolution and its social and political activity BPWH became the most influential and numerous social-political organization in the Western Belarus in the interwar period.

Ignatovets L.M. RUSSIFICATION OF EDUCATIONAL SYSTEM IN VITEBSK AND MOGILEV PROVINCES (1830 – 1850).

The article is devoted to the educational policy of the Russian government in Vitebsk and Mogilev provinces in 1830 – 1850. In the epoch of Nicolas I the provinces had been given back the status of "returned from Poland" that enabled the Russian government to pursue depolonization of the educational system in this region. Depolonization of the educational system was entrusted to the Belarussian local education authority specially established for this goal. Successes of depolonization furthered russification causing full merger with the Russian educational system.

Korsak O.N. SOME MORPHOLOGICAL FEATURES OF THE POLISH NORTHERN DIALECT (ANALYZING POLISH WILLS MADE ON BELARUSIAN TERRITORIES).

The article displays some results of long Belarussian-Polish language contact in the formation of the Polish northern dialect morphology. The reasons of the morphological interference in this dialect are named. The Belarussian language influence is presented through the examples. This influence is determined by the Polish archaic forms, authentic Belarussian forms, hypercorrect forms and innovations.

Kozyleva M.V. TRANSFERENCE OF PROPER NAMES IN FOREIGN TEXTS.

The article deals with the main approaches to the transference of anthroponyms in foreign texts. The author analyses up-to-date means and methods of foreign proper names translation taking into account the results of the research in the Slavonic philology.

Kutuzova N.A. ORTHODOX FUNDAMENTALISM OF THE EARLY XVII CENTURY: FORMATION OF IDEOLOGY.

The article deals with the problems of the Orthodox fundamentalism formation in the polemic literature of the early XVII century. Fundamentalism is considered as the religious ideology based on the aversion of any dogma modernization and of the church reorganization expressed in protests. Key ideas of the Orthodox fundamentalism of the XVII century are contrasted with its modern analogues.

Lavrinovich D.S. LIBERAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA AND THE BELORUSSIAN NATIONAL QUESTION IN 1917.

The article is devoted to the formation of national, socio-cultural and confessional identity of the Belorussian nation in the ideology of the liberal political parties and public organizations. It discloses the genesis of the Belorussian national idea in the Russian political movement during World War I. The article reveals attitudes towards the Belorussian ethnic question of both national (the Constitutional-Democratic Party, the Russian Radical-Democratic Party, the National

Landowners Union) and regional (the Belorussian National Union of Vitebsk Region, The Belorussian Democracy Union) liberal parties. The evolution of the views on the Belorussian identity (the ethnos recognition, definition of its settling territory, necessity to study its cultural features, state building by the end of the Great War) is examined.

Nadumovich L.M. LEXICAL UNITS WITH THE INITIAL ВЕЛИК(О)- IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN AND BELORUSSIAN LANGUAGES.

The research is a synchronic-diachronic investigation of the words with the initial part *велик(о)-*, their semantics, derivational structure and etymology in the history of the Russian and Belorussian languages. In the XI – XVII centuries such words had a two-element structure. The compounds have been determined to have no significant differences in the Russian and Belorussian languages during XI – XVII centuries. In both languages nearly the same derivational types displayed high productivity.

Radziuk A.V. SOVIET AUTHORITIES IN PARTISAN AREAS IN BELARUS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

The article analyses the reasons causing the creation of the partisan areas on the territory of Belarus. The author depicts the history of the partisan areas formation and the establishment of the Soviet authorities there. The article emphasizes the great importance of the partisan areas in the development of the partisan war. The author discovers cooperation of the Soviet authorities and the Communist Party in the guidance of the partisan areas. Disclosing the events, processes and facts he relates them to the administrative division existing in the BSSR on the eve of the Great Patriotic War.

Riyer Y.G. COMMENTARY ON THE ARTICLE: SHNIRELMAN V.A. THE LAY ABOUT A “NAKED (OR HALF-NAKED) KING” // HISTORICAL PSYCHOLOGY AND SOCIOLOGY OF HISTORY. – M., 2009. – VOLUME 2. – № 2.

Ragautsov V.I. VERBAL COMIC MEANS IN THE “COMEDY” BY K. MARASHEUSKI.

“Comedy” by Kayatan Marasheusky is one of the greatest works in the heritage of the Belorussian literature of the XVIII century. Various verbal means (specialized and non-specialized ones) create a comic effect in the “Comedy”. The major function of specialized means is comic. They include means of irony. Non-specialized means perform a comic function as a minor one. They are idiolect cliches, pseudo dialectal words and expressions, borrowed elements, forms of address, pejorative means, comparisons etc. An important role in revealing the comic connotation belongs to special means (means of verbal and non-verbal context). To accentuate their comic effect intensifiers are used.

Sugako L.A. EVACUATION OF THE BSSR INDUSTRIAL POTENTIAL IN SUMMER 1941.

The article deals with one of the most complicated problems the Communist party and the BSSR government faced at the beginning of the Great Patriotic War – the evacuation of the industrial enterprises to the rear of the Soviet Union to save them from the capture, exploitation and pillage of the German Nazis. Archival sources provided new facts about the evacuation of the Belorussian industry which have been compared argumentatively with the previously acquired data. The extremely unfavorable conditions of the evacuation are emphasized in the article.

Tabunov V.V. REGULATION OF THE ORTHODOX AND ROMAN-CATHOLIC CHURCHES ACTIVITIES BY THE RUSSIAN EMPIRE LAW IN BELARUS (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES).

The article analyses the position of both Orthodox and Roman Catholic Churches on the Belarusian lands according to the legislation of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries. The Orthodox Church of this period was in a privileged position due to the freedom of preaching its faith. Despite some restrictions the patronized Roman Catholic Church functioned rather successfully.

Voron V.I. ETHNIC FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF AGRARIAN EDUCATION AND SPREAD OF PROGRESSIVE AGRICULTURAL KNOWLEDGE IN THE DNIEPER REGION (LATE XIX – EARLY XX C.).

The article investigates the impact of the ethnic factor on the development of the agrarian education and the distribution of the advanced agricultural knowledge on the territory of the Dnieper region in the late 19th – early 20th century. The object of the investigation is Russian, Jewish, German and Polish population as the most numerous nationalities inhabiting the Ukraine in the late 19th – early 20th century.

SCHOLAR, EDUCATOR, POET: V.I. RAGAUTSTOU 60TH ANNIVERSARY.